

Литературно-краведческий
альманах 2010/№1

2010/№1

Литературно-краведческий альманах

Апрель 2010 г.

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краведческий альманах
2010/№1

Литературно-краеведческий альманах

2010/№1

Содержание

3 От редактора

Краеведение

5 Грани истории: записки краеведа

6 Удивительный, но неразгаданный человек

Александр Петрушин

14 Каталог книжной выставки

«Павел Афанасьевич Россомахин – краевед, художник, просветитель (1886–1956)»

Наталья Деревнина

20 Перспектива в миниатюре

Елизавета Ганопольская

23 Парадоксы судьбы поэта Василия Князева

Ольга Понамарёва

27 Открытия: новые факты и имена

28 Литературная деятельность

купца И.И. Игнатова

Александр Вычугжанин

30 И протянулись блестящие нити железных дорог

Людмила Важенина

39 Что в имени твоём

Людмила Важенина

47 Военные страницы

48 Семейная память, как зримая связь поколений

Антонина Маркова

69 Тюменский календарь

70 Зот – значит полный жизни

Елена Дубовская

Литература

86 Три рассказа про поездку в Тюмень

Людмила Важенина

115 Поэтическая галерея

Анатолий Марласов

Юрий Бутаков

Ольга Данилова-Пушкарь

Евгения Зенкова

Валерий Новиков

Антонина Маркова

Елизавета Ганопольская

Елена Купчик

127 Лики творчества

128 Девочка с гитарой

Алена Сальманова

129 Заветное письмо

Алена Сальманова

131 Слезы дождя

Алена Сальманова

132 Коктейль

Алена Сальманова

134 Рассказы

Алена Слинкина

137 Рифма

Альбина Гавриш

Вячеслав Корииков

Ирина Жгурова

Галина Грицаченко

Олег Астафуров

Денис Ахмадиев

Наталья Неустроева

Олег Денисов

Алексей Батраченко

Светлана Печенкина

Догалак Оспанов

Станислав Пенявский

Евгений Соснин

153 В помощь учителю-словеснику

154 Мир русской истории в сказке

П.П. Ершова «Конек-Горбунок»

Наталья Рогачева

От редактора

Территория творчества

Начиная работу над альманахом «ЛИК», мы думали: каким должен быть литературно-краеведческий альманах?

С разделом краеведения все было более или менее ясно: историки и краеведы непрерывно работают над тем, чтобы заполнить белые пятна истории Тюмени и области. Находят интересные факты из жизни купцов, сводят воедино сведения о жизни и работе больших городских предприятий, добывают информацию о людях забытых, восстанавливают картины прошлого. Словом, делают все, чтобы мы знали о родном городе как можно больше.

Их работы, как правило, появляются в специализированных изданиях. Наша задача – показать их широкой заинтересованной публике.

А из чего должен состоять литературный раздел? Публиковать ли в нем произведения состоявшихся авторов, членов Союза писателей или отдать страницы альманаха тем, кто делает только первые шаги на пути прозы и поэзии?

Мы пришли к выводу, что городской литературно-краеведческий альманах, прежде всего, должен стать свободной территорией для творчества тюменцев. Мы хотим показать Тюмень литературную в объеме – не только людей читающих, но и пишущих. Именно поэтому первый выпуск альманаха «ЛИК» объединил в себе и стихи уже известных поэтов (Елизаветы Ганопольской и Анатолия Марласова), и тех, чьи имена прозвучат впервые (авторы рубрики «Рифма»).

Мы будем рады всем откликам на выпуск альманаха «ЛИК», а также новым авторам и читателям.

Оксана ЧЕЧЕТА

Краеведение

Грани
истории:
записки
краеведа

**Александр
Петрушин**

Удивительный, но неразгаданный человек

1 декабря 1886 года в Тюмени родился Павел Афанасьевич Россомахин. Его судьба – сюжет для авантюрного романа. Меня он интересовал как хранитель всех таинственных событий ранней советской истории нашего города и края.

После смерти отца, мелкого почтового чиновника, мать бросила детей, и 14-летний Павел остался для четверых братишек и сестренек за старшего. «Жилось, – вспоминал он, – очень трудно. Стипендии, которую я получал в реальном училище, не хватало, и мне пришлось давать частные уроки. День проходил так: вставал в 3–4 часа утра, стряпал хлеб, готовил чай ... с 9 до 3-х – занятия в училище, потом сразу на уроки до позднего вечера, а завтра – то же самое...»

Одаренный и трудолюбивый юноша окончил в 1905 году Александровское реальное училище в Тюмени первым учеником и поступил безо всякой протекции в Академию художеств. Однако «существовавшие там консервативные порядки, – отмечал Россомахин, – мне не понравились, и я вернулся из Санкт-Петербурга в Тюмень, где устроился учителем – хотелось работать в народе и для народа. Дело наладил, с ребятами сдружился. Преподавал им математику, родной язык, естествознание, рисование и гимнастику. В свободное время рисовал и изучал свой родной край – эту страсть мне привили живописец Н. В. Кузьмин и директор реального училища И. Я. Словоцов, с которым я работал в его музее».

Тогда же Россомахин «сошелся с политическими ссыльными, каковых здесь было предостаточно». Он вел среди крестьян антиправительственную пропаганду, критиковал в журнале «Сибирские вопросы» уездное чиновничество. За учителем следила полиция, его квартиру в Тюмени на улице Садовой (сейчас Дзержинского) обыскивали. От тюрьмы спасла ... Первая мировая война.

Посчитав, что «интеллигенту стыдно сидеть в тылу, когда рабочие и крестьяне гибнут в окопах», он добровольно ушел на фронт.

По сведениям хранящегося в Российском государственном военном архиве послужном списке Россомахина, составленном 14 марта 1921 года, он «мобилизован в июне 1914 года», но «считался вольноопределяющимся 43-го Сибирского пехотного полка» (пехотные подразделения и части приказом Реввоенсовета РСФСР от 11 октября 1918 года – А. П.). В дореволюционной России вольноопределяющимися назывались призванные на военную службу или добровольно на нее поступившие лица с высшим или средним образованием и имевшие право сдать экзамены на первый офицерский чин. Им также позволялось иметь не казенное, а собственное обмундирование и обувь, сшитые на заказ, но обязательно из солдатского сукна. Видимым отличием вольноопределяющихся от простых солдат были погоны, которые с 1874 года обшивались витым бело-черно-оранжевым шнурком. В таких погонах сфотографирован Россомахин перед отправкой на войну.

Его посылали в военное училище, но он всякий раз отговаривался: «Должен нести все тяготы вместе с народом».

Пока хватало офицеров довоенной подготовки, командирование считалось с этими принципами. Однако после неудачных сражений 1915 года и огромных потерь среди офицерского состава Россомахина отправили в школу прапорщиков в грузинский город Телав: любые отговорки расценивались уже как неподчинение.

Как свидетельствует его послужной список, «в марте 1916 года произведен в первый офицерский чин и назначен младшим офицером 218-го, затем – 160-го запасных полков. 30 августа того же года прапорщик Россомахин (погоны с одним просветом и одной пятиконечной звездочкой) зачислен в 6-ой Сибирский пехотных полк, где командовал пешими разведчиками и штурмовой ротой. За боевые отличия награжден Георгиевским крестом 4-й степени, орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 4-й степени, Станислава – 3-й степени. Солдаты уважали своего командира: он не пил, не курил, не сквернословил ... Не прятался в боях за спины подчиненных ... После Февральской революции 1917 года штабс-капитана Россомахина (пять звездочек на погонах с одним просветом) избрали командиром полка.

П.А. Россомахин
1929 г.

Октябрьский переворот завершил развал русской армии. Одним из первых декретов новой власти – Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) был подписанный 10 ноября 1917-го декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов, который отменял прежнюю структуру общества и упразднял все дореволюционные военные и гражданские ордена, медали и другие знаки отличия. Старое было разрушено, а новое еще не создано.

Оружие, боеприпасы и военное имущество продавались, а деньги делились и – по домам. Из сорока с лишним командиров полков Западного фронта только Россомахин поступил иначе и вывез тремя эшелонами личный состав с полным вооружением в Пензу. «Там, – вспоминал он, – на меня смотрели, как на больного – сохранить такое богатство. А я иначе не мог, как же – народный учитель».

Не случайно, именно его солдаты отправили к В. И. Ленину делегатом от 1-го Сибирского корпуса рассказать о реальном положении на фронте. Воспоминания Россомахина о встрече с «вождем мирового пролетариата» не публиковались по идеологическим соображениям. По утверждению боевого офицера, его собеседник, которого партийно-государственная пропаганда считала выдающимся военным организатором, «оказался плохим знатоком военного дела: не знал, что двух эшелонов Красной гвардии недостаточно, чтобы заполнить бреши на фронте ... Когда услышал «буханка», то попросил повторить и записал в книжку: «Первый раз слышу!»

Ленин очень подробно расспрашивал Россомахина о настроениях в армии. Сказал, что партии пришлось воспользоваться частично и элементами, чуждыми пролетариату, проще говоря, уголовниками, иначе «нам не удалось бы восстание, однако мы постепенно очистимся от них». В конце беседы Ленин «обязательно велел побывать у военного комиссара Подвойского, так как тот что-то затевает относительно регулярной армии. «Сходите к нему, он хорошо говорит...»

Но Россомахин 9 мая 1918 года предпочел уехать в Тюмень. Хотел учительствовать, а тут – восстание чехословацкого корпуса военнопленных: так в Сибири началась Гражданская война. Когда 20 июля белые вошли в город, у них был список «сочувствующих Советской власти». В их числе оказался и Россомахин. От расстрела его спасло «ходатайство учительского союза и жителей Тюмени». Сослуживец полковник Дмитриев дал письменное поручительство: «Знаю Павла Афанасьевича как честного человека, а честного человека за убеждения расстреливать нельзя».

Выйдя из тюрьмы, Россомахин занялся созданием музея. Бывал в деревнях, выступал против насильственной мобилизации. Перед отступлением из Тюмени, колчаковцы вновь хотели с ним расправиться, но ученики спрятали своего учителя в погреб. До прихода красных. Те, в свою очередь, назначили бывшего штабс-капитана, не спрашивая его согласия, командиром батальона 6-го крепостного полка. Такие подразделения формировались из перебежчиков и дезертиров. Обе армии красная и белая – состояли в основном из мобилизованных крестьян, которые иногда по несколько раз переходили из одного войска в другое. По сведениям академика Полякова, с февраля по декабрь 1919 года из Красной армии дезертировали миллион семьсот тысяч человек. У белых дезертиров было не меньше.

Ленин 9 июня 1919-го приказал Реввоенсовету Восточного фронта: «Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет, ставьте им задачей взятие ближайших больших заводов вроде Мотовилихи, обещая отпустить, когда возьмут их, ставя по два и по три человека на одну винтовку».

Поэтому крепостные полки использовались красными в Сибири в качестве штрафных частей для прорыва белой обороны и использовались полностью в одном – двух боестолкновениях. После разгрома колчаковщины Россомахина освободили от военной службы по болезни, и он возвратился в Тюмень. Здесь в мае 1920-го его избрали в уездный ревком, где он заведовал одновременно отделами народного образования, здравоохранения, финансов, разрабатывал новые школьные программы и редактировал местную газету «Известия». За публикацию статей о пьянстве и издоимстве партийных работников чекистов Россомахина арестовали, предъявив обвинение в «контрреволюции путем печати». «Трое суток, – вспоминал он, – просидел в подвале Тюменской ИК, пилил дрова и ел селедку».

ВСТУПИЛ НА СЛУЖБУ В РККА *Селюцкий* 1919 г.

№	Имя	Возраст	Служба	Звание	Дата	Примечание
1	Борисовский Иван	1919	12	Капитан		
2	Давыдовский Иван	1920	5	Капитан		
3	Проповцев	1920	11	Капитан		
4	Старухин Иван	1920	11	Капитан		
5	Ворошилов	1920	11	Капитан		
6	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
7	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
8	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
9	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
10	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
11	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
12	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
13	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
14	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
15	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
16	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
17	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
18	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
19	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
20	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
21	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
22	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
23	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
24	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
25	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
26	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
27	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
28	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
29	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		
30	Курочкин Иван	1920	11	Капитан		

12. Служба в РККА: 12.06.1919 - 12.06.1920

13. Служба в РККА: 12.06.1920 - 12.06.1921

14. Служба в РККА: 12.06.1921 - 12.06.1922

15. Служба в РККА: 12.06.1922 - 12.06.1923

16. Служба в РККА: 12.06.1923 - 12.06.1924

17. Служба в РККА: 12.06.1924 - 12.06.1925

18. Служба в РККА: 12.06.1925 - 12.06.1926

19. Служба в РККА: 12.06.1926 - 12.06.1927

20. Служба в РККА: 12.06.1927 - 12.06.1928

21. Служба в РККА: 12.06.1928 - 12.06.1929

22. Служба в РККА: 12.06.1929 - 12.06.1930

23. Служба в РККА: 12.06.1930 - 12.06.1931

24. Служба в РККА: 12.06.1931 - 12.06.1932

25. Служба в РККА: 12.06.1932 - 12.06.1933

26. Служба в РККА: 12.06.1933 - 12.06.1934

27. Служба в РККА: 12.06.1934 - 12.06.1935

28. Служба в РККА: 12.06.1935 - 12.06.1936

29. Служба в РККА: 12.06.1936 - 12.06.1937

30. Служба в РККА: 12.06.1937 - 12.06.1938

Стычки с тупым местным начальством наскучили Россомахину: в августе 1920-го он уехал на Всероссийский съезд учителей в Москву и там уже добровольно вступил в Красную армию.

Ему поручили сформировать из воронежских крестьян 1-й образцовый полк, который гонял по Украине разрозненные отряды Махно. Предреввоенсовета Республики Троцкий, инспектируя этот полк, не сдержал восторга: «С начала революции не видел таких дисциплинированных, сознательных и непьющих бойцов».

Главным делом для анархиста-коммуниста Нестора Ивановича Махно (родился в 1880 году в Екатеринославской губернии, в деревне Шагаровской, недалеко от села Гуляй-Поле) стала Гражданская война. Он воевал против Временного правительства Керенского, немцев, петлюровцев, денкинцев, большевиков. С последними трижды заключал союз и всякий раз его расторгал. Под началом «бабки Махно» собиралось до 50 тысяч повстанцев. Он контролировал значительные территории Украины. Смелый, умелый, хитрый командир получил 14 ранений. Советская власть наградила его орденом Красного Знамени за большой вклад в разгром Деникина.

В ноябре 1919 года махновские отряды заняли Екатеринослав и сделали его столицей «вольной территории». В основе этой идеи имелась некая социальная база: украинские крестьяне во время Гражданской войны утратили экономические связи с городом и перешли к натуральному хозяйству. Любую власть они связывали с налогами, мобилизациями в армию и реквизициями скота.

Но создать «безвластное государство» в соответствии с принципом «моя хата с краю» было нереально. Промышленные предприятия не работали. Денежные средства банков разграблены. Вместо «вольных Советов без коммунистов и продразверстки» возникла атаманщина и военная диктатура Махно.

В начале 1920-го Махно отказался выступить против белополяков и доставил немало неприятностей частям Красной армии и советским органам на территории Екатеринославской, Таврической, Донецкой и Харьковской губерний. В октябре с ним удалось договориться о совместной борьбе против Врангеля и освобождении Крыма. «Батьке Махно» предложили слить повстанческие отряды с регулярными красными частями – план создания «безвластного государства» оказался под угрозой. Махно отказался от предложения Реввоенсовета Южного фронта, поэтому 25 ноября 1920 года махновцев в очередной раз объявили врагами Советской Республики.

Погоня за Махно с использованием конницы, автомобилей, самолетов продолжалась более полугода. Атаман с несколькими десятками человек 28 августа 1921 года переправился через Днестр и сдался румынским властям. Махно умер от туберкулеза 24 сентября 1934 года в Париже (в отличие от лидеров украинских националистов Петлюры, Бандеры, Шухевича и других, власти «незалежной» Украины не спешат реабилитировать Нестора Махно – бунтаря и противника любого государства).

Для большевиков, мечтавших о «мировой революции» границы возникших на развалинах Российской империи суверенных государств», таких как Азербайджан, Армения и Грузия не являлись неодолимым препятствием.

Направленный полпредом Советской России в Тифлис (Тбилиси) С. М. Киров устроил там «народное восстание», создал «правительство», которое сразу же обратилось за помощью к революционному северному соседу. По перевалам через Кавказский хребет в Грузию был направлен 272-й стрелковый полк 91-й бригады 31-й дивизии. Командовать этим полком назначили Россомахина. За разгром отрядов грузинских националистов и взятие Нового Афона его наградили орденом Красного Знамени (знак ордена 8189).

Сегодня довольно сложно судить о более чем 14900 награждениях этим первым орденом за годы Гражданской войны. Но если взять количество всех мобилизованных и призванных в добровольном порядке в Красную армию с 1918 по 1920 годы, – а это 6 707 588 человек, – то 14900 кавалеров ордена Красного Знамени составят всего лишь 0,2 % от этого числа. При этом были и исключения. Только в одном Автобронеполку ВЦИК имени Свердлова – целых 99 награждений за период Гражданской войны. Численность отряда едва превышала 50 человек, а трое бойцов стали кавалерами трех орденов. Но в целом можно говорить о высокой цене ордена революции.

24. Россомахин (фамилия)	25. Александр (имя)	26. Полковник (звание)	27. С. М. Киров (полное имя)	28. 1 (номер документа)	29. 1921 (год)	30. 10 (число)	31. 10 (число)	32. 31.08 (дата)	33. 31.08 (дата)	34. 31.08 (дата)	35. 31.08 (дата)	36. 31.08 (дата)	37. 31.08 (дата)	38. 31.08 (дата)	39. 31.08 (дата)	40. 31.08 (дата)	41. 31.08 (дата)	42. 31.08 (дата)	43. 31.08 (дата)	44. 31.08 (дата)	45. 31.08 (дата)	46. 31.08 (дата)	47. 31.08 (дата)	48. 31.08 (дата)	49. 31.08 (дата)	50. 31.08 (дата)	51. 31.08 (дата)	52. 31.08 (дата)	53. 31.08 (дата)	54. 31.08 (дата)	55. 31.08 (дата)	56. 31.08 (дата)	57. 31.08 (дата)	58. 31.08 (дата)	59. 31.08 (дата)	60. 31.08 (дата)	61. 31.08 (дата)	62. 31.08 (дата)	63. 31.08 (дата)	64. 31.08 (дата)	65. 31.08 (дата)	66. 31.08 (дата)	67. 31.08 (дата)	68. 31.08 (дата)	69. 31.08 (дата)	70. 31.08 (дата)	71. 31.08 (дата)	72. 31.08 (дата)	73. 31.08 (дата)	74. 31.08 (дата)	75. 31.08 (дата)	76. 31.08 (дата)	77. 31.08 (дата)	78. 31.08 (дата)	79. 31.08 (дата)	80. 31.08 (дата)	81. 31.08 (дата)	82. 31.08 (дата)	83. 31.08 (дата)	84. 31.08 (дата)	85. 31.08 (дата)	86. 31.08 (дата)	87. 31.08 (дата)	88. 31.08 (дата)	89. 31.08 (дата)	90. 31.08 (дата)	91. 31.08 (дата)	92. 31.08 (дата)	93. 31.08 (дата)	94. 31.08 (дата)	95. 31.08 (дата)	96. 31.08 (дата)	97. 31.08 (дата)	98. 31.08 (дата)	99. 31.08 (дата)	100. 31.08 (дата)
------------------------------------	-------------------------------	----------------------------------	--	-----------------------------------	--------------------------	--------------------------	--------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	-----------------------------

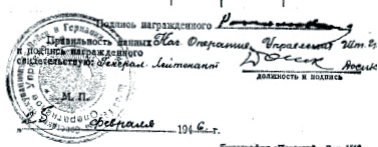
Перечитывая наградной лист Россомахина, лично я убедился в том, что орденом Красного Знамени, как правило, награждали за конкретные боевые подвиги и отличия.

За несомненные военные способности – при штурме хорошо укрепленной Новоафонской крепости полк Россомахина потерял 7 человек убитыми и 19 ранеными – командиру полка выдали путевку для учебы в академии Генштаба. Но скучавший по мирной жизни и сибирским морозам Россомахин упросил Реввоенсовет фронта отправить его в распоряжение помглавкома по Сибири В. И. Шорина – хотелось быть поближе к дому.

Его очередное возвращение в Тюмень совпало с Западно-Сибирским крестьянским восстанием против продразверстки. Бывший народный учитель возглавил части особого назначения Тюменской губернии. Протесты Россомахина против массовых бессудных расстрелов повстанцев не понравились губкомовской верхушке и после подавления восстания командующего ЧОН «вычистили» из коммунистической партии, как «выходца из мелкобуржуазной среды», и гоняли с должности на должность – одно время он выполнял до 33 обязанностей! Наконец, в 1924 году Павла Афанасьевича назначили директором Тюменского педагогического техникума. Он много читал, вел археологические раскопки в окрестностях Тюмени, собирал архивные документы, составлял музейные коллекции. Тогда же узнал о дневнике штабс-капитана колчаковской армии

14. Перечисление всех полученных наград

Наименование орденов, медалей	Их номера	№№ документов	Основание награждения
«Красное Знамя»	3189	№ 1 Енисейск. округа № 2007	Указ № 80 от 1.11.1919
«Красная Звезда»	11611	№ 2 Урал. округа № 610034	Указ № 100 от 23.11.1919
«Отечественная война 1914-1918»	20000	№ 1 Урал. округа № 117538	Указ № 100 от 23.11.1919
«Отечественная война 1914-1918»	20000	№ 1 Урал. округа № 117538	Указ № 100 от 23.11.1919
«За победу над Германией»	—	№ 1 Урал. округа № 117538	Указ № 100 от 23.11.1919
«За участие в обороне»	—	№ 1 Урал. округа № 117538	Указ № 100 от 23.11.1919
«За освобождение городов»	—	№ 1 Урал. округа № 117538	Указ № 100 от 23.11.1919

Киселева, сопровождавшего вывезенные в сентябре 1919-го из Тобольска по Иртышу и Оби на северо-восток ценности Сибирского белого движения и карте подходов к этому складу. Но тайник с сокровищами искали и органы ОГПУ–НКВД. Краеведа Россомахина снова арестовали. Повод для ареста – «хранение в музее старинного оружия» быстро перерос в 1937-м в обвинение: «подготовка вооруженного восстания с целью свержения Советской власти».

Россомахина продержали в тюрьме почти 2 года – требовали выдать тайну колчаковского клада. Он не проговорился – понимал: в этой тайне – его жизнь. А следователей НКВД убедил: о дневнике штабс-капитана Киселева слышал и обязался эти записки найти. В 1939 году Россомахина

отпустили на свободу, восстановили в партии и назначили директором Тюменского краеведческого музея. Но держали под постоянным наблюдением: как бы не скрылся.

И вновь «выручила» война с Германией: 55-летний майор запаса Россомахин возглавил 1276-й стрелковый полк сформированной в Ишиме 384-й стрелковой дивизии, которая вошла в состав 11-й армии Северо-Западного фронта. Дивизия истекла кровью в тяжелых оборонительных боях под Старой Руссой на реке Ловати. Остатки этого соединения влили в 55-ю стрелковую дивизию, где Россомахин командовал 107-м стрелковым полком. Войну закончил в Берлине полковником в оперативном отделе штаба 1-го Белорусского фронта.

К царским наградам и революционному Красному знамени добавились ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

В марте 1947 года его демобилизовали по возрасту. Он вернулся в Тюмень и прожил еще почти 10 лет. После смерти Россомахина вдова

Валентина Петровна продала хранившиеся в их доме на улице Коммуны нарисованные покойным мужем пейзажи и этюды в местную картинную галерею. Но до сих пор не ясно, куда исчезли собранные Россомахиним документы «истпарта» и «общества краеведов», некоторые картины и часть личных коллекций. Говорили, что незадолго до своей кончины он сжигал и прятал какие-то бумаги. Может, в этих документах была заключена главная тайна такого удивительного, но неразгаданного человека?*

Фамилия, имя, отчество Россомахин Александр Александрович		2. Родился 1886	
Материнская фамилия Гусев	4. Звание по службе русский полковой артиллерийский капитан	12. Прошел воинские звания полковник	Дата 1914
Место рождения Ольжонская область г. Тюмень	Историч. образование и образование Ссуш. институт	13. Выбыл в резерв Орловский	И номер 020
Член ВКП(б) с 1949 г. п. б. № 874340 (анд. ВКП(б) с _____ г.)	Член ВЛКСМ с _____ г. Безпартийный.	14. Работал в ветеринарии Роспот	Дата 1947
Прожив. в др. партиях _____ (дата) с 19____ по 19____	Плат. взноса и измен. партийности _____	15. Награды, ордена и медали Орден Красной Звезды 1944, Орден Отечественной войны 1 степени 1945, Орден Красной Звезды 1947	И номер 61921, 201813, 201813
Ошное Среднее специальное образование с 1906 г.	Военное Школа артиллерийских офицеров в 1915 г. в Ишиме	16. Семейное положение и адрес семьи Венат	Дата 1947
Политическое не имеет	Служба в старой армии с 1914 по 1917	17. Семейное положение и адрес семьи Венат	Дата 1947
Служба в белой армии не служил	Служба в партизанском отряде не было	18. Семейное положение и адрес семьи Венат	Дата 1947

Удочн. № 84676 сер. № 0-000001. 30. IV. 44г.

* В качестве иллюстраций к тексту использованы сохранившиеся в архиве документы П.А. Россомахина.

Наталья Деревнина

Каталог книжной выставки

Павел Афанасьевич Россомахин – краевед, художник, просветитель (1886–1956)

Талант П.А. Россомахина многогранен: он проявил себя как историк, археолог, художник, общественный деятель, краевед, музейный работник, педагог. Россомахин, выходец из простого народа, мог бы сделать блестящую карьеру в сфере точных наук, естествознании, военном деле. Однако он посвятил основную часть жизни изучению родного края.

П.А. Россомахин был директором Тюменского областного краеведческого музея (1926–1941). Он разделил участь многих краеведов 30–40-х годов: его труды сознательно замалчивались. Они и сегодня не опубликованы.

Другая часть его биографии – военная карьера. Он прошел три войны: Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную. Храбрости этот человек был отменной: Россомахин заслужил солдатский Георгиевский крест и чин штабс-капитана. А во время Гражданской, встав на сторону большевиков, участвовал в боях против Колчака, Махно, Врангеля. Дважды в 20-е годы приговаривался белыми к расстрелу.

Всю Великую Отечественную войну Россомахин снова провел на фронте. К награде Гражданской войны – ордену Красного Знамени – добавились ордена Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, четыре медали.

Не миновала П.А. Россомахина и суровая рука сталинской репрессивной машины. В 1921 г. его первый раз «вычистили» из партии как «выходца из мелкобуржуазной среды». В феврале 1937 года по доносу он был арестован за хранение в музее старинного оружия («подготовка вооруженного восстания с целью свержения Советской власти»). Его второй раз исключили из партии и продержали в тюрьме почти два года.

После Великой Отечественной войны, уйдя в отставку, П.А. Россомахин вернулся в Тюмень и основательно занялся живописью. В 1952 году краеведческий музей организовал выставку, посвященную 45-летию творческой деятельности художника и краеведа.

В первом разделе выставки представлены материалы биографии П.А. Россомахина.

**Раздел I: «Удивительная стезя
П.А. Россомахина»**

1. Борщевская, О. О культуре, о душе, о жизни // Тюм. обл. сегодня. – 2008. – 11 окт. С. 6.

Воспоминания коренной жительницы Тюмени о Россомахине, о личных встречах с ним.

2. Дубовская, Е. Павел Россомахин и его эпоха // Тюм. правда. – 2006. – 9 нояб. – С. 4.

Материалы о жизни П. Россомахина в связи с тем сложным временем, в котором ему пришлось жить. Есть его фото и этюды из серии «Времена года».

3. Дубовская, Е. Павел Россомахин. Человек удивительной судьбы // Этюды о Тюмени. – Екатеринбург, 2004. – С. 212–215; Тюм. изв. – 1997. – 15 февр.

О выставке «Попытка портрета», посвященной Россомахину. Эта выставка – плод работы двух музеев: краеведческого и изобразительных искусств.

4. Павел Афанасьевич Россомахин (К 115-летию со дня рождения) // В помощь краеведу: материалы к календарю знаменательных и памятных дат Тюм. обл. на 2001 г. / ТОНБ. Краевед. отд.; сост. Суцая Е. А. – Тюмень, 2000. – С. 32–34.

Биография П.А. Россомахина и список литературы о нем.

5. Петрушин, А. Он знал все тюменские тайны, но держал язык за зубами // Тюм. курьер. – 1995. – 19 авг.; Наше время. – 1993. – 31 июля.

Об ученом-краеведе, участнике революционных событий, репрессированном в 1937 году, П.А. Россомахине.

6. Рогачев, В. А. Прекрасные лица тюменской истории // Тюм. курьер. – 1997. – 13 февр.

О выставке «XX век: Герой нашего времени». На фотографиях – он, человек-легенда, человек энциклопедического дара, перенесший идеалы высокого Возрождения на тюменскую землю. О судьбе Россомахина как археолога, краеведа, музейщика, педагога, общественного деятеля и талантливого управленца.

7. Седов, Л. Люди с фотографии // Тюм. правда. – 1989. – 23 февр.

О снимке, на котором наш земляк сфотографирован среди кавалеров ордена Красного Знамени. Россомахин один из первых в области получил орден как участник Гражданской войны.

8. Соловьева, Ю. А. «Товарища ... считать проверенным» // Лукич. – 2001. – № 4. – С. 209–212; Лукич. – 2002. – № 1. – С. 216–218.

Материалы партийной «чистки» П.А. Россомахина, в 1928 г. – заведующего Тюменским педагогическим техникумом.

9. Трепянская, Л. Человек-загадка, человек-легенда // Тюм. курьер. – 1996. – 3 дек.

Об уникальной личности Россомахина. В статье представлены впервые опубликованные фотографии и карандашный портрет Россомахина работы неизвестного автора, сделанный в Берлине в 1945 году.

Раздел II: «Исследователь Тюменского края»

Россомахин был членом Тюменского общества научного изучения местного края в 20-е годы.

Под его руководством велись обширные археологические изыскания в Туринском уезде, в окрестностях поселка Мыс, на озере Андреевском, в самой Тюмени.

Публикации раздела выставки рассказывают о Россомахине как об исследователе истории края.

1. Белов, С. Л. Тюменское общество научного изучения местного края в 1920-е годы // Ежегодник. 2001 / Тюм. обл. краевед. музей. – Тюмень, 2002. – С. 358–383; Лукич. – 2003. – № 1. – С. 35–55; Лукич. – 2003. – № 2. – С. 13–53.

Тюменское общество научного изучения местного края в 20-е годы – одна из неизвестных страниц жизни региона. Публикации документов общества в местных газетах. О персоналиях краеведов – членов общества, в том числе о Россомахине.

2. Дубовская, Е. Становление тюменского краеведения // Тюм. правда. – 2009. – 12 нояб. – С. 4: фот. История краеведения; о работе исследователей Тюменского общества научного изучения местного края в 20–30-х гг. XX в., в том числе о П. Россомахине.

3. Матвеева, Н. П. Археологические путешествия по Тюмени и

окрестностям / Н. П. Матвеева, А. В. Матвеев, В. А. Зах. – Тюмень, 1994. – С. 4, 121.

О проведении Россомахиным археологических раскопок.

Перед отступлением в Сибирь у колчаковцев оставалось 40 тысяч пудов золота и 30 тысяч пудов серебра. В 1919 году из Омска во Владивосток отправился «золотой эшелон», но до места не дошел: белочехи были вынуждены выдать Военно-революционному комитету в Иркутске и Колчака и золото.

Тобольская часть золотого запаса России была отправлена пароходом «Пермяк» по Иртышу и Оби в Томск. Ранняя зима застала секретную экспедицию возле села Сургут. Сопровождавшие ценный груз офицеры спрятали в лесу опломбированные ящики. Этот клад не найден до сих пор.

Известно, что существовал дневник штабс-капитана Киселева, участника операции по эвакуации сокровищ из Тобольска. Был и хранитель этой тайны – Павел Афанасьевич Россомахин. Об этом рассказывают исследования А. Петрушина.

4. Петрушин, А. Неразгаданная тайна // МК в Тюмени. – 2006. – Дек. (№ 50). – С. 9.

Россомахин соприкоснулся с тайной колчаковских кладов. Но их искал не он один. Краеведа арестовали, продержали в тюрьме 2 года – требовали выдать тайну. Он не

проговорился. В 1939 г. его отпустили, но держали под постоянным наблюдением.

5. Петрушин А. Призрак «золотого парохода» // «Мы не знаем пощады...» / А. Петрушин. – Тюмень, 1999. – С. 85–92.

Представлен отрывок из письма П.А. Россомахина об аресте его белогвардейцами.

6. Петрушин, А. Тайна двух капитанов // Родина. – 1998. – № 1. – С. 73–75.

Описание орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России» (1918). О судьбе тобольской части золотого запаса России (1919). О создателе Сибирской армии Гришине-Алмазове и П.А. Россомахине в связи с поисками золота А. Колчака.

7. Петрушин, А. Тайна «золотого парохода» // Новости Югры. – 1996. – 25 июня. – С. 3–5. – (Краевед; № 6); Лукич. – 2002. – № 1. – С. 51–57; Мир Севера. – 2002. – № 3. – С. 17–19. – (Версия).

В дёбрях ХМАО сокрыты реликвии сибирского белого движения и драгоценная утварь тобольских храмов. Чекисты не без основания считали, что тайну таежного клада знал П. Россомахин.

Рукописи директора Тюменского краеведческого музея П.А. Россомахина о Гражданской войне хранятся в Государственном архиве

социально-политической истории Тюменской области. Они представляют собой сочетание исследовательских статей, очерков, воспоминаний, перепечаток документальных данных. Общий объем составляет 302 листа. Тексты не опубликованы.

Обзор работ Россомахина – «Колчаковщина в Тюмени», «Бандитизм. 1921 год. Кулацкое восстание в Тобольской губернии», «Тюмень», «Молодежь 1904–1907 гг.», «Первая Советская власть в Тюмени» – представлен в публикациях И.В. Скипиной.

8. Скипина, И. В. П. А. Россомахин и его неопубликованные рукописи // Ежегодник ТОКМ. 1999: сб. науч. тр. / Тюм. обл. краевед. музей. – Тюмень, 2000. – С. 84–101.

О рукописях П.А. Россомахина, посвященных исследованию истории Гражданской войны и крестьянского восстания 1921 г. в нашем крае.

9. Скипина, И. В. Рукописи П. А. Россомахина о крестьянском восстании 1921 г. в Тюменской губернии // Земля Тюменская: Ежегодник ТОКМ. 2006. – Тюмень, 2007. – Вып. 20. – С. 140–150.

Исторический очерк «Бандитизм. 1921 год. Кулацкое восстание в Тюменской губернии» является самой объемной работой 1930-х гг. о крестьянском восстании. Представлена только исследовательская часть исторического очерка.

Раздел III: «Первый ученик И.Я. Словцова»

Собирать архивные документы, составлять музейные коллекции Россомахин начал, будучи директором Тюменского педагогического техникума, в 1924 г. Став директором музея, он занимается научной деятельностью, включается в работу местного отделения истпарта. Результатом этих усилий стало формирование значительного комплекса документального материала по истории первых лет советской власти. Плодотворным оказалось сотрудничество с Государственным Эрмитажем, в результате которого Тюмень получила большое количество предметов для коллекции декоративно-прикладного искусства и живописи. Позднее, в 1957 г., на базе этой коллекции была создана Тюменская картинная галерея.

О деятельности директора Тюменского областного краеведческого музея П.А. Россомахина в материалах этого раздела.

1. Копылов, В. Е. Метеорит «Тюмень» // Окрик памяти / В. Е. Копылов. – Тюмень, 2002. – Кн. 2. – С. 149–150. Россомахин сделал экспонатом музея, найденный в окрестностях Тюмени железный метеорит.

2. Петрушин, А. А. «Первый ученик» И. Я. Словцова П. А. Россомахин // Словцовские чтения. – Тюмень, 1995. – С. 78–82. Рассказывается о начальном этапе работы Россомахина в музее. На

одном из заседаний тюменского общества краеведов он настаивал назвать музей именем Словцова из-за его особых заслуг перед малой родиной. За это на него посыпались анонимки в партийные органы и НКВД. Россомахин считал работу в музее наиболее целесообразной для себя.

3. [Россомахин Павел Афанасьевич] // Тюмень. Областной краеведческий музей. – СПб, 1997. – С. 4. 1926–1941 гг. – масштабная научно-исследовательская работа музея, успешное комплектование фондов, активная экспозиционная и пропагандистская деятельность.

4. Семенова, В. И. Из истории комплектования фондов ТОКМ (деятельность П. А. Россомахина) // Словцовские чтения-96. – Тюмень, 1997. – С. 37–39.

При Россомахине была значительно пополнена библиотека, вокруг музея собрался круг активистов, в т.ч. коллекционеры. Есть сведения, что Россомахин собирал фольклор.

5. Чернышов, А. В. История Благовещенского собора г. Тюмени (1700–1932 гг.) // Сиб. правосл. газ. – 2005. – № 10.

На спасение Благовещенского собора, бывшего «геометрическим центром» Тюмени, ушло немало сил. Россомахин шел на компромиссы, добился открытия в нем музея религии и атеизма как филиала городского музея. Однако как объект культа это здание было взорвано в 1932 г.

Раздел IV: «Тюменский художник»

П.А. Россомахин – один из старейших художников Тюмени, пейзажист. Занимался в рисовальном классе при Александровском тюменском реальном училище (1897–1904). Прекрасны пейзажи, которые с такой любовью написаны им.

Его произведения находятся в Тюменском музейном комплексе, Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, частных собраниях. О творчестве Россомахина повествуют материалы, представленные в этом разделе выставки.

1. Валов, А. А. Жизнь художника // Тюм. правда. – 1976. – 23 мая. Уйдя в отставку в звании полковника, Россомахин целиком посвятил себя живописи. Еще в 30-е годы он говорил: «Манера рисования выработалась своя, особенная». Художники, работавшие над образом Ленина, обращались к нему за помощью, т.к. он знал Владимира Ильича.
2. Иваненко, А. Реальное училище и деятели культуры // Тюм. курьер. – 2009. – 11 дек. – С. 7. К 130-летию со дня основания Тюменского Александровского реального училища. Об изостудии в рисовальном зале училища, где обучались художники П. Россомахин, В. Барашев, А. и В. Митинские.
3. Киселева, Л. Клад художника Россомахина // Тюм. изв. – 2006. – 12 дек. – С. 8.

О персональной выставке «Времена года». Организаторы выставки напомнили, как проходили творческие вечера в доме художника. Представлено более 100 этюдов, многие из них посвящены достопримечательностям Тюмени. Помимо сибирских пейзажей, были выставлены работы из серии «Кавказ» (там воевал Россомахин).

4. Паромова Н. Павел Россомахин. Времена года // Тюм. обл. сегодня. – 2006. – 7 дек. – С. 15.

О выставке работ Россомахина «Времена года» в Тюменском музее изобразительных искусств. В экспозиции, кроме работ, представлены фотографии художника. Эта выставка – неповторимое настроение нежности, любви к родному краю.

5. Персональная выставка работ тюменского художника П. А. Россомахина: каталог. – Тюмень, 1952.

6. [Россомахин Павел Афанасьевич] // Художники Тюмени: юбил. альбом. – Тюмень, 1994. – С. 48–49. О творчестве П. Россомахина.

7. [Россомахин Павел Афанасьевич] // Из окопов к мольбертам: альбом. – Тюмень, 1995. – С. 32–33. Представлены картины П. Россомахина из серии «Времена года» и картина «Основание Тюмени».

8. Сезева, Н. Из солдатского альбома Алексея Ремезова // Сиб. богатство. – 2000. – № 2. – С. 170–172. Биографическая справка художника – участника Великой Отечественной войны П. А. Россомахина.

**Елизавета
Ганопольская**

Перспектива в миниатюре

«Быть знаменитым некрасиво». Почему это стихотворение не читают в эфире программ с участием знаменитостей? Прозвучало бы уместно. Пришлось, однако, слушать его в музее изобразительных искусств. В присутствии вечных, подлинных ценностей. В кругу лиц, отрешенных от сиюминутного, от дешевой популярности и светской суеты: искусствоведов, краеведов, душеведов.

На вернисаже «Времена года» сотрудник музея дважды прочел стихи Бориса Пастернака, в начале и в конце церемонии открытия. Как вступительную и завершающую мантру.

Чтец путал слова, неверно интонировал. Нет у него навыка декламации. К тому же волновался. Но удручает не столько школярское исполнение, сколько подача стихотворения как жизненной программы, да еще с дидактичным повтором. Можно подумать, Пастернак составил перечень прописных истин. И теперь эти истины преподносят неразумным искателям славы.

1. Быть знаменитым некрасиво.
  2. Не надо заводить архива.
  3. Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех.
  4. Постыдно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех.
- 5, 6, 7, 8...

Сомневаюсь, что посетители вернисажа – лица одухотворенные – нуждались в прививке от «звездной болезни». Но даже если нуждались, автор стихотворной закольцовки не преследовал профилактической цели. Он хотел украсить мероприятие, сделать его небанальным. И достиг противоположного эффекта.

Искусствоведы, обладающие огромным знанием о предмете своих служебных забот и научных исследований, умеют рассказать об этом предмете увлекательно. Могли бы, кажется, приступать к рассказу без вы-

крутасов. Когда они не изощряются в форме, не стремятся подчеркнуть высокую духовность процесса, слушать их – сплошное удовольствие.

«Не надо заводить архива, над рукописями трястись». Павел Россомахин собирал архив.

Россомахин, один из создателей губернского краеведческого музея, был историком, археологом, художником. Никто не знает, мечтал ли он о славе, о том, как воздадут почести по трудам его, но пробелы в судьбе и рукописях Павел Афанасьевич вряд ли оставлял. Не такой он был человек, чтобы пренебрегать мелочами. Хотя бы потому, что историк, художник, археолог внимателен к мелочам.

Нет его вины в том, что архив разорен. Или есть... Многих материалов, интересных для изучения жизни и творчества Россомахина, мы лишились из-за его дочери, нерадивой наследницы. Может, обида у нее была: на отца, покинувшего семью, женившегося во второй раз.

Или сам Россомахин приложил руку к уничтожению наследства?

По свидетельству очевидцев, незадолго до смерти (в 1956 году) он жег какие-то бумаги.

Подробное исследование жизни Павла Афанасьевича провел Александр Петрушин. Его интерпретация подобна детективу, где дополнительную интригу создают лакуны, заполненные фантазией исследователя.

Россомахин с 14 лет заботился о младших сестрах и братьях (их судьба неизвестна, есть только обрывочные сведения о двух сестрах, ставших сельскими учительницами): отец умер, мать бросила семью. Учился в реальном училище, зарабатывал на пропитание репетиторством. Поступил в Академию художеств, но вскоре покинул это заведение. Участвовал в трех войнах. Его уважали и «красные», и «белые», и начальство, и подчиненные, любили ученики. В 1937 году Россомахина арестовали, но, в отличие от многих, он избежал суровой репрессии, его освободили. Петрушин предполагает, что арест и освобождение связаны с тайной колчаковского клада, которую мог раскрыть историк Россомахин. Раскрыл ли?

На фотопортретах он смотрится типичным интеллигентом. Типичным для начала прошлого столетия. В лице мягкость, не выдающая железной воли и самодисциплины, без которых Россомахин не смог бы преодолеть все испытания, выпавшие на его долю.

Странно, что человек, прошедший три войны, не написал ни одной баталии. Только пейзажи, полные покоя и умиротворения. Петрушин обратил внимание зрителей на то, что в большинстве пейзажей царит штиль: ни ветерка, ни намека на ненастье.

Искусствовед Наталья Сезёва отметила еще одну особенность работ Россомахина. Он написал миниатюры, но композиционно они выстроены как панорамные полотна и, за редким исключением, создают впечатление глубокой перспективы. Непонятно, каким образом художнику, практически самодеятельному (если не считать короткого обучения в Академии и студийных занятий), удавалось столь мастерски выписать пейзаж. При этом еще и топографически точно. Многие места до сих пор узнаваемы.

А писал он по памяти. Сначала рисовал по памяти эскиз, делал цветовую раскладку; потом, когда появлялась возможность спокойно работать, воссоздавал пейзаж.

«Привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов...».

Только лето, осень, зима, весна. Только реки, озера, поля и луга, леса и сады. Зная о тайнах, скрытых за скромными миниатюрами, в самом деле, находишь переключку судьбы художника Россомахина со стихотворением Пастернака. Но читать его следует молча.

Ольга Понамарёва

Парадоксы судьбы поэта Василия Князева

*(о жизни и творчестве нашего знаменитого земляка – известного пролетарского поэта Василия Князева)
Полвека яркой жизни.*

Начало моего исследовательского интереса к личности поэта Василия Князева было положено совершенно случайно тем обстоятельством, что в одном тюменском доме мне показали большие деревянные часы середины 19 века, которые сначала отстукивали время в особняке Князевых, а затем были подарены Петру Рыбину, долгое время служившему там приказчиком. Я стала изучать обстоятельства жизни и творчества нашего яркого, талантливого земляка незаслуженно подзабытого, с очень интересной и трагической судьбой.

В Тюмени, 6 января по старому стилю, (18 – по новому) 1887 года в каменном особняке по улице Спасской (ныне – улица Ленина) в доме Князева (который сейчас является памятником архитектуры 19 века, с имеющейся на нём соответствующей табличкой) в семье зажиточного купца Василия Князева родился мальчик, которого в честь отца назвали Василием, будущий известный пролетарский поэт 10–30 годов 20-го века. Василий Князев был одним из самых любимых поэтов В. И. Ленина. Интересно, что сейчас каменный дом Князевых стоит на переименованной улице Ленина. С 1973 в этом доме была расположена травматологическая поликлиника. В родительском гнезде Вася прожил недолго, гимназию закончил в Екатеринбурге, затем в 1904–1905 годах учился в земской учительской семинарии в Санкт-Петербурге, из которой был исключён за политическую деятельность. Как получилось, что сын зажиточного купца, Василий Васильевич Князев (Седых) стал пролетарским поэтом? В этом таится определённый парадокс судьбы героя...

Дух княжеского дома с его купеческими традициями, устоями не укоренился в Василии, ведь учился в гимназии он вдали от дома, когда происходило становление подростка, юноши, его характера, личности. А в это

время в обществе уже бурлили противоречия, вызревала революция, в воздухе, как говорится, витали настроения протеста, свободы. Поэт был исключён из петербургской семинарии в 1905 году, именно тогда, когда началось его литературное творчество.

Но, оказывается, определённые демократические настроения присутствовали и в родном доме поэта. Его дед – Константин Высоцкий, потомок ссыльного поляка был другом Н. Г. Чернышевского! Константин Высоцкий изначально занимался преподавательской деятельностью, которую ему затем пришлось оставить. Он был владельцем первой фотографии в Тюмени и большим активистом просвещения, издавал книги, географические карты и атласы, выпускал газету «Сибирский листок объявлений», излагал передовые, а, порой, и революционные мысли, за что и была прикрыта его газета. Известный тюменский меценат Чукмалдин называл Высоцкого тюменским Дон-Кихотом. Вокруг Высоцкого объединялся круг тюменской интеллигенции, который собирался в его доме. Отец Князев в молодости был чернышевцем – членом коммуны, которую создал в 70-х годах Константин Высоцкий.

Вот тебе и купеческие корни и традиции! Он писал: «Судьбою дарован мне песельный дар, ждала меня слава и деньги, но дедову верен завету (он был коммунарком Высоцкий, мой дед) и деньги, и славу отринул поэт».

Именно в 1905 году Василий Князев начал активно публиковаться в разных сатирических журналах под псевдонимами В. К., В-К-В, Вася, Василий, Высоцкий и др. Вполне вероятно, что события кровавого воскресенья 1905 года сильно повлияли на сознание молодого поэта. Возможно, что так называемая политическая деятельность, за которую он был исключён, состояла в соответствующих литературных произведениях автора. Идея свободы, равенства пропитали пылкую юношескую душу, увлечённую темой социальной справедливости. Во время гражданской войны Василий Князев отправился на фронт с агитвагоном Пролеткульта.

В 1908–1914 годах он сотрудник «Сатирикона», его стихи печатались в газетах «Звезда» и «Правда» (1911–1912 г.). В дореволюционной сатире Князева отмечаются обличительные тенденции, они нашли отражение и в сборнике «Двуногие без перьев», вышедшем в 1914 году. Он принял революцию, позицию большевиков и как пролетарский поэт под разными псевдонимами «Красный звонарь», «Красный поэт» и другие писал агитационные стихи для «Красной газеты», в которой работал с января 1918 года. Стихи, песни, рифмованные фельетоны, революционная сатира и другие произведения советского литератора, ежедневно выходящие в печати – это хроника героического времени.

Он занимался и публицистикой, и художественной литературой. В 1919 году вышел его сборник стихов «Песни красного звонаря». Автор написал много известных стихотворений и песен. Огромной популярностью пользовалась его песня «Марш коммунаров», написанная в 1918 году со знаменитыми словами припева: «Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами» - своего рода гимн свободолюбия. Как истинно народному поэту, Василию Васильевичу Князеву, по-настоящему был интересен самобытный дух народа, его творчества, поэтому он увлекался фольклором, собирал пословицы и частушки. После введения НЭПа отошёл от политико-сатирической деятельности. Но присущее ему чувство юмора и любви к родной земле, людям, пробудило интерес к народному творчеству, к миру деревни. В 20-х годах он опубликовал несколько сборников частушек, позднее – сборник русских пословиц («Книга пословиц» 1930 год.)

Зреющая годами любовь к родному тюменскому дому, где прошло детство писателя, к своим корням, память о родной Сибири, и, возможно, какое-то чувство вины перед родными, вылилось в роман о сибирском купечестве «Деды», выпущенном в 1934 году. Под редакцией автора вышли публикации частушек, статьи о них, книга «Жизнь молодой деревни», «Частушки-коротушки Санкт-Петербургской губернии» 1913 года. Последняя книга Василия Князева вышла в 1935 году, а в 1937 году он был репрессирован.

Вот ещё один парадокс его жизни – известного пролетарского революционного поэта, поэта, любимого Лениным, поэта, столько написавшего во славу революции и советской власти, служившей ей и писавшей для неё – сочли врагом народа?.. или это уже один из парадоксов времени? Почему так случилась? Припомнили зажиточные купеческие корни, под иным углом посмотрели на его литературную деятельность последних лет, сочли роман «Деды» о сибирских купцах отходом от интересов советской власти или, что ещё хуже, – предательством её?.. Кому-то в какой-то момент не понравилась критика и сатира литератора, или где-то он не подстроился под ситуацию, под власть имущего человека с характером, и ему отомстили?.. Так или иначе, известный русский и советский революционный поэт-сатирик умер на магаданских рудниках в 1937 году, прожив яркую, неординарную и неоднозначную жизнь.

Три магические или мистические семёрки - в судьбе Василия Князева. Родился в 1887 году, репрессирован и умер в роковом для страны 1937-м, реабилитирован в 1957 году.

Он был поистине народным поэтом. Несмотря на своё обеспеченное происхождение, близко к сердцу принимал положение бедных и обездоленных, поэтому поддержал революцию, своим литературным даром помогал советской власти, с любовью собирал, пропагандировал и издавал песенную и словесную культуру русского народа. С любовью к Родине писал о Сибири, о своём родном крае и в конце жизни как настоящий герой, разделит трагическую участь репрессированных.

Талантливые стихи Князева занимают несколько обособленное место в рабочей революционной поэзии (В. Александровский, М. Герасимов). В них чувствуется влияние Демьяна Бедного, они написаны профессионально, с большим чувством, полны страстных призывов к борьбе с врагом. Первая книга стихов, которая так и называлась, вышла в 1905 г, а потом ещё переиздавалась в 1916 г. и в 1919 г. Другие его произведения: «Сатирические песни» 1910 г., «Красное евангелие» 1918 г., «Дети города» 1919 г., «Капля крови Ильича» 1924 г., Книга избранных стихов 1930 г., Последняя книга стихов (1918–1930), 1933, «За четверть века» (1905–1930), 1935 г.

Полвека кипучей, насыщенной жизни и 33 года писательско-журналистской деятельности. Отдадим дань памяти очень интересной личности и судьбе известного русского и советского поэта Василия Васильевича Князева, нашего знаменитого земляка.

Несмотря на то, что Василий Князев считается пролетарским поэтом, он был и настоящим лириком. В разделе, который он не без юмора и самоиронии назвал «Глупая лирика», и где он именует себя плешивым поэтом, есть много талантливых, образных и лиричных строчек. Вот, например, какие строфы в стихотворении «Вешнее»:

«Не могу я писать ни о чём преходящем, сезонном куплета, ибо первым весенним лучом поцеловано сердце поэта... я тяжёлую раму рванул и, осыпан песком и замазкой, пил ликующий, уличный гул, отдающий весеннею сказкой. Ах, как пахнет сухая панель – оторваться ни воли, ни мочи! – как по трубам хрустальным капель золотым молотком молоточит!»

Фото автора.

Родовое гнездо Князева 2010 года. Тюмень.

Краеведение

Открытия: новые факты и имена

Александр Вычугжанин
кандидат экономических наук

Литературная деятельность купца И.И. Игнатова

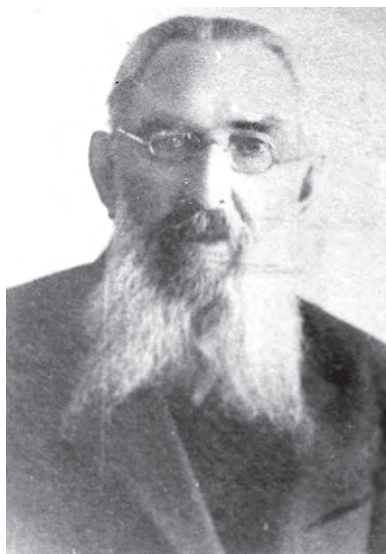
Исследовательская работа дарит порой совершенно неожиданные находки.

Одним из таких подарков стала обнаруженная в журнале «Русское судоходство, торговое и промысловое, на реках, озерах и морях» (Русское судоходство торговое и промысловое на реках, озерах и морях. 1890. № 125. С. 21–39) статья купца и пароходовладельца И.И. Игнатова «Судоходство на реках Западной Сибири».

Тюменские краеведы – В.Е. Копылов, Ю.Л. Мандрика – посвятили деятельности предпринимателя И.И. Игнатова немало интересных страниц. Автор этих строк также занимался изучением деятельности купца в становлении кредитных учреждений в Тобольской губернии, но обнаруженная статья открывает И. И. Игнатова с совершенно новой стороны.

В свое время Н.М. Чукмалдин охарактеризовал И.И. Игнатова как человека, «наиболее отзывчивого на всякое доброе дело». (Сибирский листок: 1890–1894 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандрика, 2003. С. 382). Просветительская деятельность купца выгодно отличает его от многих представителей торгово-промышленного класса – достаточно вспомнить изданные по инициативе и на средства И.И. Игнатова карты-дорожники от Тюмени до Томска и от Тюмени до Омска, книгу А.А. Павлова «3000 верст по рекам Западной Сибири», фотоальбом «Пароходство по рекам Западной Сибири товарищества «Курбатов и Игнатов», «Путеводитель по Иртышу». Вполне заслуженно в своей характеристике на И.И. Игнатова как члена учетно-ссудного комитета при Тюменском отделении Государственного банка его управляющий назвал пароходовладельца знатоком Западной и Восточной Сибири.

Даже внешний облик Ивана Ивановича Игнатова не имеет ничего общего с хрестоматийным образом представителя «темного царства» – вы-

сокий лоб, ухоженная борода, умный, пронцательный взгляд из под очков. Скорее, по первому впечатлению, его можно принять за уважаемого представителя университетской среды.

Нам неизвестно, имеются ли еще какие-либо статьи за авторством И.И. Игнатова, но предлагаемый вниманию читателя материал заинтересует многих краеведов. В своей статье И.И. Игнатов не только дает характеристику современного ему состояния речного транспорта в Западной Сибири, факторов, влияющих на его развитие, но и прослеживает историю судостроительной промышленности в регионе. Учитывая, что история пароходовладельца И.И. Игнатова

во многом совпадает с дореволюционной историей судостроительной промышленности Западной Сибири, такое свидетельство от видного организатора судостроения является ценным вкладом в экономическую летопись региона.

См. цветную вкладку

**Людмила
Важенина**

И протянулись блестящие нити железных дорог

Времена безжалостны к истории. Часто от великих эпох остается лишь название. Но сейчас человечество владеет многими средствами, чтобы остановить мгновение и освежить людскую память.

Небольшая пачка старых пожелтевших фотографий с незамысловатыми сюжетами и плохим качеством исполнения рождает воспоминания не только о тех, кто на них изображен, но и об эпохе, в которой герои фотографий жили, работали.

Почти век существовало при царе и советской власти предприятие, занимающееся заготовкой леса в сибирской тайге. Профессия лесорубов была трудна, и об их жизни мало что известно, также и о тех, кто обеспечивал доставку леса из тайги в города. Последнее упоминание в широкой печати о Тюменьлеспроме я нашла в 1979 году. Оно и понятно, в то время эпопея героического освоения сибирских недр вытеснила в какой-то степени, выработавшие свой ресурс организации.

В книге «Улицы Тюмени рассказывают», говоря об улице Луначарского, автор замечает: «Прерывает и замыкает улицу новое здание Всесоюзного объединения Тюменьлеспром. Лесная и деревообрабатывающая промышленность является одной из ведущих отраслей народного хозяйства области на ней (на улице Луначарского) также находится тюменский лесотехнический техникум, открытый в 1942 году. Техникум готовит техникумов-механиков, технологов лесопильно-деревообрабатывающего производства, техникумов по строительству автомобильных и железных лесовозных дорог. За тридцать пять лет техникум подготовил около 7 тысяч специалистов» (Улицы Тюмени рассказывают. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979. – С. 26).

Первое упоминание о Тюменьлеспроме в архивах области относится к 1923 году.

Если взглянуть на физическую карту нашей области, то можно увидеть, что ее преимущественный цвет – зеленый. Огромные лесные массивы раскинулись по всей территории области от юга до севера. По запасам леса Тюменщина стоит на пятом месте по России.

Сейчас в области добывают леса в пять раз меньше, чем в XX веке. Больше занимаются воспроизведением былых лесных массивов и переработкой добытого леса. Однако перечень добываемой древесины до сих пор остается прежним: береза (необходима для продукции фанерокомбината, созданного на базе спичечной фабрики «Пламя» в 1935 г.), осина, сосна, кедр для строительных нужд и производства мебели.

Три десятилетия с конца 40 до начала 70-х годов XX века на всю страну славились три тюменских леспромхоза – Советский, Комсомольский, Заводоуковский, заготавливавших качественную древесину в больших объемах.

Организовывал работу этих леспромхозов, поставлял кадры и заказывал все необходимое для вывозки из тайги древесины Тюменьлес. При его поддержке леспромхозы строили десятки километров узкоколейных железных лесовозных дорог. Он же регулировал вывоз леса в другие регионы и руководил переработкой леса в Тюмени и области, для этого была создана в областном центре лесоперевалочная база «Тура».

Об этом сегодня мало кто знает. И только архивные материалы, и старые фотографии могут в лицах рассказать, что для области и нашего региона сделало это когда-то могущественное предприятие. Кто и как работал там, как жили и дружили те, кто в тяжелых условиях сибирской тайги добывал лесные ресурсы для Родины.

Из истории узкоколейки

Уже более века по всем континентам земли протянулись блестящие нити железных дорог. Не является исключением и наш город, обзаведшийся еще в конце XIX века собственной железнодорожной станцией и своими подъездными путями к пристани и заводам. Почти сто лет трудяги-паровозы перевозили людей и грузы на восток и запад России. Других направлений на Тюменщине не было.

Но в середине XX века от Тюмени протянулись десятки километров новых железных дорог в различных направлениях: от юга до районов вечной мерзлоты. Новенькие рельсы стали символом и благом цивилизации. Одни узкие, для местного пользования. По ним ездили крепкие,

выносливые, черные с красными звездами на круглом челе паровозики, которые, неустанно дымя, возили такие же небольшие вагоны, груженные лесом, песком и многим другим. Как тогда говорили, народно-хозяйственными грузами. Другие широкоформатные пути предназначались для важных тепловозов, а затем электровозов, нарядных и солидных, что дипломаты на приеме.

Но в суровые годы военных испытаний страна требовала от Тюменщины не только выпуска военной продукции, но и не менее важного стратегического сырья – леса. Лес нужен был везде: ив шахтах Кузбасса, в разрушенных городах и селах, почти на всех заводах и фабриках в то время необходимы были материалы для упаковки – фанера или тарная доска. Кроме промышленных нужд, тюменцам приписывалось обеспечение лесом и строящихся шахтерских поселков, и городов. Караганда, Кустанай почти на 100 % обеспечивались тюменским лесом. Золотодобытчики также обеспечивались строительным строевым лесом подразделений Тюменьлестреста. Одному лишь фанерокомбинату, что расположен в районе Большой Зареки, требовалось в год 63337 кубометров березы и 10 000 кубометров кедра.

Приказом Наркома лесной промышленности № 243 от 3 сентября 1941 года был утвержден технический проект по производству дельфа-древесины, крайне необходимой для авиационной промышленности. Сырьевой базой предприятия стали лесные массивы бассейна реки Туры, а также леса, прилегающие к железным дорогам Свердловск – Тюмень, Свердловск – Тавда, Свердловск – Серов. Добычей сырья ведал Тюменьлестрест. Он же поставлял лес для всех остальных предприятий города, вырубая взрослые лесные массивы в окрестностях Тюмени.

В выпускаемых в области материалах о достижениях тюменцев почти

ничего не говорится о лесозаготовителях. Они были подотчетны Средне-Уральскому отделению Совнархоза, и в тюменских архивах документов по выполнению плана, развитию производства, строительству поселков лесозаготовителей и созданию леспромхозов почти нет. Есть лишь отрывочные сведения довоенного периода о том, что лестрест вербует рабочих из числа безработных.

Первые сведения об этом появились в отчетах в 1923 году. Даже о лесоперевалочной базе «Тура», которая находилась в ведении города, мало, что известно широкому кругу населения. Лишь в партархиве есть сведения о передовиках производства, а в основном сведения безлики. Тюменьлестресту, входившему в Средне-Уральский С.Н.Х., в середине 40-х годов прошлого века, была поставлена задача: увеличить добычу древесины почти в пять раз.

Расширялось производство и на тюменском фанерокомбинате. Столярные мастерские Дока «Красный Октябрь» переросли в настоящую мебельную фабрику, выпускающую необходимые для населения, а особенно для казенных учреждений шкафы, столы, тумбочки, комоды. Комоды и гардеробы с зеркальной дверцей были тогда настолько популярны среди населения, что продавались в первую очередь заслуженным людям – передовикам производства, ударникам труда.

Перед Тюменьлесом (переименован из Тюменьлестреста в 1944 году) встала задача – в короткий срок многократно увеличить добычу леса, или как его называли «зеленого золота России». Вокруг Тюмени в годы войны были вырублены почти все взрослые, то есть 50–60-летние сосновые боры. Большой запас леса был и на юге, и на севере Тюменщины. Но гужевым транспортом, как в окрестностях Тюмени, его не вывезешь.

Поэтому, в первую очередь встал вопрос о строительстве подъездных путей. Оптимальным вариантом была узкоколейная железная дорога, которая уже была знакома тюменцам с 1945 года. В то время Тюмень испытывала жестокую нужду в электроэнергии. И строила первую тепловую ТЭЦ, работающую на торфе. По утверждению геологов в окрестностях Тюмени его запасов с лихвой хватит для ТЭЦ на 250–300 лет. Но, торфяные болота, были на расстоянии 25–50 км от областного центра, поэтому одновременно со строительством ТЭЦ к торфяникам прокладывали экономичную узкоколейную железную дорогу.

В самом конце сороковых годов Тарманское торфодобывающее предприятие уже имело свою железную дорогу и квалифицированных специалистов. Проложенное по торфяным топям узкоколейное железнодорожное полотно хорошо зарекомендовало себя в условиях слабо зафиксированного грунта. Узкоколейка выдерживала нагрузки от груженых составов, не уходила в топи и не требовала таких больших и трудоемких затрат, как стационарная железная дорога.

Вырастающие, благодаря стараниям Тюменьлеса, как грибы после дождя, леспромхозы в тюменской тайге обзаводились подъездными железнодорожными путями и подвижным составом, то есть паровозами и вагонами. Срочно набирались работники подвижного состава из числа обученных на курсах. Предпочтение отдавалось тем, кто имел опыт работы и фронтовикам.

Поездные бригады часто собирались из хорошо знакомых между собой людей. Так, например, в Заводоуковском леспромхозе приехавший в 1954 году Михаил Иванович Борковский привел на предприятие своих друзей. Первым откликнулся на зов товарища Павел Гладков. Они были знакомы еще с довоенной поры, вместе учились в железнодорожном ФЗУ в Свердловске. Но война на долгие годы разлучила их. Если Михаил работал на благо Родины на суровом Урале, то Павел был в составе роты обслуживания бронепоездов. Все военные годы он провел в теплушках и в закованных в броню поездах. Кстати, это он на своем П-70 вывозил раненых из-под Ржева. Их было так много, что даже все боевое пространство платформ было заставлено носилками. Демобилизовали его лишь в 1949 году и отправили работать в Омск. В 1950 году Павел Гладков женился на выпускнице местного медтехникума – Валентине. Ее распределили работать в Тюменскую область. И тут, как нельзя, кстати, произошла встреча Павла с Михаилом. Узнав о переезде Павла, Михаил пообещал помочь с работой. По приезду домой, пошел в кадровую службу и вскоре на Павла и Валентину пришел запрос из Тюмени на перевод этой

молодой семейной пары в поселок Сосновка. Ему предстояло работать машинистом на узкоколейке, а ей – фельдшером в местном медпункте.

В 1956 году, будучи по служебным делам в Заводоуковске, Борковский встретил старого знакомого Федора Ивановича Смовжа. С ним Михаилу приходилось встречаться дважды. Первый раз в 1944 году, когда Федор приезжал в Тагил, чтобы сопровождать литерный эшелон для 20-й армии на Дальний Восток. Второй раз в 1948 году на станции Ишим. Тогда Михаил ехал домой на похороны матери, и у него украли деньги. Выйдя из вагона на перрон, он встретил Федора. Федор, увидев Михаила, подошел к нему, они братски обнялись, а когда Михаил рассказал о своей беде, Федор вытащил из кармана пять тысяч рублей и протянул их Михаилу. Деньги по тем временам немалые.

В 1956-м Федора комиссовали из армии – ишемическая болезнь сердца. И он, уроженец Тюменщины, подыскивал работу в родном краю. Михаил предложил ему поработать на узкоколейке, ведь у Смовжа имелось свидетельство об окончании Ишимской школы ФЗО и диплом помощника машиниста паровоза. Никто из этой троицы и предполагать не мог, что их дружба и совместная работа продлится долгие десятилетия. (Фото 3.)

Машинисты паровозов были одними из самых уважаемых людей в рабочих поселках и считались ответственными и грамотными. На них держалось одно из самых важных направлений работы – вывозка добытого сырья к узловым станциям. Все диспетчера, машинисты, помощники машинистов были золотым фондом квалифицированных кадров Тюменьлеспрома. В Тюмени дорожили этими работниками.

Если случалось ЧП на железной дороге, что бывало крайне редко, то шел сбой в работе всего леспромхоза. Нарушались не только сроки вывозки древесины, лесозаготовители зачастую не могли приехать в свои деляны, и планы заготовок леса летели в тартарары. Самым надежным транспортом в Заводоуковском леспромхозе, основанном в 1949 году Тюменьлеспромом в середине XX века, считался паровоз (фото 1).

В конце 40-х годов от старинного города Заводоуковска протянулась в тайгу стальная магистраль с нанизанными на нее небольшими поселками лесозаготовителей, что носили простые названия: Верхний Укроп, Нижний Укроп, Лебедевка, Сосновка, Новый Тап.

А от Сосновки в сторону Вагайских болот по топям и буреломам на десятки километров в девственную тайгу уходила узкоколейная железная дорога, по которой неустанно сновали пассажирские и грузовые поезда,

стуча дизелем, шустро бегали дрезины; стараясь побыстрее одолеть перегон, чтобы не задержать идущий по графику состав.

Машинисты паровозов нередко садились за рычаги дрезины. Вынуждала обстановка (фото 2).

Глухая тайга вплотную подступала к узкоколейкам, на безлюдных разъездах круглосуточно дежурили стрелочники, выполняя заодно и обязанности дежурного по станции. Их избушки были огорожены крепким штакетником и оборудованы прочными запорами и решетками на окнах. Но защищались они не от злого человека, а от зверя. Ведь иногда медведи-шатуны, поднятые из берлоги охотниками, приходили на запах дыма, пугая своим ревом железнодорожниц. Избушки служили и местом отдыха для паровозников, когда те пережидали на запасных путях, пока идущие навстречу составы освободят проезд (фото 5. Паровозная бригада Смовжа играет в домино со стрелочницей Марией Голубовской на перегоне Дымкуль).

На протяжении полувека дорога не знала усталости. Днем и ночью по ней двигались груженные лесом составы, ездили в рабочих теплушках лесозаготовители и путейцы, врачи и школьники были ежедневными пассажирами этих вагонов. Сейчас пути ржавеют или разобраны в некоторых направлениях, где вырублена тайга. Но в основном узкоколейка все еще жива: по ней, как и полвека назад бегают шустрые тепловозы и локомотивы.

Шло время, все дальше и дальше вырубалась тайга, сокращались объемы производств, выросли дети, да и самим спецам уже тяжело трудиться в экстремальных условиях. Старые проверенные временем кадры перебрались поближе к благам цивилизации. Переехали не просто так, а поближе к своим бывшим коллегам и товарищам.

Уехавший из леспромхоза в Тюмень 1960 году диспетчер из Сосновки Михаил Борковский на лесоперевалочной базе «Тура» со временем организовал бригаду из бывших леспромхозовских спецов. На одном паровозе, сменяя друг друга, работали много лет машинисты: А.В. Гладков, П.П. Гретченко, Ф.И. Смовж (фото).

Большая часть из них – работников из сворачивающего свою работу леспромхоза – осела в подразделениях леспрома на лесоперевалочном предприятии «Тура», в народе «Лесобазе». Как память о молодости они бережно хранят воспоминания о молодых и удалых годах проведенных в леспромхозе, своим примером помогая молодым укреплять любовь к выбранной профессии.

Сейчас в леспромхозе паровоз давно забыт, ему на смену пришли мотовозы, тепловозы. Избалованные ребяташки, презрительно глядя на старую технику, говорят: «каменный век». Им невдомек, что, стилиги-электрички не побегут по узкоколейке. Их дело – принять вывезенный из леса груз и быстрее доставить его в большие города. А тепловозики, как заботливые и трудолюбивые муравьи, в жару и стужу, зной и холод – надежные партнеры лесозаготовителей, торфодобытчиков, опора живущих в маленьких поселках людей. Они доказали свою надежность за полвека работы с людьми. А те, кого называют работниками подвижного состава, тоже не менее надежны в работе и преданности проверенной технике.

... Вот такие воспоминания навеяли старые фотографии. Сейчас уж некоторых из героев нет в живых, но их жизнь прожита не зря. Освоенные ими пространства дикой тайги – сегодня обжитые уголки Тюменщины. На вырубленных делянках снова растет бор, снова где-то шумят пилы и грузится в вагоны древесина.

Библиографический список

1. Копылов, А. И. 400 лет Тюмени: сб. документов / А. И. Копылов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985.
2. Ермаков И. Тюмень тыловая / И. Ермаков. – Свердловск: Сред.-Урал. кн.изд-во, 1985.
3. Улицы Тюмени рассказывают. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979.
4. Наш край в документах и иллюстрациях. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967.

На снимках:

1. Этот красавец вывозил лес из Сосновки до Заводоуковска. Поездная бригада: машинист, помощник и кочегар около своего рабочего места. (1959 год)
2. Основной вид транспорта путейцев – дрезина. Бригада путейцев на коммунистическом субботнике. (1961 год, апрель)
3. Начальник эксплуатации М. Борковский с машинистами паровозов Ф. Смовжем и П. Гладковым около диспетчерской п. Сосновка (лето 1960)
4. Семьи работников подвижного состава, ездившие в рям (болото, поросшее мхом) за брусникой, ждут рабочих теплушек.
5. Бригада маневрового паровоза, вместе с дежурной по переезду в минуты отдыха, (п. Сосновка, 1962)
6. Два машиниста-соперника, ныне пенсионеры Смовж и Носов.
7. На смену ветеранам пришла молодежь 1976 г. Л/база «Тура»

Эссе подготовлено для краеведческого конкурса «Я знаю о Тюмени все!», номинация «Команда молодости нашей»

**Людмила
Важенина**

Что в имени твоём

Село Сосновка, основанное государевыми людьми еще в XVIII веке, стоит в небольшой низинке, среди чистого березового леса и извилистой своеобразной реки Ук, в летнюю жару похожую скорее на ручей, чем на реку. Находится селение в Заводоуковском районе Тюменской области. Оно чуть младше столицы нашей области, но имеет такую же интересную историю.

Можно предположить, что название села идет от слова «сосна», что произрастает в данной местности. Но, скорее всего, название произошло от словосочетания «с новья» или, учитывая полногласия древнерусского языка «со сновья». Для простоты и краткости в обиходе появилось понятное в те времена название Сосновка.

Среди первых жителей села часто звучали фамилии Скориковых, Шипуновых, что подтверждают церковные книги начала XVIII века (Ялutorовский Павловский собор, далее архивы не сохранились).

Фамилию Скориковых одни лингвисты трактуют так: корить – на древнерусском языке означает упрекать, на сибирском диалекте до сих пор бытует это слово в его изначальном значении. Но «скорить» значит и ответить, не стерпеть обиды, поэтому можно предположить, что фамилия Скориков в переводе на современный язык – не терпящий, не прощающий обиды.

Первые сведения о родоначальнике династии Скориковых в Сибири относятся к первой половине XIX века. Откуда они пришли, какие имели корни в XVI–XVII веках – не упоминается. Скорее всего, это потомки ушедших за «камень-гору» казаков из дружины Ермака (среди которых встречались похожие фамилии Скорик и Шипун). А, возможно, – потомки спасавшихся от царского возмездия бунтовщиков или осевших по каким-то причинам в данной местности торговых людей из Новгорода и Пскова, где тоже встречаются роды, носящие данную фамилию. Среди казаков, охранявших западные рубежи России, были люди, носящие похожую фамилию – Скорики. Бытует она на границах Ставропольского и Краснодарского краев. Некоторые факты говорят о том, что предки династии Скориковых жили в Сибири с начала XVII века.

Первые, по религиозным убеждениям проживающие в Сибири Скориковы были старообрядцами. В XVII веке в России церковь раскололась на два течения: Никоновскую (новую), дающую отступления от строгих правил (канонов) и Византийскую (старую, старообрядческую) церкви. В европейской части России с XVII века верующие крестились «щепотью» – тремя перстами, а не строгим крестом, как требовали раньше. Могли брить бороду, курить табак, пить водку. Тех, кто отказывался от новшеств, называли двоеданами, староверцами. Многие из них, спасаясь от преследования официальной церкви, бежали в Сибирь, основывали там скиты и жили тайно.

Не смотря на принадлежность сосновских Скориковых к старой церкви, они появились в Сибири значительно раньше притесняемых церковью «двоедан», так как открыто проживали в селении, основанном государственными людьми. А, возможно, даже были основателями этого поселения. Жившие в Сибири Скориковы крестились двумя перстами, а не щепотью, не брили бороды, не курили и не употребляли спиртного. Своих усопших хоронили отдельно от остального люда. В селе с незапамятных времен кладбище в селе разделено дорогой: с правой стороны хоронят «мирских» то есть всех, а с левой стороны – приверженцев старой церкви – двоедан. Бывает так, что члены когда-то одной семьи похоронены на разных участках кладбища: одни на мирском, другие – на двоеданском.

Слово о героях

В Сосновке в начале XX века насчитывалось более трех сотен дворов и проживало без малого тысяча жителей. Была в селе и выложенная из красного кирпича красавица-церковь с тремя колоколами на маковке.

Населяли Сосновку бывшие государственные люди, сосланные провинившиеся крестьяне и рабочий люд из центральной России. Земли и места под солнцем на берегах этой тихой реки хватало всем.

Не обходили село и катаклизмы земли российской. До сих пор в лесах около села сохранились уже почти залеченные природой раны от глубоких окопов. Иногда в земле находят стреляные гильзы и снаряды, оставшиеся после боев в 20-х годах между белыми и красными.

Но многие вехи истории села уже безвозвратно утеряны. В Сосновке не осталось ни одного ветерана Великой Отечественной войны. На шестидесятилетие Победы из всех, кто воевал, а ушло на фронты из села более 300 человек, осталась в живых только одна участница военных действий Анна Михайловна Скорикова (Смовж). 85 человек погибло на фронте, а остальные умерли уже в мирное время.

Все дальше уходят в историю годы Великой Отечественной войны. Забываются даты, имена и фамилии героев... Уже несколько лет в День Победы в Сосновке не проходят митинги. Никто не знает судеб всех фронтовиков. Хотя у доброй половины жителей деревни в домах хранятся пожелтевшие фотографии военных лет.

На сосновском кладбище под деревянным крестом покоится один из героев войны, чье имя было написано на Будапештских мостах. Это А. Кудряшев. Его танк одним из первых ворвался в горящий Будапешт. В 60-х годах в экспозиции Тюменского краеведческого музея красовалась фотография бравого танкиста.

После тяжелейшей контузии герой войны вместе с семьей влачил жалкое существование на нищенскую пенсию инвалида. Он не считал свои военные подвиги героизмом, и ни своим потомкам, ни односельчанам о них не рассказал. А его ордена и медали затерялись в суете послевоенной жизни.

Боюсь, что через десяток лет в селе не будут знать имен и участников трудового фронта, которых к тому времени тоже в живых не останется. А жаль. Сосновка имеет свою неповторимую двухвековую историю, но теряет память о былом. Не помнит даже героев отгремевшей всего лишь 65 лет назад войны, не говоря уже о более давних событиях.

Жил, например, в селе, прослуживший 25 лет в царской армии участник русско-турецкой войны Никифор Фомич Скориков (1840 г.р.). К слову сказать, он был единственным в те времена на всю округу шерстобитом. А его сын Михаил Никифорович Скориков (1885 г.р.) прошел жерла двух войн и имел три Георгиевских креста.

В годы первой мировой войны Михаил Никифорович находился в действующей армии, за боевые заслуги был награжден орденами солдатской доблести. Впоследствии, попав в плен к немцам, сумел сохранить награды. Бежав из плена в 1918 году, пройдя пешком через пылающую в гражданской войне европейскую часть России, он принес их домой.

В период коллективизации его, как одного из уважаемых людей, избрали первым председателем коммуны «Маркс». Но в 1937 году он был объявлен врагом народа и отправлен в город Миасс Челябинской области. В 1939 году, благодаря стараниям Новозаимского райкома ВКП (б) был освобожден и вернулся в родное село. В годы второй мировой войны, будучи уже в непризывном возрасте был все-таки демобилизован в ряды трудовой армии и работал в городе Миассе. Демобилизовался в самом конце 1945 года.

Рассказ о былом

Лето 1941 года выдалось особенным. Весна была поздняя, мокрая и с посевной управились только к середине июня. Пока не наступила пора сенокоса, трактористы поднимали пары, пахали зябь. Шесть тракторов работали от зари до зари. Трактористы и прицепщики жили на полевом стане с весны, изредка приезжая в деревню, чтобы сменить белье и помыться в бане.

Утром 22 июня работать, по тогдашним меркам, начали поздно, почти в восемь часов утра. Вчера был субботний день, и потому механизаторы были в деревне, а утром припозднились с отъездом из-за молодежи, которая, прогуляв ночь, опаздывала к отъезду. Подводы загрузили мукой, горохом и мясом. В честь выходного Трофим Игнатович Елфимов, председатель колхоза, обычно очень скупой, расщедрился и распорядился выдать мяса. Накануне его корова сломала ногу, и теперь на неделю бригада была обеспечена свежим мясом. Настроение и погода были хорошие, техника не ломалась, работа близилась к завершению, до сенокоса оставалось еще пара недель...

Но следующий день внес грозные перемены в планы колхозников и поставил четкую границу времени: до войны, в войну и после.

Утром на полевой стан прискакал на лошади сам председатель колхоза. «Собирай мужиков», – приказал он увечному сторожу Михаилу Карпеевичу Скорикову. Когда мужики сбежались на звуки набата на стан, председатель коротко объявил:

«Война, мужики. Завтра все с 1905 по 1916 год рождения мобилизуются в армию. Трактора сегодня же пригоните в деревню, – обратился он уже к бригадиру Анисиму Тарасову, – А пока до утра – за работу».

В полдень в машинном дворе рядами стояли трактора. Около бытовки или сторожки, как ее называли, поставили две бочки с горючим. Но в самом гараже людей не было. Вечером Анисим Осипович передал все дела учетчице бригады, своей двоюродной сестре Анисье Скориковой.

Наутро, когда солнышко только начало подниматься из-за горизонта, вся деревня собралась около правления. Заплаканные женщины, притихшие ребятишки и принаряженные мужики с отбеленными холщовыми мешками за спиной были какими-то непохожими на себя. Чуть в стороне, среди кучи подростков, несмело играла гармошка, плакала о погибающем в степи ямщике. Из открытых окон конторы слышался надрывный голос председателя, кричавшего, видимо, безрезультатно по телефону – на том конце провода его не слышали.

Наконец начальство вышло из конторы, началось построение призываемых мужиков в колонны по шесть человек. Строили не по росту, а по годам рождения. Мужики, отстранялись от обнимавших их жен, образовывали нестройные шеренги, хмурились, стараясь не глядеть в сторону родни, переговаривались друг с другом. Между ними сновали ребятишки, теребя за полы пиджаков, спрашивали, о чем-то, по их разумению, главном. Это с одной стороны отвлекало, с другой, нагнетало напряжение.

Вот, наконец, был дан зычный приказ: «Колона, шагом марш!» Бабы завыли в голос. Колонны качнулись и ходко пошли вперед. По бокам дороги бежали мальчишки, а сзади, иногда переходя на бег, гурьбой шли женщины. Так и шли пять километров до станции Новая Заимка: 100 мужчин в колонах, а за ними гурьба женщин и подростков.

На станции было светопреставление. Вдоль железнодорожного полотна расположились сотни людей из окрестных деревень. Мужчины ожидали составов, которые должны увезти их на войну, идущую где-то далеко на западе. Необычность момента, переживание за семью, оставшуюся без кормильца делали мужчин сдержанными, на женщин же эта обстановка навевала ужас.

...Вечером в деревне было тихо. Шедшие с выгона коровы трубно и, казалось, особо тревожно мычали. Было тоскливо и страшно.

В сентябре снова состоялся массовый призыв мужчин в армию. Теперь даже степенные мужики, прощаясь, с трудом сдерживали слезы. От первого набора защитников не было вестей, лишь черной меткой пришла первая похоронка.

Начавшаяся уборка урожая показала – срочно нужна замена ушедшим на фронт трактористам. Тогда на краткосрочные курсы в соседнее село Старая Заимка отправили 14-летних подростков: Ивана Ивановича Кривоногова, Ивана Сергеевича Скорикова, Максима Андреевича Федорова и несколько девушек, возрастом чуть постарше: Елизавету Нестеровну Шипунову, Нину Ивановну Семенову и Феонию Николаевну Скорикову. Им предстояло завершить уборку и долгие годы трудиться за ушедших на фронт механизаторов. Забегая больше чем на полвека вперед, могу сказать, что все они до конца своей жизни так и не расстались с избранными не по своей воле специальностями, и всю свою жизнь прожили в родном селе.

Трудовую повинность по законам военного времени выполняли все подростки села. Старшеклассники участвовали в заготовке леса – работали на лесоповале. На тяжелых работах в колхозе были заняты, например, школьницы: Надежда Михайловна Скорикова, Клавдия Григорьевна Гнусина, Лидия Артемова и другие. Они делали «все для фронта, все для победы».

В 1942 году призвали в действующую армию восемь достигших призывного возраста девчат: Надежду Яковлевну Тарасову, Полину Ивановну Тарасову, Домну Андреевну Скорикову, Устинию Андреевну Федорову, Евгению Устиновну Скорикову, Клавдию Ивановну Семенову, Марию Плоскову и Анну Михайловну Скорикову. Еще полтора десятка пятидесятилетних мужчин и столько же девятнадцатилетних девчат направили в трудовую армию на оборонные заводы Урала. А в августе 1942 года село лишилось еще восьми пар рабочих рук.

До войны колхозы «Маркс» и «Ударник» соперничали между собой. В каждом насчитывалось почти по 200 человек работающих, а теперь в обоих осталось менее чем до войны в одном. Да и работниками были только старики, женщины да дети.

Солдаты в юбках

Ранним августовским утром в 1942 году сотрудник Новозаимского военкомата посадил на подножки вагонов санитарного поезда троих девчат из Соновки: Надежду Тарасову, Марию Плоскову, Анисью Скорикову и приказал им ехать до станции Ишим. Старшей в группе назначил Анисью (армейские писаря ее переименовали в Анну, под этим именем она и прожила жизнь). Ей вручили и запечатанный сургучом большой серый конверт с надписью «612 БАО».

Почти восемь часов ехали девушки на подножках вагонов, крепко прижавшись к поручням. Голодными и промерзшими до костей приехали они в Ишим, где их никто не ждал и не встречал. Про «612 БАО» тоже никто ничего не знал. Еще двое суток они провели в станционном скверике, пока на них не обратил внимания дежурный милиционер.

На сборном пункте, где формировали подразделения 20-й армии к отправке на Дальний Восток, девчат чуть не сочли дезертирами. Но опоздание на двое суток сошло девушкам с рук, их даже ругать не стали. В железнодорожном тупике уже стояли вагоны, заказанные для перевозки солдат в юбках.

Путешествие в телячьих вагонах длилось 18 суток. Даже непривычным и привыкшим к суровым условиям сельской жизни девчатам оно оказалось очень тяжелым.

Прибыв, наконец, к месту назначения в город Хабаровск-2 девушки увидели, что их вагоны не пойдут на запад пустыми. Все подьезды к станции были заполнены солдатами, ждавшими отправки на западный фронт.

Батальон аэродромного обслуживания, куда попали все девушки из Сосновки, парнями был укомплектован только на одну десятую. В нем остались лишь специалисты, которым предстояло учить новобранцев. Только сейчас девчата узнали, что 612 БАО, где им предстояло служить, расположен в 15 километрах от станции Резенгардовка южнее Хабаровска.

В длинных, наполовину утопленных в землю казармах, селили по сотне солдат. Сенные матрацы и горячая похлебка с виноградными листьями показалась измученным девчатам райскими. Но вскоре жизнь стала такой стремительной, что трудно было различать, где день, а где ночь. Тревоги, учеба, караулы, а между ними – заготовка продуктов на зиму.

Наступившая зима принесла с собой пронизывающие ветра и жесткие холода. Причем, холода здесь были не такие как дома. Вроде бы небольшой по сибирским меркам мороз, но влажный и с постоянным ветром оказался обжигающим и пронизывающим до костей.

Из Сосновки шли нерадостные вести. Редкую неделю кто-нибудь из землячек не плакал, получив письмо из дома. Матери и младшие братья сообщали о погибших и раненных на фронте родственниках, о тяжелых налогах, о том, что все молоко и мясо с личных подворий приходилось сдавать государству. Но голода в деревне не было, основными продуктами питания стали картошка, горох, капуста. Работали от зари до зари. А председатель колхоза Елфимов «щедро» наказывал за опоздания на работу или допущенный брак.

К новому 1943 году в БАО солдат мужского пола почти не осталось, всю службу несли девушки. В феврале был первый выпуск девчат-шоферов. И одна из тяжелых работ по заправке самолетов полностью перешла в девичьи руки.

Только одна из сосновских девчат получила права водителя – Анна Михайловна Скоринова (в замужестве Смовж). Кроме боевых дежурств, всем приходилось нести службу по охране аэродрома, ходить в караулы и наряды.

Пропахшая керосином солдатская форма стала белой от стирок и солнца, а заветренные красные руки были отличительной чертой девчонок-заправщиц. Работать приходилось много, вылеты следовали один за другим – и на патрулирование границы, и учебные. Молоденьких пилотов, окончивших училище, «натаскивали» опытные, на пару лет старше, лейтенанты. Но многие из них даже не нюхали пороху.

Весть о Победе над Германией прилетела на аэродром ранним утром. Поднятые в воздух самолеты показали фигуры высшего пилотажа. Победные марши и счастливое «Ура!» слышались из репродуктора в солдатской столовой.

Но победа на западном фронте не внесла существенных изменений в жизнь аэродрома. Она стала даже напряженнее. Все чаще самолеты поднимали в воздух по боевой тревоге: японские самолеты-разведчики залетали на нашу территорию.

Копившееся годами напряжение вылилось в нападение японской армии на восточные рубежи СССР, произошедшее 8 августа. И аэродром стал жить по законам войны. Начались артиллерийские обстрелы, появились первые потери.

Через неделю передовые части мотопехоты и артиллерия в боевом стремительном марше оторвались от своих тылов. И три бензовоза из 612 батальона аэродромного обслуживания ушли в 10 дневной рейд, заправляя горючим машины артиллерийского батальона 20 армии. За что получила благодарность от Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса товарища Сталина водитель одного из бензовозов-заправщиков Анна Скорикова.

Возвращение из рейда домой было печальным. В их родной аэродром врезался самолет с летчиком-камикадзе. В воздухе носились клубы чада, пахло горелой резиной и хлебом. Развороченная взрывом взлетная полоса была в воде и желтой скользкой глине. Вдали тлели остатки пищеблока.

Месяц, пока шла война, все было как в калейдоскопе. Дни мелькали и один был не похож на предыдущий. Заботы и задачи вроде бы одинаковы, а способы их выполнения – разные.

... Демобилизовались девчата уже после ноябрьских праздников 1945 года, по закону о демобилизации от 23 июня 1945 года. Судьба сохранила всех восьмерых.

До конца жизни они остались верны своей малой родине. Сейчас они похоронены под скромными надгробьями на сосновском кладбище.

Краеведение

Военные страницы

Антонина Маркова

Семейная память, как зримая связь поколений

***Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!***

/Н. Рубцов «Русский огонек»/

***«Эти письма эпохи войны,
Что хранятся в семейных архивах,
На бумаге налет желтизны,
И протёрты до дыр на изгибах.
Эти письма эпохи войны
Не обычного требуют чтения.
Тем их краткие строки сильны,
Что мы сами их продолжение...»***

/автор мне не известен/

В последнее время мы все чаще стали говорить о ценностях семейных архивов, которые помогают нам хранить память об ушедших из жизни близких. Семейный архив – это особый объект повседневной жизни современного человека, который можно образно определить как эстафету памяти. Конечно, собирая и сохраняя биографические повествования, истории жизни и семейные фотохроники, человек не задумывается над тем, что он выполняет наиважнейшую гуманитарную, общекультурную задачу.

Однако современные люди привыкли жить сегодняшним днем. Они планируют будущее, но очень редко оглядываются назад. Не осознают свою жизнь, а тем более жизнь своих близких, как некую социальную ценность. И домашние фотоархивы плохо сберегаются или не сберегаются вовсе.

Лев Толстой был убежден в том, что воспитанный человек может жить лишь в той среде, в которой чтят традиции и обычаи поколений, где есть преемственность между прошлым, настоящим и будущим. А основой совести, нравственности, по словам академика Дмитрия Лихачева, основой культуры является человеческая память.

Семейная память локальна – она хранит информацию о близких родственниках. Она тепла, достоверна, поскольку опирается на живое ощущение, чувствование характеров и событий. Она в значительной мере непосредственна, в отличие от исторической памяти. Но всегда переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории всего общества.

Наверное, самый объемный, самый сохраняемый в настоящий момент пласт семейных архивов относится к периоду Великой Отечественной войны. Много написано книг, снято фильмов об известных полководцах и героях того времени. И невидимая нить тянется от тех далеких лет до наших дней.

У меня в руках драгоценные реликвии – письма, датированные 1941 и 1942 годами, фотографии, боевые и трудовые награды. О документах военной поры хорошо сказал дважды Герой Советского Союза генерал армии П.И. Батов: «Научившийся смотреть смерти в глаза – не лжет, и потому каждая строчка фронтового треугольника – искренняя. Нам и нашим

потомкам эти строки, нередко оборванные пулей, многое откроют в психологии старших поколений» [1, С 13]. Военные раритеты бережно хранила Лидия Дмитриевна Пономарева, жительница Тюмени, ветеран трудового фронта. Теперь этот небольшой семейный архив перешел к внучке Татьяне Леонидовне Мироновой. Он может рассказать об истории семьи больше самых подробных родословных.

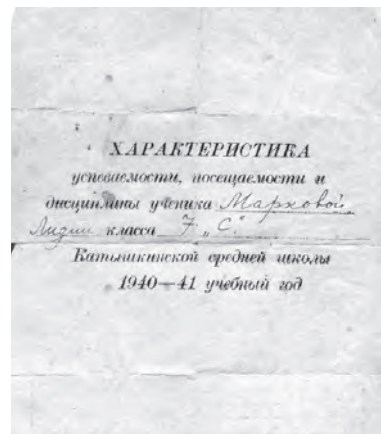
Маркова (в замужестве Пономарева) Лидия Дмитриевна родилась в марте 1923 года в селе Катышки Голышмановского района Омской (ныне Тюменской) области в семье сельской интеллигенции. Там она закончила школу-семилетку.

Сохранились «Характеристика успеваемости, посещаемости и дисциплины за 1940-1941 учебный год» и «Свидетельство об окончании неполного (в то время семилетнего) курса Катышкинской средней школы».

Но получить дальнейшее образование и специальность Лиде не довелось – началась война. В 1941 году их семья перебиралась в село Голышманово, и девушка устроилась в контору по заготовке скота. Лидя рассказывала о том, как с другими совсем еще юными девчонками ходила по деревням, собирала скот, гнала его в Голышманово для отправки на фронт.

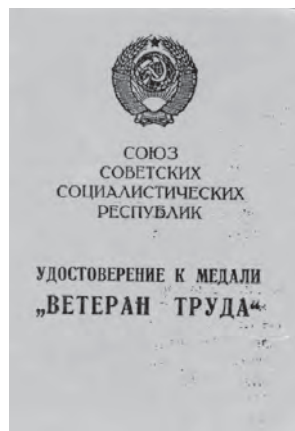
Только после войны Лидя смогла окончить курсы счетоводов и устроиться бухгалтером в

лесничество. Там, в 1946 году она встретила своего будущего мужа Семена, фронтовика. Они поженились, и прожили долгих 49 совместных лет. Воспитали троих детей – Ольгу, Владимира и Татьяну. За добросовестный труд в тылу Lidia Дмитриевна награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медалью «Участнику трудового фронта», несколькими юбилейными медалями. В течение всей жизни Lidia Дмитриевна хранила все фронтовые фотографии, документы, письма-треугольники, как самое ценное, как святую память о дорогих сердцу людях.

Письма во время войны... Как ждали этих заветных треугольников бойцы, как рады они были весточке от родных и близких! Ждали писем и в тылу, верили в победу. Вот они зримые свидетели военной поры. Они пожелтели от времени, выцветают чернила, стираются строчки. С трепетом и волнением держишь их в руках, видишь строки, написанные в тяжелое время. Попробуем и мы расшифровать, разглядеть между строк живую, не выдуманную историю одной семьи, вошедшую героической строкой в историю большой страны. Ведь «История Отечества – это не только летописи и архивы, рукописное наследие, памятники, но и историческая память индивидов, осознающих свое родство с сотнями предшествующих поколений» [2, С. 29].

Начнем, с самого близкого для Лидии Дмитриевны человека – мужа – Понамарева Семена Александровича. Он не любил рассказывать о войне, всячески старался обходить эту тему. Но из записей в его военном билете и рассказов жены некоторые сведения его военной жизни все же сохранились.

В 1942 году восемнадцатилетним юношей Семен был призван в 221-ый запасной стрелковый полк в качестве писаря, затем выполнял военное задание в Полевом Армейском техническом складе. В апреле 1943 года он попал в действующую армию стрелком (31-ый стрелковый полк), где в 1944 году получил ранение и оказался в госпитале.

В воспоминаниях Семена Александровича сохранился почти фантастический случай, произошедший во время его пребывания в эвакогоспитале: он вышел во двор, а в это время на госпиталь посыпались бомбы. Его отбросило взрывной волной, что спасло ему жизнь, а на том месте, где были палаты, зияла огромная воронка, в которой остатки человеческих тел перемешались с землей. Потом он помогал хоронить погибших товарищей.

Через 3 месяца лечения, в связи с тяжестью полученного ранения, Семена Александровича отправили в тыл – в 210 полк войск НКВД, и в 1946 году уволили в запас по состоянию здоровья. Семен Александрович был награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией», знаком «25 лет победы в Великой Отечественной войне», многими юбилейными медалями.

Г № 918990

Родной брат Семена Александровича – Георгий, несколько фотографий которого хранит семейный архив, – тоже фронтовик. Судьба его аналогична многим судьбам советских солдат, попавших в плен к фашистам.

Пономарев Георгий Александрович ушел на фронт танкистом, в одном из боев был ранен и попал в плен. Домой, жене и детям пришла похоронка. Оплаканный и мысленно похороненный, он находился в то время в концлагере. Когда советские войска освободили пленных, то многие из тех, кого теперь считали врагами народа, перекочевали из фашистских застенков в тюрьмы и лагеря родной страны. Он не пожелал рассказывать о себе, не писал писем родным. Вероятнее всего, даже не надеялся, что выживет, а может, боялся бросить тень на свою семью.

Но в 1946 году его освободили, и он вернулся домой, где его уже никто не ждал – жена (а по документам вдова) к тому времени вышла замуж (нужно было кормить и одевать детей). Это событие окончательно подорвало силы и волю Георгия. Он запил, скитался с места на место, очень рано умер.

Старший брат Лидии Дмитриевны – «Валентин, – читаем в газетной вырезке воспоминания Зинаиды Быковой, родной сестры Лидии Дмитриевны, – в августе 1942 года, как и многие его сверстники, ушел на фронт. Писем он не любил писать, поэтому редко сообщал о себе. В памяти остались строки из его последних писем: «Добрались до места благополучно. Жарко здесь на передовой. Но не волнуйтесь. Я жив и здоров. Валентин». Через несколько дней после этого короткого письма мы получили еще весточку от него: «Нахожусь на Орловской области. Жив и здоров. Бьем врага. Через нашу позицию он не прорвется. Валентин». И это письмо было последним. Погиб

он на Орловско-Курской дуге 30 августа 1943 года» [Быкова, З. Юность, опаленная войной // источник не выяснен].

Юность, опаленная войной

Священной памятью о самых близких мне людях хочу поделиться со всеми призывниками и теми, кто несет службу в Вооруженных Силах Союза Советских Социалистических Республик, охраняя и защищая рубежи нашей могучей, необъятной Родины. Пусть мои воспоминания помогут им почувствовать то великое право на жизнь, завещанное нам погибшими в Великой Отечественной войне.

Листая семейные альбомы с появившимися фотографиями, хочу рассказать о своих братьях, которые в восемнадцать лет надели гимнастерки.

... Давно отгремела война, но с болью в сердце и со слезами на глазах вспоминаю те суровые и трудные годы, когда фашистская Германия пала на нашу Родину.

Старший брат Валентин в августе 1942 года, как и многие его сверстники, ушел на фронт. Писем он не любил писать, поэтому редко сообщал о себе. Да и не до писем тогда было. Стояла земля. Пылали города и села, охваченные густым, черным дымом.

В памяти остались строки из его последних писем.

— «Добрались до места благополучно. Жарко здесь на передовой. Но не волнуйтесь. Я жив и здоров. Валентин.»

Через несколько дней, после этого короткого письма, мы получили еще весточку от него. — «Нахожусь в Орловской области. Жив и здоров. Бьем врага. Через нашу позицию он не прорвется.

Валентин. — И это письмо было последним. Погиб он на Орловско-Курской дуге 30 августа 1943 года.

Получил повестку и средний брат Владимир. В 1944 году после сборов, которые он проходил в Омске, пришла телеграмма.

— «Нашу станцию буду проезжать завтра. Встречайте.

Володя.»

На станцию мы пришли задолго до прихода поезда. Волнение не покидало нас. Ожидание эти дни было мучительно. Лишь то и дело вытирали глаза от непрошенных слез. А они все катились и катились. Всего пережитого и увиденного в этот день не описать на бумаге. Это все надо только видеть.

Эшелон прибыл на станцию и стоял всего, лишь, десять минут. От грозного свиста дежурного по станции на миг все вздрогнуло... Паровоз зашипел и начал набирать скорость, увозя парнишек и девчонок, одетых в военную форму.

Долго мы тогда стояли и смотрели в след уходящему со-

ставу, но сдвинуться с места не могли. Одеревнели ноги, сжалось в комок сердце. Только маме удалось сказать тогда Володе:

— Прощай, сынок.

Володя писал письма с каждой станции, которые проезжал, следуя к месту назначения. И каждый его весточка открывала нас. Мы верили в победу, в День из своих писем он сообщал:

— «Жив и здоров. Гоним врага с нашей Земля.

Володя.»

Почти в каждый дом тогда приходили похоронки. Не обошла она и наш дом. Несколько месяцев не дожид Володя до Дня Победы.

Вот какая была у моих братьев жизнь — юность, опаленная войной.

В поселке Голышмаиово Тюменской области, где братья родились и выросли, на мемориальной плите, вместе с другими войнами-односельчанами, погибшими во время войны, записаны и их имена.

Истари, я ездила на могилку к Володе. Он погиб 24 января 1945 года, защищая хутор Бунт, бывшей Добельской волости, Латвийской ССР.

Вечная Слава воинам, отдавшим свою жизнь во имя Победы.

Зинаида БЫКОВА.

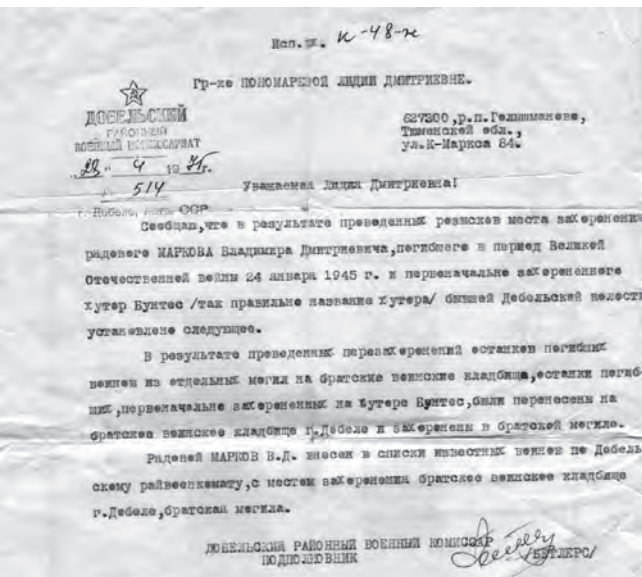
В 1944 году «получил повестку и средний брат Владимир, – читаем в той же вырезке, – В 1944 году после сборов, которые он проходил в Омске, пришла телеграмма: «Нашу станцию буду проезжать завтра. Встречайте». Эшелон прибыл на станцию и стоял всего лишь десять минут. От громкого свистка мы все вздрогнули... Паровоз зашипел и начал набирать скорость, увозя парнишек и девчонок, одетых в военную форму...

Володя писал письма с каждой станции, которые проезжал, следуя к месту назначения... В одном из своих писем он сообщил: «Жив и здоров. Гоним врага с нашей Земли». Он погиб 24 января 1945 года, защищая хутор Бунтес в Латвии, не дожив до победы всего несколько месяцев.

Долгое время семья Марковых не знала, где похоронен их сын Владимир. Лида посылала в военкоматы просьбы о розыске могилы брата. И только в 1975 году было получено письмо из Добельского районного военного комиссариата с уведомлением, что «в результате проведенных розысков места захоронения рядового Маркова Владимира Дмитриевича, погибшего в период Великой Отечественной войны 24 января 1945 года и первоначально захороненного на Хуторе Бунтес бывшей

Добельской волости, установлено следующее: останки погибших воинов перезахоронены из отдельных могил на братские воинские кладбища в г. Добеле... Рядовой В.Д. Марков внесен в списки известных воинов по Добельскому райвоенкомату». Вместе с этим письмом был прислан любительский снимок, запечатлевший часть памятной стены на братской могиле с увековеченным в ряду других имен именем Владимира.

В семейном архиве Лидии Дмитриевны сохранилось всего лишь одно письмо и фотография от двоюродного брата Ротбергера Валерия Оттовича (1922 года рождения). Он, как и многие в то время, в 1942 году «добровольцем ушел на фронт. Принимал участие в боях под Москвой. Был ранен. После излечения в госпитале вновь отбыл на фронт, сражался за Ленинград. В 1943 году учился на радиста» [3, С.35].

В книге «Строки, опаленные войной» напечатано 8 его писем, присланных с фронта в родной дом. Сейчас они хранятся в голышмановском краеведческом музее.

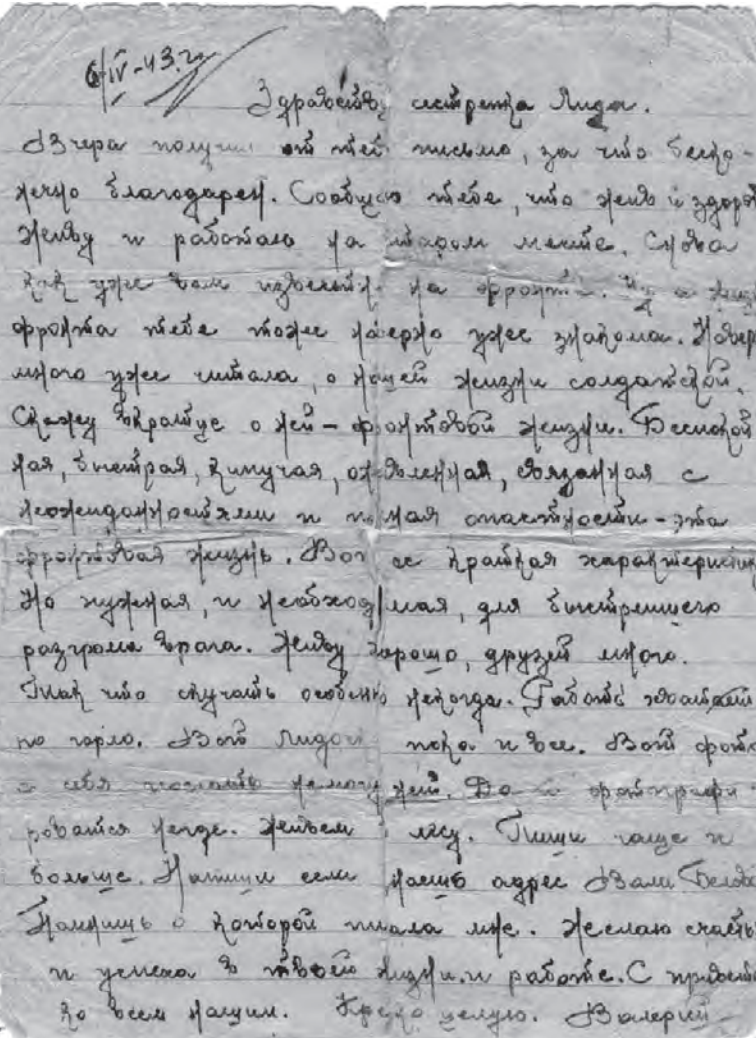
Единственное сохраненное письмо, адресованное Лиде, лаконично и образно рассказывает о фронтовой жизни: «беспокойная, быстрая, кипучая, оживленная, связанная с неожиданностями и полная опасности – это фронтовая жизнь. Она нужная и необходимая для быстреего разгрома врага. ... Живу хорошо, друзей много. Так что скучать особенно некогда. Работы хватает по горло... вот фото с себя послать не могу – нет. Да и фотографироваться негде. Живем в лесу. Пиши чаще и больше. Желаю счастья и успеха в твоей жизни и работе. С приветом ко всем нашим. Валерий». На оборотной стороне тетрадного листа написано стихотворение «Тебе». Возможно, Валерий сочинил его сам, потому что оно очень личное по содержанию, по тону разговора. Даже начинается словами:

*«Просила, чтоб я написал тебе стих,
Желанье твое исполняю.
И стих, что изложу сейчас пред тобой,
Я жизни своей посвящаю.*

*Сквозь грохот снарядов и вспышки ракет
Мы смело к победе шагаем.
Под вой раскаленных металлов порой
С любовью о вас вспоминаем.*

Мы знаем, что вы там не спите в тылу,
Вы тоже победу куετε.
И также как мы здесь – за родину в бой
Стальной стеною идете.

Мы чувствуем силу – народную месть
И знаем – одержим победу.
Тогда поподробней о жизни своей
Тебе расскажу, коль приеду»

Письмо датировано 6 апреля 1943 года. А 23 мая того же года Валерий погиб. Он похоронен восточнее станции Дубовик Чудовского района Ленинградской области.

Но самой дорогой реликвией в семейном архиве Лидии Дмитриевны являются письма от друга, почти жениха, Богдана Дмитриевича Швеиц-Яремы, который погиб уже через несколько месяцев пребывания на фронте (в июле 1942 года).

Официальная биография Богдана укладывается всего в несколько скупых строк. Родился 20 ноября 1922 года в городе Запорожье в семье рабочих. С малых лет остался без родителей. Воспитывался у тети. После окончания школы в 1940 году поступил в Томское военное училище. Еще в мае 1941 года мечтал побывать в родном городе, но его мечта не осуществилась – началась война. Город был оккупирован, связь с

родными оборвалась. Богдан мечтал поскорее попасть на фронт, чтобы освободить свой родной город. И в январе 1942 года его отправляют в Действующую армию командиром линейной пулеметной роты. Воевал на Орловско-Курской дуге.

О предвоенной жизни молодого человека узнаем из писем, присланных Богдану из родного Запорожья. Письма датируются 40-м и 41-м годами. Их вместе с другими документами, личными вещами долгие годы хранила Лидия Дмитриевна.

Детским ученическим почерком две школьницы Тала и Каля (быть может, они двоюродные сестры Богдана или его соседки – неизвестно) немногословно рассказывают о своей мирной жизни, об уроках, предстоящих испытаниях (экзаменах), о погоде, о посещениях городского сада и театра, о совместном проведении праздников и т.д. Интересуются тем, как у Богдана идет служба, нравится ли военное дело, идет ли ему военная форма, ходит ли он в кино? «... Дни текут быстро, что даже не успеешь оглянуться, - читаем в письме, - но еще быстрее текут юные года. В городе по вечерам много людей, что невозможно пройти. Часто в городе вижу ваших студентов, прохаживающихся по Соборной...». Ничто не предвещает беды, в юношеских грезах – светлое будущее...

Переписка Лидии и Богдана началась в октябре 1941 года, когда отряд бывших курсантов перебросили в Ялуторовск для дальнейшего обучения и подготовки на фронт. Юноша пишет: «... От вашей Голышмановки двигались мы днем, а иногда и ночью еще суток пять... С громкими песнями приближались мы к городу, радуясь окончанию пути... И начались всепоглощающие будни. Ни одного часа свободного, как у нас говорится «от подъема и до отбоя». Благоустривали новое жилье, ежедневные занятия. За две недели, прожитые тут, только раз побывал в кино...»

А война вовсю гремела где-то там, далеко от Сибири. Туда неистово рвался молодой лейтенант Швец-Ярема. Он как-то незаметно для себя повзрослел, оставил мальчишечий задор и геройство. Вести, приходившие с фронта, заставляли иначе думать, мечтать совсем о другом: «...на вокзале

встретил нечаянно своего товарища, вместе с которым учился в одной роте. Он – уже герой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды. Рассказывал, как там героически люди воюют. Как много моих товарищей получили ордена, были ранены не раз и вновь рвутся в бой. Правда, некоторые погибли смертью храбрых. Там люди действительно живут, сражаются и знают, что такое жизнь».

Нет, он не завидовал им, прекрасно сознавая всю трагичность фронтовых буден, но не мог оставаться в стороне от общего дела защиты Родины. Он переживал, что без особой пользы живет, и добивался своей отправки в Действующую армию. А Лиде писал: «... В конце концов, я и твое дорогое доверие потеряю, если эту Великую Отечественную войну отсижусь в Сибири».

Всякое частное письмо, как известно, являет собой некое единство отображения мира и выражения себя. Личная переписка Лиды и Богдана – долгий диалог, который ведут между собой два человека, разлученные расстояниями. Он позволяет судить о некоторых событиях жизни, о круге общения, о мыслях и переживаниях. Это своего рода эпистолярная хроника, не менее яркая и образная, чем фотолетопись поколений.

В письмах с фронта нет описаний сражений, воинских подвигов, лишений, клокочущей ненависти к врагу, призывов к мести и т.д. Никакого пафоса, никакой героики, нервозности, истерии. Все четко, ясно, просветленно. Все согрето любовью и надеждой на скорую победу и грядущую встречу.

Но вернемся к письмам. Через три месяца, наконец-то, сбывшись ожидания Богдана, и он сообщает об этом в очередном письме: «...Имеется проект на предмет моей отправки на фронт. Приказа на это еще нет, но сегодня к вечеру будет. Настроение самое боевое – наконец-то и я поеду на фронт и не отстану от своих товарищей, большинство из которых давно уже там и имеют уже успехи в боях, боевой опыт, а кое-кого уже в живых нет.

... поеду я в те края, где люди воюют за то, чтобы каждый в нашей стране имел свой дом, работу, отдых. И также за то, чтобы немца выгнать с наших хат на мороз и вогнать в землю тех из них, кто не успеет ноги унести с нашей земли... Немцы сожгли и мой родной город, уже это одно говорит за то, что я должен быть там и немцу отомстить... Мы с товарищем поклялись, пожав друг другу руки, мстить немцам беспощадно и также жестоко, как делали они, оккупируя нашу Родину.

В марте 1942 года Богдан присылает первое письмо из Действующей армии. В нем – ни слова о трудностях и ужасах войны. Солдат, которого ежечасно поджидала смерть, находил душевные силы еще и для того, чтобы морально поддержать, подбодрить тех, кто остался глубоко в тылу. Он искал такие темы для переписки, которые понятны девушке, которые не огорчат и не напугают ее: «...Весна в полном разгаре. Только в этой Курской области неприветливо. Мелкий дождик через день или два, грязь непролазная. А так все хорошо, поля зеленеют, пахоть готовятся, жаворонки так и заливаются...». А дальше Богдан рассказывает о том, как они мечтают во время короткого отдыха, как придумывают и музыку, и состязания, и игры на Первомайские праздники, как спасаются от дождя в соломенных шалашах. Откровенно радуется тому, что «... Родной наш тыл нас не забывает. Ко дню Красной Армии из Тульской, Рязанской и других областей получили праздничные подарки. Каждое письмо, каждый подарок с тыла вызывает тут бурю радости и придает много сил. Нет здесь ничего радостней, как получить весточку от дорогих друзей!» И надеется на скорое окончание войны.

И все-таки, грозная действительность нет-нет, да и прорвется тревожной строкой в очередном письме. Богдану, как и многим другим бойцам, хотелось верить, что победа не за горами, но он прекрасно понимал, что «... Пять недель в тылу не имеют большого веса, но тут – это подчас целая жизнь... Пусть Валентин изучает добросовестно все виды оружия, вплоть до трофейного, больше физически тренируется, все это будет тут очень кстати, а войны на его век хватит с избытком...»

В коротких промежутках между боями солдаты неизменно в мыслях возвращались к родному дому, надеялись на скорую встречу. Вот и Богдан был уверен: «...Увидимся, Лида, еще не раз, когда немец будет в прах разбит, и его оружие не убьет меня и не сделает тяжелой раны...» Он посылает девушке стихи, которые Лидия Дмитриевна помнила наизусть:

«Ты со мной

Где бы ни была я – под пулетным градом,
В землянке, на глубокой целине, -
Куда бы не стремился я – ты рядом,
О чем бы я не думал – ты во мне.

Ты на любых дорогах и тропинках,
Везде, куда пошлет меня война.
Ты загрустила, и твоя слезинка
В моем глазу горька и солоня.

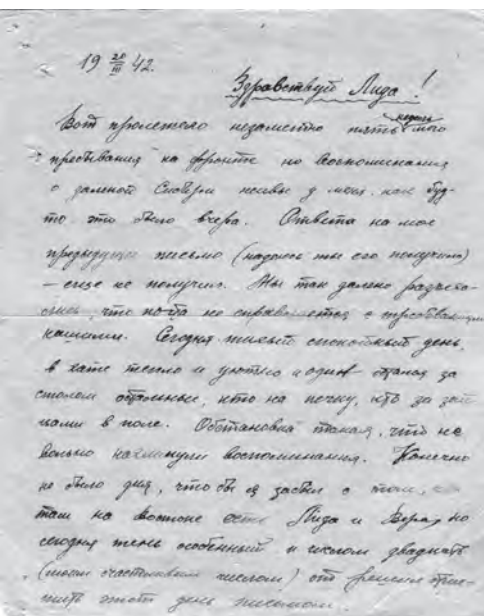
Нет, я почти не знал тебя доселе,
Ты, что ни день, то ближе и милей.
Ты улыбнулась, и твое веселье
Становится улыбкою моей.

Порой бывает трудно и тревожно,
Но ты передо мною, на виду,
И стало невозможное возможным,
И я сквозь все препятствия пройду.

Чтоб ни было – я верю в нашу встречу.
Я знаю – на войне, как на войне.
Но вражьему свинцу противоречя,
Она придет с победой наравне.

Она придет, как первый день весенний
Приходит стуже мартовской назло,
Она придет, как наше наступленье
Наперекор противнику пришло.

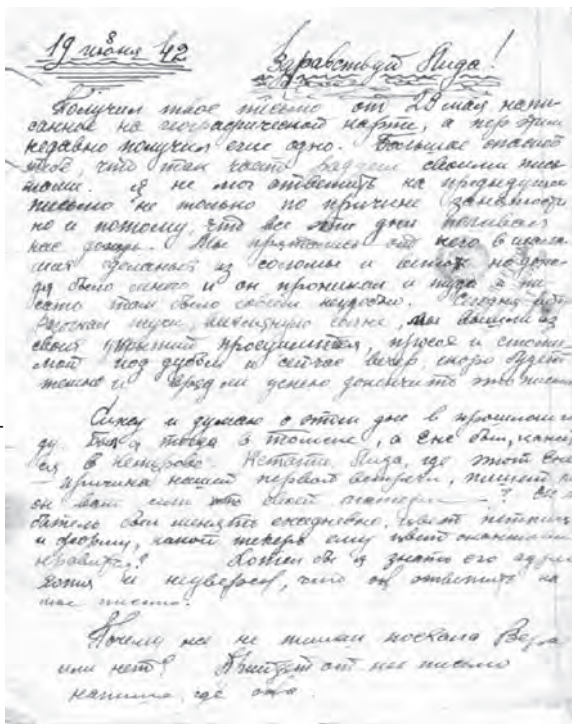
Пушай в пути опасностей немало,
Пушай еще нам долго воевать,
Но сколько бы гроза не бушевала,
Настанет день – мы встретимся опять!»

Некоторые фразы в письмах поражают своей нарочитой патетикой, вызывающей в какой-то степени подозрение в неискренности автора. Теперь-то мы знаем, что в военные годы существовала такая служба, которая проверяла всю корреспонденцию фронтовиков и письма к ним. На одном из писем Богдана сохранился едва различимый штамп «Прочтено военной цензурой». Это она заштриховала в письмах названия населенных пунктов, рядом с которым находилась стрелковая часть.

Военная цензура не позволяла молодому командиру линейной пулеметной роты жаловаться и хандрить ни при каких обстоятельствах. Все верили в скорое окончание войны и жили под девизом: «Наше дело правое! Мы победим!». Лучшие свидетельства войны – письма. И неважно, написаны они маршалом или солдатом-окопником. Именно эти листки бумаги лучше всего передают атмосферу тех дней.

Чувствуется в них и влияние мощной тогда пропаганды, и боязнь сказать что-нибудь «не то», чтобы придирчивый цензор «не положил глаз». Но видно и искреннее желание победить, вернуться к семье, есть в них неподдельная любовь к Родине, чего сегодня многие почему-то стесняются, отнеся к излишне высоким словам.

Последнее письмо датировано июлем сорок второго года. Оно написано торопливо, в сгущающихся сумерках, возможно, в короткие минуты перед очередным боем: «...Получил твое письмо, написанное на географической карте. Большое спасибо тебе, что так часто радуешь своими письмами... Уже стемнело, и не видно ничего. Соловьи и те приумолкли. Наш лагерь в боевой готовности ко всяким ночным неожиданностям укладывается отдыхать.

Всего хорошего... Пришли же, Лидка, давно обещанную фотокарточку. Жду. Привет твоей семье...»

Ужасе стилизации и кельдиро-
нического. Союзы и те прищипо-
ван. Наши ребята в боевой
готовности и вазкиши мощными
неожиданности укладывает
отдыхать.

Всего яориллого.

Пришли же Лидия давно
обещавшую фотоматериалы.
Несу.

Привет тебе от мамы

19 июня 42. Богдан

Писем всего 19 – ровно столько, сколько лет довелось прожить молодому человеку на этой земле прежде, чем война отняла у него жизнь. Розовые листочки исписаны быстрым мальчишечьим почерком. И в них – целый мир поколения, на долю которого выпало суровое военное испытание.

В этих письмах – мысли и чувства, мечты и надежды вчерашнего выпускника военного училища, вставшего в боевой строй защитников нашей Родины.

Лидия Дмитриевна бережно подшила не только те письма, что были адресованы лично ей, но и те, что принадлежали Богдану и были переданы ей на хранение «до возвращения с войны» в день его отъезда на фронт. Лидия Дмитриевна часто перечитывала знакомые

наизусть строки, всматривалась в единственную фотографию друга, рассказывала дочери, внучке, а затем и правнучке о своем Богдане, ставшем для них настоящим героем Великой Отечественной.

В семейных альбомах, как правило, хранится немало фотографий, которые понятны, узнаваемы и дороги только для самого хранителя. Эти фотографии «связывают нас не только с прошлым. Они – очень важная часть общения. Благодаря рассказанным историям, персонажи фотографий как бы оживают, становятся участниками жизни людей, которые их, может быть, никогда не видели. Связи с прошлым начинают восстанавливаться, укладываясь в длинные семейные истории», которые становятся самостоятельной ценностью. [4, С. 102]. Есть такие и в архиве Лидии Дмитриевны. Это фотографии людей, не входящих в поле родословия, в круг родни – снимки друзей, одноклассников, случайных знакомых, подаренные на память. Но и они несут в себе интересную информацию,

которая способна косвенно охарактеризовать и дарителя, и обладателя подарка. Главное содержание заключено в подписях на обороте каждого снимка. Так, молодая девушка в гимнастерке с орденом на груди подписала свою фотографию «На память от Поли. Вспомни чистую дружбу. 07.05.1944 г.». Кто она, эта орденосица Полина? Осталась ли жива в огне военного лихолетья?

На другом снимке молодой улыбающийся офицер, позирующий с цветущей веткой в руках в каком-то уютном дворике, вымощенном булыжником. На обороте читаем: «На память Лиде Марковой от Пети Мамонтова в день моих именин 11.05.45 года гор. Угорский-брод (Чехословакия). Помни и не забудь наше заочное знакомство, возможно встретимся». Встретились ли? Познакомились ли после войны?

Или вот еще фотография победителя – неизвестного молодого человека с орденами и лич-

ками о ранениях на гимнастерке, высланная из Германии. Скромная подпись гласит: «На долгую память знакомой девушке Лиде от Вадима». На фотографии дата 9.12.1945 года. Для него война не закончилась даже в декабре 45-го года. Какие важные задания задержали его в стране побежденного врага? Вернулся ли он домой живым и невредимым?

Эти документы вызывают желание узнать о дальнейшей судьбе неизвестных героев, продолжить их биографию, установить связи.

Особенностью некоторых документов из семейного архива Лидии Дмитриевны является то, что они оказались упомянуты в книге «Строки, написанные войной», вышедшей в Средне-Уральском книжном издательстве к 50-летию Победы. «Это сборник писем тюменцев-фронтовиков родным, друзьям, трудовым коллективам, – говорится в аннотации к книге, – ответных посланий из тыла, сообщений однополчан и командиров, а также фотографий воинов, других документов Великой Отечественной войны». Письма эти, военные и послевоенные треугольники – такие, какие сегодня можно видеть в музеях – «это целый мир мыслей, чувств, страстей людей, познавших на себе, что такое война» [3, С.5]. Читаешь их и мысленно возвращаешься в прошлое, которое кажется поначалу в таком далеком далеке, что и представить себе трудно.

Но они – искренние, нежные, полные заботы и понимания – до сих пор несут свое тепло. В них просвечивает та честность в интонациях, бесхитростные подробности, которые рассчитаны на дружеский или внутрисемейный разговор. Они не оставляют равнодушным никого, кто берет в руки эти листки, вырванные из тетрадки и исписанные мелкими чернильными или карандашными буквами.

Мы знаем, что семейная память многообразна: это фотографии и альбомы, книги и награды, письма, старинные вещи и вещицы, дневники, другие документы, представляющие жизненные свидетельства. Для постороннего человека они ничего не значат. Для семьи – это ценности. От пожелтевших фотографий, дневников, писем, как от отчего порога, начинается познание истории страны. Ведь жизнь человека – маленькая частица огромной истории, а семейные реликвии открывают новые грани в смысле жизни. Это особый способ отложенной во времени связи поколений.

Работая с семейными архивами, можно легко сопоставить факты из истории семьи с фактами и событиями истории страны, что помогает не только понять исторический процесс, но и осознать себя частью огромного государства. Они, эти архивы, позволяют исследователям более

объективно взглянуть на уже давно известные события с точки зрения истории повседневности и обыденного сознания сотен тысяч людей. Они, несомненно, являются ценными историческими источниками, яркими дополнениями к официальным документам, позволяющими глубоко и всесторонне оценить и осмыслить события Великой Отечественной войны.

*« Стоит ли былое вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?...
Все равно – упавших не поднять,
Все равно – ушедших не вернуть.
И сказала память: « Я могу
Все забыть, но нищим станешь ты,
Я твои богатства стерегу,
Я тебя храню от слепоты».
/В. Шефнер «Спросил у памяти»/*

Библиографический список

1. Живые строки войны... / Сост. Левин Ю.А., Лошак В.Г. – Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1984. – 352 с.
2. Саралиева, З.Х. Отечественная война в памяти трех поколений / З.Х, Саралиева, С.С. Балабанов // Социологические исследования. – 2005. – № 11. – С.29 – 46.
3. Строки, написанные войной. – Екатеринбург : Сред-Урал. кн. изд-во, 1995. – 176 с. : ил.
4. Усакова, Е. Фотка, фотография, семейный альбом / Е. Усакова // Знание – сила. – 2007. – № 2 . С.96 – 102.

Краеведение

Тюменский календарь

Елена Дубовская

Зот – значит полный жизни

Пожалуй, не найдется тюменца, кто бы не знал писателя Тоболкина. В январе 2010 года Зот Корнилович отметил свой славный 75-летний юбилей. Его произведения печатались в журналах «Современник», «Крестьянка». В 1970–1980-х выходили большими тиражами в столичных издательствах. Пьесы ставились в театрах России, Украины, Казахстана, Грузии, Болгарии. Успех имел и его художественный фильм «Поздняя ягода». Творчество Тоболкина не оставляет читателя равнодушным. Покоряет своеобразный взгляд на мир, житейская мудрость и великолепное владение словом. Зот Корнилович награжден орденом «Знак Почета», он – заслуженный работник культуры РФ, его произведения удостоены премий Союза писателей, Министерства культуры СССР. «Но что об этом говорить, – замечает он. – Были люди, которые получали Ленинские, Нобелевские премии». Мастер слова, настоящий писатель не пиарится, редко появляется на тусовках, где собирается тюменский бомонд. Время он посвящает написанию новой книги. Для нашего журнала согласился дать интервью.

– Зот Корнилович, сложно быть писателем?

– Не-е, главное – бумаги достать. Потом садишься за стол. Если машинка не работает, берешь карандаш или ручку. Однако, мне надо какой-то роман начать... Ага! Первая строка получается, запятую даже поставил. Дальше пошло, пошло...

– Какой Ваш первый роман? Как его приняли коллеги, читатели?

– Роман «Припади к земле». Я тогда в деревне работал. Меня оттуда поэт Анатолий Кукарский вытащил, заставил идти на обсуждение. А мне как-то неловко что-то болтать, спрашивать будут. Кукарский вот такой мужик был!!! У него и мать замечательная женщина, она учительницей была. В общем, я приехал домой, у меня тогда уже двое детей, жена и мама. Мы жили в маленькой квартирке. Ночью мне звонит Ваня Ермаков. Он под

дал, спрашивает: «Ну что, трясешься?». Я говорю: «А что, землетрясение? Не боюсь! В случае чего опять поеду землю пахать, картошку сажать. Надо – на трактор сяду. Ты свою жену пужай, она у тебя в магазине работает».

И вот началась эта обсудилка. Первым нетерпеливо вскочил Кукарский. «Я буду говорить!» И как начал хвалить. А Ермаков-то готовился облаять меня. Я дергаю за рукав Кукарского: «Остановись!». Иван сидит, подмаргивает мне. У него глаза красные с полу-хмелья, грозится: «Теперь я буду крыть!». Толя ему: «Иди к ветеринарам, там есть, кого крыть». Ермаков встал, и... как понесло его. Ни одного грубого слова!

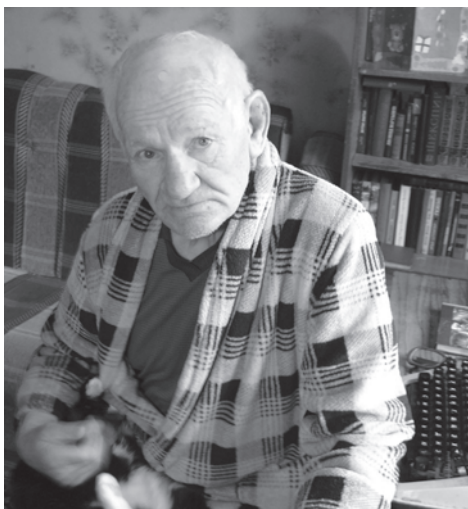
– Значит, он ночью пошутил, что критиковать будет...

– Неудачная шутка вышла. Слабого человека такими шутками легко до инфаркта можно довести. Ваня Ермаков с юмором был. Внешне мужик безобразный, но талант огромный. И душевным он был. Короче говоря, судилище закончилось. Подходит ко мне журналист (фамилию его забыл): «Ну, что? Пойдем обмывать?». Пойти-то пойдем. А где взять деньги? Кукарский меня толкает: «Ты подойди к Зине» (это – секретарша. Она, кстати, неплохо писала). Я говорю: «Сердитая женщина. Как просить? Меня облает, я взамен такое выложу, что лучше бы не надо». Она: «Зот Корнилович, я все слышала. Сколько?». Я говорю: «Зина, не знаю сколько, но вот, чтобы Кукарского напоить, а то он шибко много говорил, перестарался».

Обмывали в кафе, оно было за обкомом наискосок. В кафе работала буфетчица, ее Евой звали. Видная женщина, кажется, еврейской нации. Мы как зашли, Ермаков выдал шутку: «Ева! Слезь с дерева!». Я так сразу и ошалел.

– Хорошо отметили?

– Дня три отмечали. Потом нас зазвал к себе, кажется, геофизик или геолог, от него пошли к рыбаку. Это были мои читатели. «Припади к земле»

Зот Корнилович Тоболкин

сначала вышел в «Современнике» в 72-м году. Потом его в «Советском писателе» напечатали. В Средне-Уральском книжном издательстве роман вышел в 1979-м. Сперва-то в Свердловске не хотели меня печатать.

«Припади к земле» начал писать на Севере в 1958 году, еще до поступления в УрГУ. Жил в какой-то бичевской общаге. Прежде чем студентом журфака стал, успел поработать, в армии в Германии отслужить. У меня ведь рабочих профессий сколько: сварщик, слесарь, каменотес, тракторист. Ремеслуху закончил, на физтехе поучился и даже в лесотехническом училище. В УрГУ с первого курса в типографии наборщиком работал. Не помню дня, чтобы я не работал. В общем-то, путь к писательству не очень трудный, но его надо проходить настырно. После Уральского университета работал журналистом в Первоуральске. В Нижнеуральске создавал ТВ. Там поставили телевизионную вышку – буровую. Нефтяники, геологи богатые люди, у них этих вышек с избытком было. Сняли одну и притартали. Барак подтащили. В бараке этом я и работал.

– Зот Корнилович, в Вашем багаже есть Высшие режиссерские курсы. Вас туда направили или сами сделали выбор?

– У меня вышла пьеса «Самый главный народ». Ее поставили в Тобольском театре. И в ту пору у меня первые передачи появились на радиостанции «Земля вечерняя». О Вассе Ивановне Кирилловой, знаменитой трактористке, я передачу сделал, потом о ней пьесу написал. Вот на курсы меня в Москву и направили. Нищенскую стипендию платили, да еще ребята-соседи ко мне в гости ходили. Болгары, французы, в общем, очень много зарубежников училось. Поговорить-то зайдут, р-раз и все, кончилась стипендия. Правда, как увидят меня в коридоре, к себе зазывают. Хорошее время было.

– По Вашим пьесам «Верую», «Сказание об Анне» в театрах Москвы с успехом шли спектакли. Вас наверняка вызывали на сцену.

– Ну, в театр Вахтангова министры разные пришли, ЦК. Выталкивают меня мужики, а сцена высокая. Я припужился, туфли новые купил, хоть и дешевые, но на каблуке. Меня, значит, толкнули, я резво прыгнул. Я не слабый мужик. Р-раз, у меня каблук-то и оторвался... Конфуз! Но я гордо так подпрыгивал на поклон. Поклонился и все. Говорить-то не люблю. В цыганском театре «Ромэн» у Николая Сличенко «Братья» шли. Коля начал про меня говорить, а я – за кулисы. Думаю, надо уходить! Бежать! Зам. министра по культуре знает мой характер. Меня – хоп, и еще два мужика хватить за руки: «Ты куда?». Я говорю: «Хочу квасу попить».

– В 1975 году тюменская «драма» с этими спектаклями выступила на гастролях в столице. Шли постановки и в Тюмени. Ваше имя на афишах. Почувствовали славу?

– Я не тщеславный. Один журналиста из центральной газеты специально приехал в Тюмень на премьеру, пригрозил мне: «Ну, Зот, я на тебе покатаюсь!». Я ему: «Научись сначала в седло садиться!». Короче говоря, накатал он на меня пакость, критику эту свою. А он партийный был, и кто-то там сверху ему вежливо сказал: «Если ты и будешь работать, то не тем и не здесь». Потом журналиста меня встречает на улице, заискивает: «Зот Корнилович, это ведь не я писал...». «Че ты врешь! Оправдываешься, – говорю. – Если бы у меня был провал, ты бы прыгал от счастья».

– Но завистники всегда найдутся...

– Я живу, ничем не хвастаюсь. Плевать мне на завистников. Главное, садиться за рабочий стол. Жена Нелли Викторовна мне пачку бумаги купила. Сашенька придет: «Деда, как ты? Поспал?». «Поспал маленько». «Тебе чаю принести?». «Ой, родная, тащи чаю!». Ну как после этого работать не будет?

– К юбилею подводят итоги. Сколько у Вас произведений?

– Некогда мне итоги подводить. Работаю. Мне главное – достойно заполнить бумагу. В 1975-м в Союз писателей вступил. Наверное, больше дюжины книг наберется. Много написано.

– Вдохновение для работы обязательно?

– Его не стоит ждать. Нужно жесткое отношение к себе, к делу. Было у меня великое вдохновение, когда я больше суток не выходил из дому. Подряд несколько ночей пишу. Выберешься на улицу, голова кружится – весь выложился. Устал, хоть и не слабый я человек. Иду, в голове чего-то ворочается. Стоп! А где это я? Когда на Достоевского жил, у меня был простой ориентир – тюрьма под окошком.

Работал как каторжный. Мама однажды говорит мне: «Зот, ну что ты делаешь с собой? Платят тебе очень мало. Езжай в нашу деревню. Вот, знаешь, есть свинарь, он Герой труда, член ЦК, делегат. А знаешь, он огромные деньги получает».

– Как сейчас складывается Ваш рабочий день?

– Встаю в четыре утра, пройду, подышу чистым воздухом. Ставлю чай, пока он заваривается, душ принимаю. Чай говорит: «Ну, где шляешься?

Я готов!». С любовью садишься за работу. Помощник у меня есть! Нежный чудак кот Марсик. Он за меня романы пишет. Прикоснешься к нему, Марсик такой подзаряд дает! Усталость мою себе забирает. Лежит потом возле ног или спит в кресле.

– Писатели в тетрадках фиксируют услышанные интересные фразы, наблюдения. У Вас, наверное, скопилось множество записей.

– Было дело, вел тетрадки. Потом много порвал, сжег. Ну, вот сдал рукопись в издательство, она там болталась, валялась. Сжег роман. От злости. Его уже не возродить. А сколько порвал...

– Вам легко пишется?

– Само лезет. То туда потянет, то сюда. И надо бы не заблудиться. Сложная такая штука, сразу и не накатаешь. Бывает, вынашиваешь подолгу. «Припади к земле» замысел 14 лет зарождался. «Жил-был Кузьма», «Грустный шут», «Отласы» легко шли.

– У Вас немало исторических произведений. Почему обращаетесь к прошлому?

– Это интереснейшая тема. В романе «Отласы» мужики-то какие! От Беломорья до Камчатки пробуровили все. Босиком, можно сказать, прошли. Первооткрыватели. Потом нефтяники, геологи пошли. Как не писать о Ермаке, Кучуме, Ремезове? Я потом понял – мне это все не поднять. Надо перекур сделать. Нарыто много, но другие темы горят. Лежат, ругают меня; «Ну, что ты нас забыл?».

История Руси так велика, так сложна, многоструйна. Все подряд не потянуть даже десяти Толстым. Надо знать, что ты хочешь. А то тебя течением потащит на глубоководье, а там – омут. Нырнешь и не вынырнешь.

Главное, историю подать надо с уважением и не завраться. Если ты писатель, то грех приукрашать. Это кощунство. Будешь петь, как бывало: «Эх, хорошо в стране советской жить!».

Мы тоже в историческом времени живем. И в какой стране! Грех жаловаться. А наша земля? Тобольск ведь хотели столицей России сделать. Было это дело при Петре Первом.

– Ваши современные персонажи тоже сильные личности. Таких, наверное, выдумать невозможно.

– Я их в жизни наблюдал. Про Вассу Кириллову уже упоминал. Крутая девушка была. Лет в 17 за трактор села. Мужа ее на фронт призвали.

Бригада у нее была. Пьяным она на работу никому не позволяла появляться. Трактористы перед ней на цырлах ходили. Никто слова грубого в бригаде не мог сказать. Разве мимо такой женщины пройдешь? Анна Сеюткина еще суровой. Вот такие кулачищи! Пришла к председателю, своими кулачищами бахнула. Красноречивая была, могла матом попереть. Жизнь такая. Мужики один другого пьянее, их надо держать. В повести «Жил-был Кузьма» охотницу Павлу тоже с натуры писал. Она действительно охотницей была. Крутая женщина. Я ни разу не слышал, чтобы она выругалась. А красивая какая! Только звали ее не Павлой, а Вассой. У меня – три Вассы, и все бабы одна другой лучше.

– Самобытных персонажей так просто не найдешь...

– Я не искал. Они, как клопы, вылазили. (Смеется). На вокзале меня поймал какой-то мужик, видимо, знал, кто я. «Пойдем ко мне! Баба моя куда-то ушла. Потеряла меня». Я говорю: «Ты ее потерял, или она тебя?». – «Пойдем, разберемся!». Заходим. У него вот такая псина, волкодав! Свирепая, огромная. Я подхожу ее гладить. Он кричит: «Не трогай! Она тебе руку отхватит!». А псина спокойно отошла в сторону. Собаки же, как дети, доверяют. Ну, посидели, поговорили. Или вот другой случай. Приехал в командировку в деревню. К председателю зашел, чтобы меня куда-нибудь на ночлежку определили. Он говорит: «Есть у нас тут одна женщина, сына с месяц как схоронила». Пришел к ней, она смотрит на меня совершенно детскими глазами: «Ой, сынок, да че тебе сказать? Ты, знаешь, как больно... Я ведь пятерых схоронила...».

Вот так познакомишься с человеком, он как заведет разговор, и думаешь: Боже мой, я и сотой доли того не знаю, что мне рассказывают, что пережито. И у каждого даже не судьба, а судьбина.

Я счастливый человек в том, что мне встречаются люди, которые меня обогащают. Нюх-то у меня уже собачий, сразу человека видишь. Но среди сильных личностей и сволочи сильные попадают. Если будешь с ними болтаться, сам дерьмом вымажешься.

– Недавно в эфире «Регион-Тюмень» прозвучал радиоспектакль по Вашей пьесе «Похоронок не было». Вы рассказываете о судьбе девушки Насти, эвакуированной из Ленинграда в сибирскую деревню. Настя, работая почтальоном, прятала похоронки, вместо них писала письма от имени медсестры. Тем самым она пыталась отвести горе.

– Настя, пожалуй, собирательный образ. В детстве видел я, как в деревню привезли ленинградцев, они голодные, изможденные... А детские впе-

чтления самые яркие. Да, был случай, что девочка прятала похоронки. Настю полюбил местный парень Гера. Прообраз его – Георгий Марков. Реальный человек, но два года уж как его схоронил. Правда, там, в пьесе. К правде добавил каких-то 100–200 страничек. Чтобы вещь читабельной была, за душу брала, надо сколько ей отдать...

– Эту пьесу написали к 65-летию Великой Победы?

– Точно не скажу, когда она у меня появилась. Ее в каком-то народном театре ставили. Специально к датам не пишу, и никто ничего мне не заказывал.

– В партии, наверное, не были.

– Никогда. Хотя меня туда тащили. Партийщики хорошо жили. Некоторые вступали ради карьеры. А мне на хрена эта карьера? Потом на цырлах по нитке ходить? Кому-то руку жать, а ему надо морду набить.

– Ну и писать пришлось бы совсем другие вещи...

– Взял сегодня утром Леонова, пересмотрел. А ведь у него нет никакой подлятины. Василий Белов, Виктор Астафьев много хорошего написали. И Тюмень талантами не обделена. Почитайте наших писателей: Кукарского, Сазонова, Ермакова. Александр Гришин – блистательный поэт. В Тобольске живут талантливые литераторы.

– Зот Корнилович, Вы сами откуда родом?

– На Тоболе родился, Исетский район. Тамошняя фамилия, вся деревня Тоболкиных была. Я как-то приехал в родные места, встретился мне на поле здоровый такой, добродушный мужик. Он, кажется, бригадир. Я ему руку протягиваю: «Зот». Он: «Зот». «Ты че дразнишься?» – говорю. Он улыбается: «Меня так зовут». Потом мы пошли к третьему Зоту. Все староверы. Бывает такой день, когда при крещении имя годится только это.

– И что оно означает?

– В переводе с греческого – жизнь. Полный жизни. Зоя, кстати, тоже означает жизнь.

– Кто Ваши родители?

– Отец – кузнец, плотник. Хозяйство на нем держалось. Мама все крестьянские работы перепробовала: за сеялкой, веялкой ходила. Она так и умерла неграмотной, только научилась считать рублики, копейки, которых у нас не было. Я в детстве много чего повидал, знаю, что такое

1930-е годы, какова судьба «врагов народа», но, к счастью, не обозлился на ту власть.

Запрягать лошадь уметь, наверное, когда ходить начал. Идти за плугом, править поводьями – это наука. На сенокос, покос с детства ездил. Девки, бабы откосят, потом мечут. Такая мужская работа, грыжу можно нажать. Вот они копну бросают все выше, выше... Но, как бы ни была груба жизнь, она была очень хорошей. В «Слове о пахаре» я об этом писал. О, помню, свою гармошку, я еще как играл! Гармошка-то одна, а баб, девок много. Вдовье, незамужние. Я вот только материться, ругаться так и не научился. У нас в семье сурово к сквернословию относились.

– А как Вы почувствовали в себе писательский дар?

– Да откуда ж я знал, что писателем стану... В детстве литературой не увлекался. Читать учился по старославянским книжкам. Там буквы красивые, цветные. Засмотришься на них, как на красивую женщину, а язык – поэзия! На таких книжках не учиться – просто грех. Мало у меня этих книжек осталось, раздарил, лучшие – в музей отдал.

Вот в третьем классе углем написал свой первый роман. У нас в печке угля-то много было. Учительница прочитала его: «Зотушка, сынок, трудна у тебя жизнь». Я говорю: «Да что вы, Мария Ефимовна, какая ж она трудная? Огород есть. Река рядом. Карасей могу наловить». – «Молодец! Так и надо!».

Моя сестра техничкой работала в школе. Помогал ей прибираться в классах. Помню большой шкаф, в нем стояли книги Толстого, Лермонтова, Вересаева. А сказка Пушкина «Руслан и Людмила» была издана необыкновенно хорошо. Какие в той книжке картинки! Конечно, я ее прочел.

– И кто стали Вашими любимыми писателями?

– Толстым заинтересовался, потому что он на французском писал. Внизу страницы перевод дается. Раньше любил языки изучать. Лев Николаевич Толстой мне больше понравился, чем Алексей Константинович. Я четырех Толстых знаю. Шолохова рано начал читать. Но меня сразу отвратило то, что «Тихий Дон» украден. Разве может парень в 18–19 лет написать такую вещь? Не по зубам. Шолохов талантливый, чуткий человек. «Судьба человека», бесспорно, им написана, он тогда уже был старым, перенюхал жизнь. «Угрюм-река» великолепный роман Шишкова. Много у нас талантищей!

Когда в УрГУ поступал, там студенты начитанные, а мой багаж был – Библия да Толстой.

– Но зато у Вас в юности уже скопился жизненный опыт.

– В Екатеринбурге возле красивого здания, в котором в советское время то ли горисполком, то ли облисполком располагался, установили гранитные шары. Когда был каменотесом, я их обшаривал. Работа тяжелая, но она хороша тем, что летом в карьере на свежем воздухе трудишься. Вот как-то иду я с одним критиком, а он злой мужик, у него кулачишки чешутся. Говорю ему: «Коля, не сильно шуми, а то нечаянно кто наступит. И останется от тебя один каблук. Коля, вот ты хорошо с трибуны выступишь, шумишь. А что ты сделал в жизни порядочного? (Это я так заезжаю, а он без обид, знает, что я могу покруче сказать.) А вот смотри, Коля, я памятник себе воздвиг рукотворный». – Показываю на один шар. «Это что?» – «Не видишь, что ли? (Он в очках, видит еще хуже меня). Вот теперь пойдем дальше. Я тебя просвещать буду. (Метров 15 прошли от одних перил до других.) Вот смотри, я второй памятник себе воздвиг. Но опять же рукотворный!» Он задумался. А я: «Ты забываешь, Коля, что это делается руками»...

– Забавная история. Зот Корнилович, у Вас много друзей?

– Много. Николай Сличенко. Он уже тогда в Москве популярным стал, голос у него приличный. Дружил с Борисом Красиковым, Ириной Аркадьевой, Георгием Дьяконовым-Дьяченковым, это были блистательные тюменские актеры. Я писал пьесы, а они играли. Из писателей – Виктор Астафьев, Сергей Шумский. Иван Нестеров, геолог, академик, лауреат всяких премий не считает себя писателем, а пишет хорошо. Журналист Юрий Бакулин, мы с ним вместе в университете учились. Был у меня друг давний, Остап Шруб, он хороший художник. Мы с ним любили по грибы ходить. Всех называть?

– Что цените в людях?

– Доброту.

– А что не приемлете?

– Нелюдей не терплю! Меня Бог миловал от них. Если возникает зло, я борюсь. В юные годы даже был чемпионом по боксу, но не в этом дело. Я – старовер, драка для меня большой грех. Но со злом не мирюсь. Выпинаваю его.

– Вот, говорят, жить стало труднее...

– Не надо жаловаться на жизнь! Если ты жалуешься, значит, лентяй или бездарь. Занимайся своим делом!

– Что греет душу?

– Березовый сок! Знаешь, какая чистая весна... Поставил рожок, а под него ведерко. А потом подснежники пошли. Лес, поле, как не любить? Детей очень люблю. У меня трое детей: Валя, Арсений, дочку Нелли в честь жены назвал. Внук Зот и внучка Сашенька. Жена на телевидении работала, и дети наши связали судьбу с журналистикой.

– Вы выбрали постоянным местом жительства Тюмень. Почему?

– Так меня же в «Тюменскую правду» пригласили. Это были 60-е годы. Интересные журналисты там работали. Мне позволяли все печатать, даже фельетоны. Очерк – мой любимый жанр. Если с умом, с проникновенностью писать, любой жанр сложный. Я старался не быть однообразным. Тем множество, все интересно познать.

Благодаря работе в газете и на телевидении новые места посмотрел, хороших людей встретил. С Василием Подшибякиным познакомился на вокзале. Он подошел: «Как насчет того, чтобы со мной пообщаться?». Он был геологом, в Нижневартовске, Уренгое работал. Знаменитая личность. Или наш легендарный Фарман Салманов, общался с ним, дома у него бывал. С такими людьми поговорить, даже помолчать было интересно. Капитальные личности! На Севере в любой дом заходи, как к себе домой. Открытые были люди.

С Тюменью у меня много связано. Живу уже в ней давно. Какая она? Город-труженик. Отсюда вышло много талантливейших геологов, строителей, нефтяников, творческих людей. Это и город-воин. Сделано немало для фронта, для Победы.

Не все мы о Тюмени знаем. Огромной она стала. Но мне-то надо видеть не объекты в городе, а людей. И хочу я пожелать тюменцам: Дай бог вам здоровья!

– Зот Корнилович, огромное спасибо за интервью! Ждем Ваших новых книг!

Рекомендуемая литература

составитель Елена Суцая

Произведения З. Тоболкина

Отдельные издания

1. Избранное : в 2 т. / Зот Тоболкин. – Тюмень : Тюменский издательский дом, 2008.
2. У Бога за пазухой. Третья падь. Голгофа : роман, повести / Зот Тоболкин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. – 496 с. – (Библиотека прозы Каменного пояса).
3. Эхо : поэт. этюды (1959–1999) / Зот Тоболкин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. – 160 с.
4. У Бога за пазухой : роман / Зот Тоболкин. – Тюмень : СофтДизайн, 1995. – 224 с.
5. В морозный день : повести, сказки / Зот Тоболкин ; ред. сер. К. Я. Лагунов. – М. : [б. и.], 1994. – 448 с. – (К 50-летию Тюменской области). – Из содерж.: Жил-был Кузьма / З. Тоболкин. – С. 45–79.
6. Зодчий : роман / Зот Тоболкин. – Тюмень : Русь, 1994. – 165 с.
7. Отласы : роман / Зот Тоболкин; худож. Е. Капустин. – М.: Сов. писатель, 1991. – 360, [2] с. : ил.
8. Припади к земле / Зот Тоболкин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. – 416 с. – Содерж.: Припади к земле; Жил-был Кузьма.
9. Отласы : роман / Зот Тоболкин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1985. – 384 с.
10. Жил-был Кузьма : повести / Зот Тоболкин. – Минск : Юнатцтва, 1984. – 254 с. : ил. – Содерж.: Жил-был Кузьма; Подсолнух.
11. Поликарп первый : пьеса / Зот Тоболкин. – М. : ВААП, 1984. – 99 с.
12. Грустный шут : роман / Зот Тоболкин. – М. : Современник, 1983. – 320 с.
13. Пьесы / Зот Тоболкин. – М.: Искусство, 1983. – 477 с. – Содерж.: Журавли; Верую!; Жил-был Кузьма; Баня по-черному (Сказание об Анне); Подсолнух; Песня Сольвейг; Про Татьяну.
14. Реквием : трагедия в 2-х д. / Зот Тоболкин ; отв. ред. М. Медведева. – М. : ВААП, 1982. – 71 с.
15. Счастливая деревенька (Дело было в 45-м) : драма в 2-х д. с эпилогом / Зот Тоболкин. – М. : ВААП, 1982. – 67 с.
16. Жил-был Кузьма: повести / Зот Тоболкин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. – 336 с. : ил. – (Новинки прозы). – Содерж.: Любава; Летят утки; Жил-был Кузьма.
17. Про Татьяну : драма в 2-х д. / Зот Тоболкин. – М. : ВААП, 1980. – 77 с.
18. Слово о пахаре / Зот Тоболкин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. – 278 с. : ил.
19. Лебяжий : роман, повести / Зот Тоболкин. – М. : Современник, 1979. – 414, [1] с. – (Новинки «Современника»). – Содерж.: Лебяжий; Клад; Сизиф.
20. Песня Сольвейг : драм. поэма в 2-х д. / Зот Тоболкин ; отв. ред. М. Медведева. – М. : ВААП, 1978. – 97 с.
21. Припади к земле : роман / Зот Тоболкин. – Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд-во, 1979. – 283, [1] с.

22. *Баня по-черному* (Сказание об Анне) : трагедия в 2-х ч. / Зот Тоболкин. – М. : Искусство, 1977. – 74 с.
23. *Журавли* : драм. поэма в 2-х ч. / Зот Тоболкин ; отв. ред. Ю. Зубков. – М. : ВААП, 1977. – 63 с. – (Сегодня на сцене).
24. *Летят утки* : драма в 2-х д. / Зот Тоболкин. – М. : ВААП, 1977. – 80 с.
25. *Самый главный народ : пьесы* / Зот Тоболкин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1977. – 200 с. – Содерж.: *Баня по-черному; Верую; Журавли*.
26. *Подсолнух* : сказка без вымысла в 2-х д. / Зот Тоболкин ; отв. ред. Г. Фролов. – М. : ВААП, 1976. – 70 с.
27. *Припади к земле* : роман / Зот Тоболкин. – М. : Современник, 1976. – 287 с. – (Новинки «Современника»).
28. *Верую!* : драма в 3-х д. / Зот Тоболкин. – М. ВАПП, 1975. – 73 с.
29. *Жил-был Кузьма* : драм. быль в 2-х ч. / Зот Тоболкин ; отв. ред. Г. Фролов. – М. : ВААП, 1975. – 75 с.
30. *Лидер* : пьеса в 2-х д. / Зот Тоболкин ; отв. ред. М. Медведева. – М. : ВААП, 1975. – 76 с.
31. *Сказание об Анне (Баня по-черному)* : трагедия в 2-х ч. / Зот Тоболкин. – М. : ВААП, 1975. – 72 с.
32. *Взлетная полоса* : драма в 3-х д. / Зот Тоболкин. – М. : ВААП, 1974. – 70 с.

Публикации в сборниках

33. *Мудрость эпохи* / Зот Тоболкин // Тюменская эпоха России : фотоальбом. – Тюмень : Тюменский дом печати, 2009. – С. 234–239.
34. *Припади к земле : (отрывок из романа)* / Зот Тоболкин // Тюменской строкой : антология. – Тюмень, 2008. – С. 97–100.
35. *Не заслуга, а радость* / Тоболкин З. К. // Фактор личности: 150 портретов, судеб, биографий: к юбилею Тюменской области. – Тюмень : Элита, 2004. – С. 324–325.
36. *Баня по-черному* : Сказание об Анне : сцены из драмы / Зот Тоболкин // Литература Тюменского края : хрестоматия. 8-9 классы / сост. Г. И. Данилина, Н. А. Рогачева, Е. Н. Эртнер. – Тюмень : СофтДизайн, 1996. – С. 191–206.
37. *Лебяжий : (отрывки из романа)* / Зот Тоболкин // Литература Тюменского края : хрестоматия. 10–11 классы / сост. Г. И. Данилина, Н. А. Рогачева, Е. Н. Эртнер. – Тюмень : СофтДизайн, 1996. – С. 205–212.
38. *Чернышов, А. В. Разнолетье*: рассказы, новеллы, были, былички, зарисовки, юморески / Артур Чернышов; предисл. З. К. Тоболкина. – М.: Столица; Тюмень: РУТРА, 1993. – 134 с. – (Сокровенная Россия).
39. [Стихи] / Зот Тоболкин // Поэзия. – М., 1983. – Вып. 37. – С. 36–37. – Содерж.: *Дорога; «Человек в этот мир...»; «У которого дня я просил тишины?...»; «Оглянулся, мелькнуло...».*
40. *Колодец* / Зот Тоболкин // Современный уральский рассказ / ред. М. П. Немченко. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. – С. 310.
41. *Время сильных* : повесть / Зот Тоболкин // Сибирское притяжение. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. – С. 145–253.

Публикации в периодической печати. Интервью

42. Зот Тоболкин: «Писательский путь надо проходить настырно» / З. К. Тоболкин ; беседовала Е. Дубовская // Тюменская правда. – 2010. – 15 мая. – С. 14–15. : фот.
43. А рядом ты – и все легки мне грузы : стихи / Зот Тоболкин // Тюменская правда. – 2007. – 17 февр. – С. 15.
44. Наш современник Зот Тоболкин : [рассказы] / Зот Тоболкин // Тюменская правда. – 2006. – 20 мая. – С. 15. – Содерж.: Тараканище; Диалог; Вожак; Дорога.
45. Братья: рассказ / Зот Тоболкин // Тюменская правда. – 2006. – 2 сент. – С. 15.
46. Осколки: рассказ / Зот Тоболкин // Тюменская правда. – 2005. – 12 февр. – С. 7.
47. Уobelиска. Тринадцатый заезд : рассказы / Зот Тоболкин // Врата Сибири. – 2005. – № 2(16). – С. 3–18, 271.
48. После победы – битва за хлеб / Зот Тоболкин // Элита-Region. – 2005. – № 2. – С. 88–91.
49. Музыка : рассказ / Зот Тоболкин // Тюменская правда. – 2005. – 30 июля. – С. 7.
50. Дог. Секретарша. Благодарность. Дача. Ангелы. Индюк : рассказы / Зот Тоболкин // Тюменская правда. – 2005. – 27 авг. – С. 7.
51. Зот Тоболкин: «Я не хотел жениться на Москве» / Зот Тоболкин ; беседовал В. Строгальщиков // Элита Region. – 2002. – № 4. – С. 103–106. : цв.ил.
52. Третья падь : повесть / Зот Тоболкин // Сибирское богатство. – 1999. – № 1. – С. 112–141; 2000. – № 1. – С. 54–79.
53. Вехи (О граде Тобольске) / Зот Тоболкин // Современная драматургия. – 1988. – № 4. – С. 35–65.
54. Зодчий : драма в 2-х д. / Зот Тоболкин // Современная драматургия. – 1988. – № 4. – С. 35–65.
55. Память / Зот Тоболкин // Театр. – 1985. – № 8. – С. 44–46.
56. Похоронок не было : драма в 2-х д. / Зот Тоболкин ; предисл. В. Клепикова // Современная драматургия. – 1985. – № 1. – С. 88–117.
57. Месяц комара : повесть / Зот Тоболкин // Урал. – 1984. – № 11. – С. 3–67.
58. Реквием : трагедия в 2-х д. с прологом и эпилогом / Зот Тоболкин ; предисл. М. Ефимова // Современная драматургия. – 1983. – № 2. – С. 3–29.
59. Про Татьяну : драма в 2-х д. / Зот Тоболкин // Театр. – 1981. – № 10. – С. 142–165.
60. Дыхание земли : очерк / Зот Тоболкин // Москва. – 1981. – № 9. – С. 164–172.
61. Примерять себя ко времени / Зот Тоболкин // Театр. – 1976. – № 11. – С. 20–24.
62. Старое – старится : рассказ / Зот Тоболкин // Урал. – 1976. – № 7. – С. 71–75.
63. Жил-был Кузьма : повесть / Зот Тоболкин // Урал. – 1975. – № 11. – С. 62–88.
64. Баня по-черному : трагедия / Зот Тоболкин // Театр. – 1975. – № 8. – С. 144–167.
65. Голос большого брата / Зот Тоболкин // Наш современник. – 1972. – № 7. – С. 93–95.

Книги, статьи о творчестве

66. Ломакин, С. Голгофа Зота Тоболкина // Многоцветье жизни / Станислав Ломакин. – Тюмень : Печатник, 2009. – С. 157–161.
67. Комаров, С. А. Тоболкин Зот Корнилович / С. А. Комаров // Большая Тюменская энциклопедия. – Тюмень, 2004. – Т. 3. Р–Я. – С. 205–206.
68. Чернышов, А. В. Тюменскому региональному отделению Союза писателей России – 40 лет (1963–2003) / А. В. Чернышов. – Тюмень : Вектор Бук, 2003. – 120 с. Информацию о З. К. Тоболкине – см. по указателю имен.
69. Ломакин, С. Зодчий Сибири // Избранное : в 2-т. / Станислав Ломакин. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2002. – Т. 1. – С. 78–82.
70. Фролов, Н. Вместо предисловия / Н. Фролов, И. Карабулатова // Эхо : поэт. этюды / Зот Тоболкин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. – С. 3–5.
71. Зот Корнилович Тоболкин // Календарь знаменательных и памятных дат Тюменской области на 1995 год : ист.-информ. справки и рек. списки лит. / Тюм. обл. науч. б-ка ; сост. Е.А. Суцая. – Тюмень : [б. и.], 1994. – С. 11–12.
72. Зот Тоболкин // Тюменской областной писательской организации – 30 лет : сер. Буклетов / сост. А. В. Чернышов. – Тюмень, 1993.
73. Кузин, Н. На своей земле: послесловие / Н. Кузин // Припади к земле / Зот Тоболкин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. – С. 409–414.
74. Тоболкин Зот Корнилович // Писатели Тюменской области : библиогр. указ. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1988. – С. 89–93.
75. Войткевич, Н. Зот Тоболкин и его пьесы / Н. Войткевич // Пьесы / Зот Тоболкин – М. : Искусство, 1983. – С. 452–476.
76. Кузин, Н. Г. Вчера и сегодня // Диалоги со временем: лит.-критич. ст. и очерки / Н. Г. Кузин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1983. – С. 79–94.
- ***
77. Шименова, Е. Двойной праздник писателя Тоболкина // Тюменские известия. – 2010. – 21 янв.
78. Конкина, Ю. Мир, созданный Зотом Тоболкиным / Юлия Конкина // Тюменская правда. – 2010. – 20 янв.
79. Чечета, О. Два тома тюменской классики / Оксана Чечета // Тюменский курьер. – 2009. – 19 янв.
80. Жарко, О. Награды за труд литературный / Оксана Жарко // Тюменская область сегодня. – 2008. – 21 нояб. – С. 10.
81. Гончарова, Н. Их имена запомнятся надолго / Нина Гончарова // Тюменская область сегодня. – 2007. – 14 марта. – С. 6.
- О писателях Тюменской области: К. Я. Лагунове, Е. Ананьеве, Ю. Надточем, Г. Сазонове, Л. Лапцве, Н. Денисове, З. Тоболкине, А. Неркаги и др.
82. Бакулин, Ю. Время собирать камни / Юрий Бакулин // Сибирское богатство. – 2002. – № 2. – С. 37–41.
83. Захарченко, В. Плач по утраченному герою / В. Захарченко // Сибирское богатство. – 1999. – № 1. – С. 157–162.
84. Ефимов, М. Сила характера // Современная драматургия. – 1983. – № 2. – С. 2.

Литература

**Людмила
Важенина**

Три рассказа про поездку в Тюмень

Путешествие Василисы

Василиса сидела на широком возу, отвернувшись от ветра. В большом и тяжелом тулупе она чувствовала себя спеленутой, но зато было тепло и даже, как-то комфортно. Она глядела на заиндевавшую морду лошади, тащившую позади их саней большой, перевитый веревками воз. Василиса первый раз ехала с мужем так далеко, аж в далекую Тюмень. Никифор, муж Василисы, почти год собирался в это путешествие, копил хорошо сбитую овечью шерсть, вел долгие переговоры с купцами. Два раза съездил с женой на волостную ярмарку, где купил несколько отрезков добротной красивой ткани, чтобы Василиса, которая слыла хорошей портнихой, смогла сшить одежду, как у инженера из Заводоуковска, чтобы не опозориться в городе.

Василиса, еще не будучи замужем, неоднократно видела Колмакова, знаменитого местного купца, владеющего не только лавками с множеством товаров, но и мельницей, и кирпичным заводом. Чета Колмаковых являлась законодателями мод для всей округи. Их наряды, как и дом, были предметом особого образа жизни, недоступной для работных людей и крестьян. Василиса своим метким взглядом запоминала все особенности их одежды, но прижимистый отец не давал дочери возможности купить хорошего сатина и батиста для выходного нарядного платья.

Только на свадьбу матери удалось уговорить отца купить для дочери нужную материю. За три дня Василиса смастерила себе такое платье, что на венчании в церкви все женщины села пытались пощупать материал и в один голос заявили, что это платье не для деревни, и носят такие только барышни из города.

Через пять лет замужества Василиса вновь сшила для себя шикарный наряд – темно-синюю в глубокую складку юбку и голубую в белый горох блузку с длинными манжетами, которую украшали более десятка блестя-

щих белых пуговиц. Мужу тоже была сшита рубашка из такого же материала, что и блузка, и ее также украшали пуговицы.

Из-за пуговиц с Никифором был целый конфуз. Он никак не мог понять для чего жене нужно столько дорогих пуговиц. Они были куплены только тогда, когда уставшая убеждать мужа Василиса ушла из лавки и, усевшись в возок, заплакала от бессилья.

Вышедший из магазина Никифор увидел слезы жены и, резко развернувшись, ушел обратно. Вскоре он вышел и протянул Василисе узелок с пуговицами.

Сейчас они ехали в город, а сшитые по такому случаю наряды лежали в длинном, бережно скрученном мешке у самого передка саней. Там же лежала провизия для длительного путешествия и подарки тетке Никифора, жившей в Тюмени. А на самом дне под сеном был спрятан заветный узелок с деньгами.

Кони еще без усталости тащили, в общем-то, нетяжелые возки по убродистой снежной дороге. И только вежи по обочинам и почти невидимые следы, проехавших недавно саней, говорили, что они едут по тракту.

Лес закончился, и ветер кружил по степи снежную пыль, сноровисто заметая дорогу. Никифор то и дело покрикивал на коней. То ли пытался погонять их, но ведь лошади и так старались, об этом говорил их переходящий на рысь шаг. То ли подбадривал себя в этом белом безмолвии. Хотя безмолвием назвать степь было нельзя. Ветер свистел, снег под полозьями скрипел, фыркали кони. До первого постоянного двора, где они могли бы заночевать, оставалось еще пару часов езды.

Василиса пыталась расспросить мужа о том, как вести себя на ночлеге, но Никифор, занятый своими мыслями, продолжал покрикивать на лошадей, и как-то невпопад отвечал на расспросы.

Никифор давно вынашивал идею съездить в Тюмень. Он считался хорошим мастером, сбитая им овечья шерсть всегда была мягкой и пушистой, а руно – ровным и цельным. За это его ценили местные пимокаты, заезжие скупщики и, естественно, женщины в округе, которым приходилось вязать носки и варежки для многочисленных членов семьи. Для Никодима, отца Никифора, занятие шерстобитием было чем-то вроде забавы, а звание шерстобит, вроде прозвища. Он признавал заслуги сына, но считал, что мужчина должен заниматься более серьезным делом – пашней и скотом. То, что сын не расширял свой маленький земельный надел, раздражало его. Никодим не понимал, чего хочет сын, и считал, что 25

лет армии испортили сына, а эти привезенные им из России цепи и приспособления превратили его в лежебоку. Они могли бы стать дополнительным доходом к основному занятию – хлебопашеству, а не наоборот.

Для чего сыну нужны книги, привозимые из волости, он тоже понять не мог. Ведь сам Никифор по вечерам их читает, да еще и свою жену Василису к ним пристрастил. Обучают они грамоте не только своего первенца, но и дочь Оринку. На этой почве нередко вспыхивали споры, порой переходящие в перебранку. Особенно часто ругань была прошедшей зимой, что заставило Никифора напрячь все силы и поставить на берегу заросшего тиной озера, что в конце соседней улицы с красивым названием Журавлевка, небольшой пятистенный домик. Но это не заставило его расстаться с мечтой: жить в городе.

Приезжавшие в середине зимы скупщики из Тюмени давно звали его переехать в город поближе к мастерским. Там, на задах у Гороховской мельницы, в местной пимокатне трудился добрый десяток пимокатов. Их валенки да чесанки с большой охотой раскупались в городе и даже на знаменитые Ирбитскую и Никольскую ярмарки практически не попадали. Те небольшие партии, которые привозили на ярмарки, распродавались в первый же день. Поэтому такого класса шерстобит, да еще с инструментом, какого не имелось в мастерских, был бы желанным работником.

Но Никифор думал по-другому. Он уже много лет, с тех пор, как пришел из армии, мечтал работать на железной дороге. Возвращаясь домой через Казань, Никифор навестил своего сослуживца Афанасия. Тот лет пять назад на переправе попал под пушку, где его порядком поломало, оторвало по два пальца на обеих руках,. За это он был признан нестроевым и отправлен домой. Никифор приготовился к встрече с болезненным, и очень удивился и обрадовался, встретив коренастого, краснощекого мужчину в расцвете сил. Афанасий не утратил военной выправки, был жизнерадостным и полным радужных планов. Он был доволен жизнью, с удовольствием рассказывал о своей нынешней профессии. Даже сводил его показать паровоз, где он работал помощником машиниста. С той поры и засела занозой у Никифора мечта работать, как Афанасий, на паровозе. И сейчас он ехал с тайной надеждой на то, что теперь в Тюмени есть паровозное депо, где он может устроиться, пусть не помощником, пусть кочегаром, но обязательно на паровозе. А своим мастерством, решил Никифор, он может заниматься и в свободное время между сменами, ведь строит же Афанасий дом в те дни, когда выпадает отдых. Где будет жить семья, когда переедут в город, как на первых порах сложатся

его отношения с новыми товарищами по работе, ведь он многого не знает? Да и как воспримет перемены Василиса? Выросшая в деревне, она не представляет жизни без своего подворья, разговаривает со скотиной, как с людьми, понимает их и лечит животных, не только дома, но и во всей деревне.

Так неспешно текли мысли Никифора, занимая его сознание тревогой перед возможными переменами. Зашевелившаяся в тяжелом тулупе Василиса, прервала их ход.

– Замерзла? – обратился он к ней.

– Да, нет. Плечи затекли, – отвечала она, стараясь повернуться к мужу, поднятый воротник тулупа не давал ей возможности увидеть его.

– Потерпи. Скоро Тобол будет, а там до постоянного двора рукой подать. До сумерек успеем.

– Никиша, – обратилась она к мужу с давно мучившим ее вопросом, – а на постоянном дворе много жуликов? Как мне себя вести? Оборонку что ли какую-нибудь бы мне дал.

Разговор жены привел мысли Никифора в обычное русло, он повеселел и велел ей не волноваться. Утверждал, что лихих людей не так уж много встречается, как это рассказывают бабки. До самого спуска на мост он улыбался и поглядывал на жену, стараясь угадать, о чем она сейчас думает.

Спуск на мост был тяжелым. Сумерки скрывали вехи, и приходилось внимательно вглядываться в дорогу, чтобы не опрокинуть возы на крутом склоне. Уставшие лошади храпели и норовили рвануть вскачь. Василиса, сидевшая рядом с возницей, была напугана криками Никифора на лошадей и крутым спуском. Даже оказавшись на узком мосту, она не успокоилась. Предстоящая дорога и город казались ей страшными.

Постоялый двор встретил их запахом печного дыма, ржанием чужих лошадей и громким мужским говором. Никифор остановил свой маленький обоз посреди широкого двора. Не успел он помочь жене снять тяжелый тулуп, как к ним поспешил тщедушный мужичонка в рваной шубешке. Он визгливо поприветствовал их и попросил сударыню в дом. Но она, прижимая к себе кузовки, которые подал ей муж, оставалась стоять около возка.

Мужичешка взял под уздцы лошадь и повел обоз под навес. Василиса боязливо пошла в дом. Войдя в просторные полутемные сени, она перекрестилась и только потом взялась за скобу избной двери. Перешагнув

через широкий порог, остановилась. Три десятилинейные лампы, подвешенные на крюки, ярко освещали просторное помещение. В дальнем углу за столом трапезничали трое мужиков, которые разом обернулись на скрип открываемых дверей.

– Здравствуйте, – чуть поклонилась мужикам Василиса, не зная, что делать дальше.

Но тут из-за печи вышла невысокая ладно одетая женщина и степенно пригласила:

– Проходи, молодка, не стесняйся. Присаживайся вон на лавку, подожди покуда муженек придет. А, может, горяченького чайку с мороза?

Василиса скромно отказалась от чая, но прошла к указанной лавке и под изучающие взгляды мужиков уселась в уголке. Она уже успела оглядеть нехитрое убранство помещения, оценить красивую изразцовую печь, стоявшую посреди избы, переброситься парой слов с хозяйкой, а Никифора все не было.

Когда он, наконец, появился, Василиса облегченно вздохнула и позволила себе снять с головы полушалак из козьей шерсти и расстегнуть шубейку.

Хозяйка принесла им желтый пузатый самовар с красивым заварником в трубе. Они с Никифором покушали из принесенных запасов, расплатились за вкусный чай и отправились в отведенную для них комнату.

Укладывая шубу на соломенный тюфяк широкой деревянной кровати, Василиса все боялась, как бы эти любезные люди не оказались разбойниками. Никифор откровенно смеялся над ее страхами, утверждая, что он сам видел, как точили ножи разбойники. Она сердилась и еще глубже прятала в рукав постеленной на постели шубы узелок с деньгами.

Следующее утро они вновь встретили на санях. Снег яростно скрипел под полозьями, и кони сами старались держаться проторенной почтовой тройкой дороги. Пронзительный ветер заставлял Никифора отворачивать лицо в сторону, мороз все равно щипал щеки и постепенно проникал под тулуп. До следующего постоянного двора, где можно было отогреться, предстояло проехать тридцать верст. При хорошем раскладе, по такой заснеженной дороге это четыре часа пути, а то и больше.

Почти два часа лошади пробивались к деревне Сосниной, до которой было от силы верст пятнадцать.

Замерзший Никифор решил остановиться в местном трактире, дать коням отдых и отогреться самим. Задымленный, низкий трактир не понравился Василисе. Да и чай был не свежий, видимо еще вчера заваренный. Но, тем не менее, они отогрелись, сытые и фунтом фабричных пряников, отправились дальше.

Никифор торопился, при такой убродистой дороге и буране путешествию грозило затянуться. Но через час повозки въехали в лес, ветер стих, вроде даже и мороз пошел на убыль. Уже по глубоким сумеркам обоз подъехал к постоялому двору. Почти половина пути была преодолена.

Через два дня, также к вечеру, Никифор с Василисой въезжали в Тюмень.

Тюмень встретила их запахом печного дыма с примесью чего-то незнакомого и низкими маленькими домишками, широкой дорогой, густо усыпанной конским навозом. Василиса очень удивилась, увидев весь обледеневший уличный колодец.

– Никифор, смотри срам-то какой, колодец весь льдом зарос, а отдолбить его никто не догадается!

Встретившийся на улице паренек подсказал, как добраться до Бухарской Слободы, где жила тетка Никифора. Город показался путешественникам большим, даже огромным. Длинные улицы были заполнены возами и возками, экипажами, запряженными тройками и даже встречались лихие извозчики, которые горланили зазевавшимся возницам и пешеходам: «Берегись!»

Постепенно городские окраины, густо усеянные маленькими, покосившимися домами, сменились добротными, порой каменными постройками. Около домов появились уличные газовые фонари, зачастую освещающие витринные окна с разложенными в них товарами. Движение на дороге было довольно оживленное. То и дело проезжали встречные повозки, с громким криком «берегись», их часто обгоняли нетерпеливые извозчики, поторапливаемые клиентами. Василису временами охватывал самый настоящий страх, что какой-нибудь лихой экипаж сомнет их возок, но, несмотря на это, она замечала красоты города. Особенно ее поразил большой, приземисто-широкий двухэтажный магазин из яркого красного кирпича, с множеством огромных, с широкими полусводами вверх окон. Привлекло ее внимание и стоящее где-то в глубине улицы высокое белокаменное здание с шикарным, почти во всю ширину здания крыльцом, освещенным четырьмя газовыми фонарями. Высоко

над крыльцом здания отбивали время огромные часы. Спустясь с крутой горки рядом с этим зданием, Никифор повернул на широкий деревянный мост. Такого широкого моста она и представить не могла. По мосту в ту и другую сторону двигались возки и возы, а по обеим сторонам было место еще и для пешеходов.

После долгих поисков, наконец, нашли дом тети Даши. Он стоял недалеко от моста на высоком фундаменте и смотрел четырьмя окнами на реку. Сейчас окна были закрыты ставнями, но опрятные ворота и тщательно убранный около двора снег, говорили, что здесь живут рачительные хозяева.

Гостям не пришлось долго стучать в ворота. Муж тети Даши, известный в городе столяр Трофим, только что возвратился с работы и еще не успел зайти в дом, отворил им ворота и начал помогать распрягать уставших коней.

Василису поразила внешность тети Даши. Хорошо скроенная женская фигурка и густая рыжая растительность на лице, как-то не вязались с представлениями о женственности. Тетка оказалась словоохотливой, приветливо приглашала родственников в дом, расспрашивала о родичах в деревне. Когда, наконец, все дела во дворе были сделаны, деревенские подарки занесены в дом, гости, хозяева уселись за широким столом ужинать. Ужин с разговорами затянулся за полночь.

Рано утром, часа за полтора до заводского гудка, извещающего о начале рабочего дня, тетя Даша приготовила для всех завтрак, успев ради гостей не только сварить кашу, но и выпечь вкусных оладушек. После завтрака Трофим помог снова запрячь Каурого, и Никифор направил коня к пимокатным мастерским, которые были далеко от Заречной Бухарской слободы, где жила тетка. Пришлось немного поплутать, но к началу рабочего дня он как раз успел.

Хозяин пимокатни, узнав, кто приехал, сам вышел к поставщику качественного сырья. Началась долгая приемка товара. Каждый тюк распаковывался, мастером и хозяином осматривалась и перещупывалась вся шерсть. Но изъяна приемщики найти не могли, в знак уважения с Никифором рассчитались сразу за весь привезенный товар. Он даже не ожидал, что ему дадут такую высокую цену за пуд сбитой шерсти. Хозяин пимокатни обещал, что и дальше будет также платить. Даже приглашал остаться работать, обещая дать ссуду на покупку дома. Никифор попросил время подумать до завтрашнего дня.

Когда, наконец, он освободился от груза, то поспешил в сторону железнодорожного вокзала, чтобы, если повезет, устроиться на работу помощником машиниста или кочегаром. Среди всевозможных построек, недалеко от депо стояло двухэтажное здание конторы. Войдя в него, Никифор перед зеркалом поправил новый костюм и остался доволен своим видом. Рубашка выгодно освежала его и делала костюм праздничным.

Начальник, ведавший набором кадров, был одного с Никифором возраста, и не заставил долго ждать у кабинета. В кабинете, как равному, ему предложили присесть на стоящий рядом со столом стул. Обстоятельно поговорив, начальник вынужден был огорчить Никифора отказом. Три класса в церковно-приходской школе и прожитые 46 лет не устраивали начальника. В машинистах и помощниках у них были люди с гимназическим образованием, а кочегаров было с избытком. Горькую пилюлю отказа начальник подсластил, посоветовав прийти на следующий год, когда на станцию прибудут еще два паровоза, тогда будет нужда в кочегарах.

Огорченный неудачей, голодный и уставший Никифор поехал к тетке. Часы на городской Думе показывали без четверти четыре. Он все-таки хотел купить для жены швейную машинку. Непременно такую, какие неоднократно видел в офицерских домах, где, по приказу командиров, ему, как и другим, приходилось помогать по хозяйству. Наскоро перекусив, он велел Василисе одеваться для поездки в магазин.

Василиса также переделась в привезенные наряды, и они снова поехали в город. Около Гостиного Двора, оставив лошадь у коновязи, вошли с парадного крыльца в магазин. Магазин встретил их обилием незнакомых и резких запахов, шумом и многолюдьем. Войдя, Василиса остановилась в растерянности, но муж легонько подтолкнул ее в спину к первому от входа прилавку. Но там ничего для нее интересного не было. Конская упряжь оставила ее равнодушной. Только на втором этаже супруги увидели настоящую Зингеровскую швейную машинку. Расторопный продавец выставил ее на широкий прилавок. Откуда-то достал цветастую тряпку и начал, меняя шаг иглы, показывать, как она строчит. Затем вытащил из-под прилавка пяльцы, поменял лапки и начал делать ровные стяжки на нарисованном узоре.

Никифор с не меньшим интересом, чем Василиса следил за действиями продавца. Но когда Василиса узнала цену товара, то чуть было не отказалась от покупки. Машинка стоила двадцать целковых. Это по деревенским меркам целое состояние, даже корову можно купить дешевле. Но Никифор вытащил из потайного кармана деньги и велел продавцу завернуть товар.

Шустрый продавец в считанные минуты упаковал машинку в большой фанерный ящик, а в другой положил все прилагающееся к ней. Вдобавок он положил туда целую упаковку разных ниток, настоящий резиновый портновский метр, с нарисованными делениями и несколько заостренных мелков. Когда продавец помог вынести все это добро из магазина, Никифор усадил Василису в сани и велел караулить товар. А сам снова вернулся в магазин. Вскоре он вышел в сопровождении одного из приказчиков магазина, который нес большую голову белого сахара. Рядом с ним шагал Никифор, нагруженный большими и маленькими кульками. На груди у него висели две огромные связки сушек.

Наутро, прикупив на сенном базаре мешок овса и сена для лошадей, супруги двинулись в обратный путь. По пути Никифор заехал на пимокатню и договорился с хозяином, что будет сдавать свой товар сам, привозя его после Рождества. Василиса, сидя в санях, не могла дожидаться пока муж выйдет из мастерских. Ей хотелось, как можно быстрее, уехать из этого города, увидеть детей и зажечь обычной для нее жизнью. Поездка в город была для нее чем-то вроде длинного веселого праздника, после которого хочется отдохнуть.

Поездка Ефросинии

Летнее солнце садилось в красное марево, делая небо нереально розовым. Семья председателя коммуны «Маркс», или, как ее попросту называли сельчане, «Марс», садилась ужинать. Хозяин неизвестно когда еще вернется с полей, а девочек нужно уложить спать.

Ефросиния ставила на большой стол нехитрую снедь, и наказывала дочерям 7, 10 и 12 лет, что нужно сделать по хозяйству завтра. Девочки были уже почти взрослые, им можно было доверять работы по дому и огороду.

Накормив детей, Ефросиния отправила их спать, а сама занялась приготовлением теста для завтрашней стряпни. Она раз в неделю пекла большие пышные калачи и, если не было большой работы по дому, радовала их пирогами.

Михаил приехал домой, когда уже стемнело. Выпряг большого черного жеребца из дрожек и оставил у охапки свежее накошенной травы. Он знал, что скоро конюх погонит на ночной выпас лошадей и заберет от ворот его лошадь.

Деревня еще не спала. Слышался смех молодежи, голоса разговаривающих между собой мужиков. Живущий напротив Терентий лениво переругивался с женой, которая заставляла его поправлять сваленный чьим-то быком забор. Михаил не позавидовал куму, зная, что если Авдотья что-то задумала, то обязательно сделает.

Войдя домой, он сполоснул руки под умывальником и спросил у жены:

– Где девчонки? Они ели?

– Уже накормила. В горнице спят.

Ефросиния иногда сердилась на мужа, услышав этот всегдашний вопрос о детях. Но она понимала, что муж, пережил голодные годы намного труднее, чем они и хотел, чтобы его дочери были всегда сытыми.

Когда на стол были поставлены щи и налито в большую кружку молоко, в окно застучали.

– Михайло Никифорович, – послышался голос Фени, сторожихи из сельсовета, – тебя в совет вызывают, там тройка приехала.

– Сейчас буду, – ответил Михаил, торопливо хлебая суп.

Он давно привык к поздним визитам начальства, но чтобы вызывали его на заседания тройки, это было впервые. Не то удивление, не то глубоко спрятанная тревога вдруг шевельнулась в его груди. Ефросиния принесла из горницы выходные брюки, рубашку и сапоги.

Когда Михаил вошел в маленький кабинет председателя сельсовета Забоева, то увидел троих незнакомцев: один из них высокий блондин сидел за столом председателя, второй, одних с Михаилом лет, – на скамье у окна вместе с молодой женщиной. Сам Забоев жался на колченогой табуретке к круглой железной печи. Михаил степенно поздоровался, но в ответ ему прозвучали колючие слова:

– Ты Скориков Михаил Никифорович? – спросил блондин.

– Да, я. – ответил Михаил.

– Ты обвиняешься в краже беремя дров у Пospelова Терентия, – продолжил блондин.

– Я, в краже дров, у Терехи? Да ты в своем уме? – воскликнул Михаил, крайне удивленный нелепым обвинением.

– Я-то в своем, а ты вот немного не в себе, значит, твоя совесть нечиста, – сделал выводы блондин.

– На основании чего вы сделали вывод, что я украл у Терентия дрова? Мы с ним уже не один год вместе их заготавливаем. Нет, у меня резона

воровать дрова, своих на два года хватит, – горячился Михаил. – Забоев, скажи ему, что это так, ты же видел мои поленицы дров.

Ему было стыдно присутствующих, что на него возвели такой поклеп. Воровство – самый худший людской порок, еще с детства внушила ему мать. Даже в лихие голодные годы, он не украл ни щепотки зерна, а здесь его, председателя коммуны, обвиняют в воровстве. Оглянувшись на председателя совета, он увидел, что Забоев внимательно разглядывает что-то под ногами, не реагируя на слова односельчанина.

– Вот это заявление Поспелова. У него есть три свидетеля, которые видели, что ты крал дрова. – Потряс какими-то листками блондин.

– Какое заявление? Ведь Тереха неграмотный, – удивился Михаил.

– Вот видишь крестик – это его подпись, а вот подтверждение, что он подписался – роспись секретаря из милиции.

Михаил сник, ведь на самом деле, как и многие неграмотные, Терентий ставил вместо подписи крестик. И еще он знал, что после приезда тройки в село исчезали мужики, одних объявляли врагами народа, других обвиняли в саботаже или еще в чем-нибудь, и за эту пару лет, что ездила к ним тройка ревтрибунала, исчезло из деревни около десятка хороших, грамотных работников. Значит, дошла очередь до него. Что делать, как доказать невинность он не знал, да и ему не дали этого делать, объявив решение ревтрибунала – за кражу дров назначить наказание в виде лишения свободы на 10 лет, с отбыванием в исправительно-трудовом лагере.

Михаила увезли с собой приехавшие вместе с ревтрибуналом милиционеры.

Ефросиния, не дождавшись к полуночи мужа, пошла в совет. Там уже никого не было. Вышедшая на стук Феня, объяснила, что Михаила Никифоровича обвинили в краже беремья дров и дали 10 лет тюрьмы. Фрося, опустившись на заплеванное мужиками крыльцо, зарыдала в голос.

– Куда увезли? – спросила она Феню.

– В губернию, наверное, в Тюмень.

Хотя уже около десятка лет Тобольская губерния была расформирована и большая часть ее вошла в Омскую область, селяне все говорили по старому: Тобольская губерния, Ялутровская волость, а Тюмень считалась у них за столицу. Там проходили большие собрания, на которые приглашали их председателей или о которых рассказывали приезжие из района.

Посидев на крыльце, Фрося решила идти к председателю другой коммуны, другу Михаила – Игнату. Нужно было что-то сделать.

Поднятый с постели Игнат, долго не мог понять, в чем дело, плевался на это выдуманное обвинение. Затем серьезно сказал Ефросинии, что если есть решение тройки, то уже ничего сделать нельзя. Помочь Михаилу можно только тем, что пока его не отправили из Тюмени куда-нибудь дальше, передать теплое белье, фуфайку, валенки и, конечно, сухарей, сахару и сала. Но надо спешить, они быстро отправляют арестантов по тюрьмам.

Быстро одевшись, Игнат вместе с Фросей пошли к Забоеву, выправлять справку о том, что она Скорикова Ефросиния Никифоровна едет в Тюмень по своей надобности. Председательский дом был в самом центре деревни, почти рядом с сельсоветом. Подход к окнам председательского дома загораживал крепкий и высокий палисад. Игнат изо всей силы стучал в крепкие тесовые ворота, пока не послышался сонный голос хозяина:

– Кого там черти носят по ночам?

– Выйди на минутку, разговор есть, – крикнул Игнат.

Вышедший почти в исподнем Забоев, увидев Фросю, застеснялся:

– Ты уже все знаешь, – не то спросил, не то удивился он.

Тогда Игнат начал разговор без предисловий.

– Председатель, пойдем в совет писать справку для Фроси. Завтра ей надо быть в Тюмени, увезти Михаилу одежду, да харчишек. Ждать до утра она не может.

Когда Ефросиния пришла домой, на дворе было уже светло. В доме сиротливо сидела мать Михаила и утирала фартуком слезы.

– Не плачь, мама, слезами горю не поможешь. Лучше помоги мне собраться, еду в Тюмень, увезу ему теплое белье и харчи.

Когда через час Игнат подъехал к дому Скориковых, Ефросиния с большим дорожным мешком, уже ждала его, сидя на лавочке. Рядом с ней – свекровь и золовка.

– Деньги береги, – дала последний наказ свекровь, когда Фрося уселась на телегу. Лошадь резво побежала, понукаемая Игнатом. До станции доехали быстро. На их счастье дежурным по разъезду был родственник Игната, у которого они были намерены просить посадить Фросю на

первый идущий до Тюмени поезд. Упрашивать родственника долго не пришлось, он хорошо знал Михаила и был готов помочь ему.

– Первый поезд будет через пятнадцать минут, – объявил он, – но билетов нет. Попробую договориться с кондуктором. А вы правы, в полночь отправляли каких-то арестантов до Тюмени.

Игнат дождался пока подойдет поезд. Он увидел, как Ефросиния села в вагон, и поехал домой. Ему уже пора было быть на утренней разрядке. Да еще надо успеть заскочить в Михайлов «Маркс», чтобы сказать заместителю, что Михаила не будет. Но он не знал, что сказать людям. Никто не поверил бы этому вздорному обвинению, а ему, если бы он поддержал это мнение, грозило обвинение в подрыве авторитета Советской власти.

Ефросиния тем временем, лежа на второй полке вагона, дремала на заветном мешке. Все что случилось этой ночью, перепутало ее жизнь, отняло силы, и сейчас ее мозг отказывался что-либо понимать, легкая дремота окутала измученное тело. Ефросиния за свою почти тридцатилетнюю жизнь первый раз ехала на поезде. От мягкого покачивания вагона и стука колес клонило в сон.

Сколько она проспала, Ефросиния не знала, только яркое солнышко, высветившее мириады пылинок, подсказывало, что утро в самом разгаре. Поезд, гремя буферами, стал замедлять ход, а за окнами замелькали дома, железнодорожные постройки. Женщина заволновалась: «Уж не Тюмень ли, не проспала ли она всю дорогу? И, как бы успокаивая ее, где-то раздался зычный мужской голос: «Заводоуковск».

– Боже мой, еще только Заводоуковск, – снова заволновалась Фрося, – когда же я приеду в Тюмень? Его ведь куда-нибудь увезут, не успею передать. И весь ночной ужас снова поселился в ней. – Десять лет – это ведь так долго. Она будет уже старухой. Девчонки вырастут, а как их поднимать без хозяина? Что делать с хозяйством, ведь не будешь же просить родственников, каждый год косить и вывозить сено, рубить дрова, да мало ли еще где необходима мужская сила. И что будет с Михаилом, ведь ему уже сорок пять, а через десять лет будет пятьдесят пять, вынесет ли он все тяготы тюрьмы? За что ему Бог послал такое испытание? Он и в молодости натерпелся: был на войне, в плену, затем всю страну прошел пешком. А в гражданскую-то что было – страшно вспомнить. То белые, то красные, и все норовят расстрелять. Ладно, они с отцом грамотные, как-то Бог отвел от смертоубийства, а сколько мужиков ни за что сгнуло. Господи, а сейчас за какие ты его грехи наказываешь?

Так текли мысли Ефросинии, а вместе с ними и слезы, которых она не замечала. Неизвестность пугала ее. Она не представляла себе жизнь без Михаила, который был для нее мужем, советчиком, другом и помощником. Все самое тяжелое он брал на себя, старался оградить жену от житейских тягот. Даже по ночам нянчился с дочерьми, вызывая неудовольствие свекра, в доме которого на первых порах после женитьбы приходилось жить.

До Тюмени оставалось почти десять часов. Господи, молила она, помоги мне застать мужа там и передать ему этот мешок. Женщина, расположившись на соседней полке, видела, переживания Ефросинии, но вступать в разговоры не стала. Просто молча, протянула ей большой полосатый огурец и кусок хлеба. Ефросиния, приученная с детства не брать и не просить у чужих, неожиданно для самой себя взяла предложенное и начала есть. Соседка протянула ей яйцо и спичечный коробок, наполненный солью. Ефросиния благодарно кивнула и с аппетитом съела все предложенное. Только сейчас она поняла, как была голодна, ведь не ела почти сутки. Потом соседка объяснила, что в конце вагона есть титан, где можно попить, а напротив – туалет.

Ефросиния, опасаясь за сохранность мешка, все же слезла с полки и пошла в конец вагона. Туалет поразил ее своей нарядностью. Большое зеркало над раковиной, кафельный пол, но особенно – унитаза, которого она никогда не видела, вдруг изменили ее представление о тюрьме, как о мрачном заведении. Если там, в казенном месте, такое же, то Михаилу эти годы не покажутся тяжелыми.

Вернувшись на свое место, Ефросиния увидела, что соседка отвернулась к стенке и не то спала, не то думала какие-то свои думы. То, что не надо было ни с кем разговаривать, Ефросинию, как никогда, устраивало. Она не знала, можно ли рассказывать о своей беде, не посадят ли ее тоже, ведь в селе бывали случаи, когда арестовывали хозяина и, вслед за ним, увозили домочадцев, объявляя их врагами трудового народа.

За вагонным стеклом мелькали поля, редкие перелески. Лязг буферов и строения вдоль железной дороги, говорили о том, что сейчас будет станция. «Ялуторовск», громко объявил проводник. Вот он какой Ялуторовск, их бывший волостной город. Она много слышала в доме родителей мужа об этом городе. Свекор ездил туда каждую зиму продавать шерсть. Из города он привозил все диковинки, которые были в их семье – китайские болванчики, качающие своими большими головами, красивые стеклянные вазы на высоких ножках и венские стулья с высокими гнутыми спинками.

Ефросиния во все глаза глядела на нарядное бело-голубое здание вокзала, в высоких окнах которого играли солнечные блики. На перроне толпился народ. Женщины в красивых платьях и шляпках на голове вызывали искреннее ее восхищение. Показавшийся в дверях вокзала милиционер, сразу напомнил, о том, почему и зачем она едет в этом поезде. Ефросиния отодвинулась от окна и отвернулась к стенке. Ей показалось, что милиционер внимательно посмотрел на нее и может арестовать, как Михаила. Страх сдавил сердце.

И опять мучительные думы поползли в голове.

Что за жизнь такая, едва вышла замуж, как началась катавасия с белыми и красными. То белые в деревню придут и сразу же Михаила и его отца под ружьем ведут к Понкрату, владельцу местной лавки.

– Кто из вас будет старостой? – спрашивают они.

И только чудо спасло их от этого предложения, ни отец, ни сын не хотели лезть в междоусобные разборки. Отец ссылаясь на слабое здоровье и уже солидный возраст, а сын, на то, что он не оправился после войны. Контузия и ранение дают о себе знать. Все, и красные и белые, знали, что Михаил имел три ордена солдатской славы – Три Георгия, был почти год в плену в Германии, бежал из плена и пешком пришел обратно в Сибирь, домой. Пришел, словно скелет, худой, с ногами, покрытыми струпьями и ранами. Мать полгода выхаживала сына, отпаивала травяными настоями, заставляла сидеть в чану, наполненном листьями березы. Военные ругались, грозились повесить их самих и всю их семью, но отпускали домой. Почти такой же разговор был и с красными. Только вызывали их в сельсовет и требовали сказать, где прчется Понкрат.

Когда в деревне начинали слышаться выстрелы, то Никифор огородами отправлял все свое семейство к тетке Степаниде, чтобы, не дай Бог, не осыпавшие после боя вояки, не наделали глупостей и не тронули жену.

Вроде бы закончилась война, пережили голод и продразверстку, только начали вроде бы по-человечески жить, появилась одежда и еда, на полях трактора и сеялки, а в деревне – радио. Целыми днями оно на столбе играет. И пьесы рассказывает, и про все на свете говорит, что где делается, песни задушевные поет. Девчонки по вечерам эти же песни поют. А сейчас что там дома делается, поди, плачут мои помощницы. Ни папы, ни мамы дома нет, есть, отчего заплакать. И Ефросиния снова почувствовала, как покатались слезы из глаз.

Поезд дал короткий гудок, лязгнул буферами и медленно покатился вперед. Ефросиния немного успокоилась, милиционер остался в Ялуторовске. Солнце начинало палить, нагревая воздух в вагоне и только у раскрытого окна было прохладно. И она порадовалась, что ей досталось такое хорошее место: не душно, прохлада веет из раскрытого окна, никто не подсаживается, как на нижних лавках, не лезет в душу с разговорами, да и лежать-то лучше, чем сидеть в тесноте на жестких лавочках. Так прошло еще пару часов поездки.

Как только она услышала из разговоров, что через две остановки будет Тюмень, сразу начала повязывать платок, ощупывать лямки у мешка и готовиться к поискам мужа. Время тянулось медленно, она боялась, что скоро тюрьму, как лавку у них в деревне, закроют на замок, и никто вечером не передаст мужу этот мешок с вещами.

Когда появились за окном признаки города, Ефросиния проворно слезла со своего места и пошла в тамбур.

– Куда ты спешишь, молодка, до вокзала еще полчаса ехать, – пытался отправить ее на свое место проводник. Но Ефросиния с мешком за плечами осталась стоять в тамбуре.

Выйдя на перроне в Тюмени, она растерялась, не зная куда идти. Перво-наперво, Ефросиния еще дома решила, что найдет свою двоюродную сестру, которая работала на вокзале в кассах, продавала билеты, и узнает у нее, как найти Михаила. Нюра, так звали сестру, была грамотная, закончила семь классов, вышла замуж за паровозника и уехала жить в Тюмень. Где эти кассы, куда идти она не знала. Спросить было не у кого. Все куда-то спешили, почти бегом пересекали перрон. У стоящего посреди перрона милиционера Ефросиния спрашивать боялась. Выручила ее тетка, продававшая из корзины пирожки.

– Ты чего стоишь, вертишься, потерялась? – спросила она Ефросинию.

– Нет, не потерялась, мне надо найти кассы на вокзале, там у меня сестра работает, – пояснила она тетке.

– Да тебе надо войти в эти двери и идти налево, в конце и увидишь кассы. Их там две.

– Спасибо, тетенька, – искренне поблагодарила ее Ефросиния. Она быстро пошла в указанном направлении, пробираясь через толпу. Подойдя к кассам, растерялась. Одно окошечко было закрыто картонкой, а за вторым сидела незнакомая женщина. Ефросиния несмело подошла к ней и спросила:

– А Нюра сегодня работает?

– Нюра, тебя спрашивают, – крикнула куда-то в темноту женщина.

Соседнее окошечко открылось, и оттуда выглянула Нюра.

– Фрося, ты с кем ты приехала, что случилось? – засыпала она вопросами растерянно стоявшую Ефросинию. Фрося не знала можно ли рассказывать сестре при людях или нет, о том, что случилось в деревне. Нюра будто поняла ее состояние и сказала:

– Подожди, я сейчас выйду.

Через пять минут Нюра уже все знала. Она не могла проводить сестру до дому, железнодорожники, как военные не имели права покидать своего места до окончания смены. Рассказав подробно, как найти дом, она посоветовала попросить золовку проводить Фросю до тюрьмы. Оказывается, в городе было две тюрьмы и обе недалеко от Нюриного дома.

Ефросиния, не теряя времени, пошла искать Орловскую улицу, где жила Нюра. На удивление она быстро нашла и улицу, и дом. Нюрина золовка, светловолосая девушка, согласилась проводить Фросю до тюрьмы, но с условием, что подходить близко она не будет.

Показав Фросе на высокий забор, поверх которого была натянута колючая проволока, девушка ушла. Фрося, пройдя вдоль забора, увидела ворота и строения за ним. Между воротами и домом была глухая калитка. Подойдя к калитке, Фрося постучала в нее, не дождавшись ответа, постучала еще раз. Через какое-то время из калитки вышел человек в форме. Фрося бросилась к нему:

– Простите ради Бога, но не знаете ли вы Скорикова Михаила Никифоровича, его вчера арестовали и увезли к вам.

Мужчина остановился. Внимательно посмотрел на Фросю и спросил:

– Ты откуда?

– Из Сосновки, – с готовностью ответила Фрося.

– Где это? – снова спросил мужчина.

– Да в Новозаимском районе, недалеко от Заводоуковска.

– Что-то ты рано ищешь его у нас.

– Да ведь вечер же его арестовали. А где он может быть? – теперь спросила она его.

– Не знаю, – ответил мужчина. – Зайди-ка утречком вон туда, – показал он ей на дом, – может, там, что тебе скажут. А сейчас уже поздно, все закрыто.

Еле дождавшись утра, уже в шесть часов она пришла к дому, указанному вчерашним военным. У входа ей преградил путь часовой:

– Куда идем? – строго спросил он.

– Да вот мужу одежду передать надо, – покорно отвечала Ефросиния.

– Это не сюда. Тебе надо пройти вон до той избы, там и спросишь про передачу.

– Какую передачу? – удивилась Фрося.

– Как, какую? – теперь удивился часовой. – Ведь ты же хочешь передать мужу вещи и еду, а это называется передача. Понятно?

– Ага, теперь поняла.

Ефросиния пошла, куда указал часовой. Дойдя до неприметного домика, стоящего также в заборе, она вошла и ужаснулась. В страшной духоте в небольшой комнате толпилась масса женщин. Постояв немного у порога, она нерешительно спросила стоящую рядом пожилую женщину

– Тетенька, здесь передают передачи?

Женщина поглядела на спрашивающую, вздохнула и объяснила:

– Ты сначала вон в то окошечко очередь займи, узнай, примут ли.

Ефросиния покорно стала спрашивать, кто крайний в это окошко. На ее удивление очередь туда состояла всего из нескольких человек. Но ожидание в этой короткой очереди затянулось до вечера. И только, когда, высунувшись из окна, женщина громко крикнула, чтобы больше не занимали очередь, Ефросиния оказалась у заветного окна.

– Фамилия, статья? – строго спросили ее в окне.

– Скориков, а статью не знаю.

– За что сидит, что натворил, поди политический?

– Да, нет, сказали, что украл беремья дров, но я знаю, что он их не брал.

– Если осудили, значит, украл, – строго сказали из окна.

– Не значит такой в списках, – после долгого молчания ответили ей из окна.

– Как не значит? Его вчёр арестовали, а где он?

– Где арестовали?

– Да как где, в Сосновке.

– А Сосновка-то где?

– В Ялутровском уезде, ой, это по старому, а по-новому в Новозаимском районе.

– Женщина, да вы в своем уме, вчера вечером арестовали в тьмутаракани, а сегодня он должен быть в тюрьме. Ведь привезти его сюда время надо. А ты точно знаешь, что его к нам повезли в Тюмень, а ведь могли

отправить и в область, в Омск. У нас здесь все давно переполнено. Так что узнавай, куда повезли, а потом и с передачей суйся. А вообще завтра зайди, вечером придет конвой, может он и здесь будет.

Обескураженная Ефросиния пошла обратно к сестре. Нюра уже пришла с работы и поджидала ее. Перерассказав, то, что ей сказали в тюрьме, Ефросиния заплакала. Обида, усталость и страх этого длинного дня накалили на нее, и плач готов был перейти в истерику. Но тут в доме появился Тихон, муж Нюры, который и остановил надвигающуюся бурю.

Назавтра, опять с раннего утра Ефросиния пошла к тюрьме. Заняла очередь и уже часам к десяти была у заветного окошка. Там сидела вчерашняя собеседница.

– Как говоришь его фамилия? – спросила она у Ефросинии, как у старой знакомой.

После недолгих поисков дала ответ:

– У нас в списках он не значится, может, придет позднее, а, скорее всего, его увезли в Омск. Поезжай домой и жди письма.

Расстроенная женщина, проклиная жизнь и жару, поплелась обратно к дому сестры. Для чего она шла к этому дому, никто не знал. Не знала этого и она. И она бы не поверила, если б кто-то ей сказал, что там она пыталась отыскать какое-нибудь пристанище, чтобы привести свои мысли в порядок, отдохнуть от напряжения этих двух дней. Муж Нюры был дома. В поездку он должен был выйти вечером. Увидев свояченицу, Тихон понял, что она ничего не узнала. Он помог ей снять с плеч мешок, усадил за стол и налил большую чашку холодной окрошки. Фрося под понимающим взглядом мужчины, молча пододвинула чашку и с аппетитом начала кушать. Тихон подождал, пока она поела, затем осторожно спросил:

– Есть ли хоть предположение, где он?

– Нет, – ответила Фрося, – может быть в Омске или привезут сюда позднее. Никто не знает. Велели ждать письма.

– Значит надо ехать домой, – подытожил Тихон их разговор, – давай, приляг, я схожу в диспетчерскую, узнаю во сколько смена и куда на этот раз едем.

Ефросиния прошла в зал и без разговоров улеглась на жесткую кушетку. Разбудил ее тот же Тихон.

– Еду до Вагая, так что подбросим до Новой Заимки. Нюра тебя проводит до состава, а сейчас отдыхай.

Фрося поглядела на ходики, было начало четвертого. Она проспала больше четырех часов и чувствовала себя бодрой. Ехать домой без гостинцев для девчонок было как-то нехорошо. Неизвестно, когда они еще могут получить городские подарки. Те деньги, что она брала с собой, лежали у нее в узелке неистраченные. Конечно, по нынешнему случаю нужно экономить, но надо им что-нибудь купить. Михаил, когда ему приходилось быть в городе, ни разу не возвращался без подарков для всей семьи. И ей, как маленькой, привозил, то отрез на платье, то большой тульский пряник, то всем четверым по большущему петушку. Она, конечно, делила свое лакомство между дочерьми, из-за чего Михаил был недоволен.

– Тихон, мне бы сходить в магазин, купить для девчонок каких-нибудь гостинцев, – обратилась она к зятю.

– Чего не сходить, ты вполне успеешь, магазины здесь недалеко, моя сестра тебя проводит.

Фрося не заставила себя долго ждать. Плеснула холодной воды на лицо, повязала голову белым платком, с яркими синими ромашками и с вчерашней провожатой пошла за покупками.

С покупками она справилась быстро. Купила цветные карандаши, пару десятков тетрадей и две большие связки сушек. На душе было беспокойно, и все, на чтобы в другое время обратила внимание, не привлекало ее.

Страх перед будущим гнал женщину домой. Она не знала, что ее ожидает, когда придет домой Михаил. Больше всего она боялась, что эти люди, которые арестовали Михаила, могут вернуться и выслать их семью из деревни. Такое уже бывало. Мысль, что девчонок могут забрать в ее отсутствие, бросала Ефросинию в дрожь.

Придя домой, Ефросиния еле дождалась, когда Нюра скажет: «Пойдем, пора».

Они прошли вокзал, долго шли по путям, пока не увидели стоящий под парами паровоз Тихона. Тихон сам осматривал колеса своего коня. Увидев жену со свояченицей, он позвал к себе мужчину, с заткнутыми за голенище сапога флажками и сказал:

– Принимай, Семен, попутчицу. Как договорились: на переезде я замедлю ход, ты ее и высадишь.

Затем Тихон ловко держась за поручни вскочил в паровоз и со словами:

– Семен, держи, а то заморозишь родственницу, – бросил оттуда фуфайку.

Семен повел Ефросинию в конец состава, где в последнем вагоне была тормозная площадка. Помог взобраться, велел сидеть и никуда не уходить. Поезд мог поехать в любую минуту. Ефросиния ждала, когда придет Семен, как вдруг состав дернулся и пополз вперед.

Напуганная женщина не знала, что делать, металась по тормозной площадке, выглядывая из-за вагона: «Куда же запропастился Семен?» Уже почти около светофора Семен ловко заскочил на подножку, повесил на крюк фонарь и, усевшись на пол, закурил. Испуганная Фрося не знала, как себя вести с этим незнакомым мужчиной.

Уже скрылись последние станционные строения, и поезд вошел в негустой сосновый лес. На землю стал падать туман, делая влажными подножки вагона и прибывая к земле дым паровоза, когда Семен выкурил свою папиросу и повернулся лицом к Фросе.

– Стели фуфайку к стене и ложись спать, к твоей станции подъедем только к утру.

С этими словами он вытащил из-под сидения обильно замазанную мазутом фуфайку и протянул ее Фросе.

– А вы как? – спросила Фрося.

– А нам спать не положено, служба, – ответил Семен и снова уселся на пол, спустив ноги на подножку.

Ефросиния посидела еще немного и начала укладываться. Постелив одну телогрейку на пол, другой укрылась. Положенный под голову мешок был вместо подушки. Под размеренный стук колес и покачивания она быстро задремала. Проснулась уже тогда, когда небо за поездом начало алеть и утренний туман белой кисеей закутал землю. Семен сидел на полу, около него был развернут узелок с едой, и он громко хрустел огурцом. Услышав возню Фроси, Семен повернулся к ней и доброжелательно улыбнулся:

– Выспалась? Сейчас Заводоуковск будет, а там и недалеко и Заимка.

Ефросиния быстро встала, убрала телогрейки под сидение, но, посидев несколько минут, от предутренней прохлады начала дрожать. Тогда она снова вытащила фуфайку, надела одну на себя, а другой закутала ноги. Вновь стало тепло.

Паровоз басовито прогудел, приветствуя дежурного по переезду, вытянувшегося с флажками в руке. Почти сразу же Ефросиния увидела и станционные строения.

– Сейчас мы здесь водичкой заправимся и без забот до Вагая доедем.

Поезд, лязгнув буферами, свернул куда-то с главной дороги. Ефросиния поняла это когда, сзади площадки, на которой ехали они с Семеном, рельсы раздвоились, а состав начал забирать куда-то вправо. Через минуту он совсем остановился.

– Погуляй минуток десять, заправляться долго будем, – сказал Семен, соскакивая с площадки.

Через час Семен уже инструктировал Ефросинию, как соскакивать с подножки, чтобы не упасть. Около переезда паровоз дал протяжный гудок и замедлил ход.

– Прыгай, не робей, – напутствовал ее Семен.

Ефросиния встала боком и прыгнула с подножки, стараясь попасть на тропинку. Мешок за плечами и узел на левой руке мешали ей, но она удачно приземлилась на колени и быстро встала, махнув Семену рукой, мол, все в порядке.

Туман почти рассеялся, когда Ефросиния вошла в свой районный центр. Она намерено пошла через Новую Заимку в надежде, что утром кто-нибудь из сельчан приехал в район на базар и довезет ее до дому.

Не успела Ефросиния выйти на главную улицу, как из переулочка вышел секретарь районной ячейки ВКП(б) Елфимов Сергей Яковлевич.

– Фрося, ты откуда? – удивился он.

Елфимову вчера доложили о случившемся, и он вечером имел долгий разговор с начальником местной милиции по поводу такого обвинения Михаила Никифоровича. Они пришли к выводу, что с данным фактом остается только смириться. Приезжие милиционеры не оставили арестованного в местной милиции, чтобы та отправила его по месту назначения, а увезли с собой в Омск. Это говорило о серьезности намерений. Но Елфимов за многие годы работы с Михаилом десятки раз убеждался в его честности и добропорядочности и не верил обвинению. Подтверждением служило и недоумение Терентия, у которого Михаил якобы украл дрова. Терентий божился, что не возводил на кума такой напраслины. Подписавшийся, как свидетель воровства Берин, тоже впервые слышал об этом.

– Незачем Михайлу Никифоровичу воровать у Терехи дрова, – рассуждал Берин, – он сам ему их пилить помогал.

Выслушав все доводы, Елфимов решил, что будет бороться за Михаила. Знал, что очень непросто в эти суровые годы, когда полно противников Советской власти, и наказания сыпались правые и неправые, отстоять честь и свободу человека.

Фрося рассказала Елфимову, что ездила в Тюмень передать теплые вещи для мужа, но не нашла его в тюменских тюрьмах.

– Его и нет там, – ответил Сергей Яковлевич на рассказ Ефросинии, – его увезли в Омск. А оттуда, наверное, в Челябинск отправят на уральские стройки.

Фрося заплакала. Елфимов сочувственно посмотрел на нее и спросил:

– А к нам ты зачем пожаловала?

– Да вот, думаю, если кто-нибудь из наших приехал на базар, то доведут до дома.

– Пойдем со мной, сейчас Иван, наш кучер тебя быстро домчит домой. И на работу успеешь, поди ведь справку выправили дня на два.

Фрося удивилась, что и про это знает Елфимов, но виду не подала. Так за разговорами они подошли к утопающему в акациях зданию райкома. Около крыльца сметал вчерашние окурки пожилой человек.

– Иван, – окликнул его Елфимов, – увези в Сосновку Ефросинию Никифоровну.

Иван собрал в совок мусор, и буркнув «Я сейчас», ушел по узенькой тропинке куда-то за здание.

Фрося, навалилась на штакетник полисада и ждала, пока Иван запряжет лошадь. Только сейчас она поняла, как ей одиноко. К горечи и боли утраты, живших в ней уже вторые сутки, присоединилось одиночество. Жизнь потеряла свою былую привлекательность. Что ждет её дальше, было ясно. Это тоскливые, длинные ночи одиночества, с нескончаемыми думами, заботами о завтрашнем дне, бесконечная работа от зари до зари без всякого вдохновения, сделают ее жизнь лишенной смысла. Только одна отдушина осталось у нее – ее дочери. Ради них нужно жить, терпеть и ждать, когда наступит светлая полоса, вернется в семью спокойствие и желание радоваться каждому новому дню. Но радость в семье наступит через долгие годы страданий, это она знала точно.

P.S. Елфимов оказался человеком чести и большой отваги. Благодаря его стараниям уже через полтора года Скорикова Михаила Никифоровича выпустили из тюрьмы с формулировкой «Исправился».

Сбывшаяся мечта Анны

Анна лежала на диване, заваленная тюками с одеждой смотрела на остающуюся сзади улицу. Наконец-то она в Тюмени. Закончились ее мотания по гарнизонам, ежедневное ожидания мужа, то с учений, то из наряда или того хуже с оперативных заданий. Грузовик потряхивало на ухабах, тюки подпрыгивали на ней, но эти мелочи не могли испортить ей настроения. Она переезжала на постоянное место жительства в родные места. Тюмень была всего за полторы сотни километров от деревни, где живут ее родители. Кроме того, ее муж Федор уже больше не майор, а простой помощник машиниста. И никто, кроме ее, не смеет им командовать в выходные, не будет по ночам требовательных стуков в дверь, взывавших его на службу.

Три месяца назад, когда был подписан рапорт на увольнение Федора из рядов Советской армии в запас, был, наверное, самый радостный день в ее жизни. Она настояла на том, чтобы был заказан железнодорожный контейнер, чтобы перевезти все вещи, нажитые за пятнадцать лет скитаний по стране, жизни в казармах и землянках.

Эти лишения, сейчас казались какими-то нереальными. Реально было то, что в кузове грузовика было все ее богатство, которым она гордилась, и из-за которого бывали у нее ссоры с Федором. Анна вспомнила про зеркальный шифоньер и подняла голову, чтобы посмотреть, не повредили ли зеркало, прыгающие на ухабах тюки, приваленные к дверкам. Заодно она перевела взгляд на буфет, сделанный под старину, стекла которого таинственно мерцали даже ночью. Этот буфет из красного дерева она караулила в военторге почти месяц, отдав за него всю зарплату мужа.

Анна знала, что, отдав все деньги, ей придется долго изворачиваться, чтобы вкусно накормить семью. Но она надеялась на свою кормилицу – коровушку, которую почти два года назад они купили у отъезжающего на родину старшины. Любка, так звали корову, была смиренная, неприхотливая в еде и давала приличные удои. Анна ее любила и постоянно подсыпала в ведро с водой по горсточке муки, чтобы было больше молока. Затем, почти месяц после покупки, семья жила на шанежках, да оладушках, состряпанных из муки, выданной мужу, как сухой офицерский паек. Федор, не привыкший к такой пище, пытался бунтовать. Но Анна, как могла, уговаривала мужа потерпеть.

– До полочки двадцать дней, переберемся как-нибудь, а эта вещь на всю жизнь.

– Я-то, что, – отвечал Федор, – я и этим наемся, а детей нужно кормить хорошо. Они растут, им нужно полноценное питание.

– А это неполноценное? Ты посмотри, как они уплетают мою стряпню. Она же на молоке и масле. За декаду ни разу не сказали, что им это надоело. А твой суп они не хотят.

Федор, по натуре человек миролюбивый, да и никогда не споривший с женой, тихонько ретировался за занавеску к детям. Он любил своих детей и не упускал ни единого шанса поиграть с ними. После этих игр, Анна приходила в ярость, глядя, какой беспорядок устраивали они в комнате. Она просто выгоняла детей с мужем на улицу и начинала приборку. Ребятишки к этому давно привыкли и при появлении матери в комнате, говорили:

– Папа, пошли на улицу.

Если отцу не надо было на службу, то игры продолжались там. Анна сердилась на мужа:

– Людей-то постесняйся. На четвереньках ползаешь по двору. Кричишь, как оголтелый, тоже мне нашелся индеец. Старый, а дурной, – сердилась жена.

В ответ Федор посмеивался. Но лишать себя удовольствия от игр с детьми не думал.

Сейчас, глядя, на буфет, Анна нисколько не жалела, что столько сил потратила, чтобы купить его. Машину снова тряхнуло. Анну больно толкнул в бок приваленный к дивану тюк. Она отодвинулась к спинке дивана и принялась смотреть на убегающую назад дорогу. Они уже проехали центр города и сейчас ехали вдоль какого-то зеленого забора, с недавно посаженными березками. Ветер трепал тоненькие ветки деревьев и создавалась иллюзия, что на улице холодно.

Анна с утра была рассержена на мужа, который, как всегда, не мог найти времени на устройство их дома. Вчера он позвонил в деревню, где жила Анна в ожидании, когда придет контейнер с вещами, и сказал, что контейнер прибыл, завтра нужно вывозить вещи. Но ни слова не сказал о том, что сам утром заступает на смену, и умолчал, что подмениться не сможет. Только приехав рано утром в Тюмень, Анна узнала эту новость. Федор успокоил ее, что все погрузят и выгрузят его хорошие знакомые. И вот сейчас, когда две машины были нагружены вещами, знакомые Федора ехали на одной машине, а Анна с дочерью и племянницей на другой, она тихо злилась на не умеющего договориться о своем благе мужа.

Он все делал для друзей, те, зная его безотказность, иногда бессовестно пользовались ею. Но и, когда была необходимость помочь Федору, тоже без слов помогали.

Машина свернула в узкий проезд, прошла мимо новенькой школы и остановилась. Анна скинула с себя тюк, приподнялась и увидела, что обе машины стоят около длинного барака. К кузову, где находилась хозяйка вещей, спешил молодой белобрысый Иван. Он снял ее с борта машины, отряхнул сзади пиджак и сказал:

– Ну, хозяйка доставай ключи, пойдем смотреть квартиру, да там и разгружать будем.

Анна достала ключи и подала их Ивану. Они зашли с ним в небольшой коридор, где справа и слева было по двери, Иван подошел к правой двери и открыл ее.

Две пустые комнаты были чисты и ахли казенным. Нехитрый скарб Федора сиротливо лежал в углу. Девчонки, вбежав в комнату, были разочарованы. Они ожидали от квартиры в городе гораздо большего. То, что они увидели, очень походило на деревенскую избу: та же печка, беленые стены и рассохшийся дощатый пол. Анна прикрикнула на девочек, чтобы не мешали и, повернувшись к грузчикам, сказала:

– Ну, что, мужики, заносить будем?

Иван, на правах старшего осведомился:

– Ты решила, что где стоять будет?

– Конечно, здесь и решать нечего, все ясно.

Мужики стали заносить узлы и ящики, а когда очередь дошла до мебели и кроватей, то их сразу же поставили на то место, что предназначалось для них в этих неказистых хоромах. Когда все занесли, Анна выставила на пока еще голый стол чекушку водки и стаканчики, из какого-то узелка достала ломоть сала и предложила:

– Давайте выпьем, чтобы нам хорошо жилось в этом доме.

Мужчин не пришлось приглашать дважды. Они дружно подошли к столу и со словами:

– Дай вам Бог благополучия на новом месте и, чтобы Федору быстрее дали благоустроенное жилье, – выпили предложенное, распрощались и ушли.

Анна, оставшись одна с дочерью и племянницей, воткнула штепсель от электроплитки в розетку, достала из сваленных узлов ящик с провизией, распечатала тушенку и вывалила ее на сковородку. Пока тушенка грелась, она отправила девочек за водой к колонке, что была в метрах пятидесяти от входа, и вскоре нехитрый, но сытный завтрак был готов. Девчонки, да и сама она с аппетитом покушали, а затем Анна велела им вымыть посуду и сходить в магазин, который они видели из окна квартиры.

Она специально отправила девонок, чтобы они не мешали ей побелить стены в квартире. Пока девчонки несколько раз бегали в магазин, то за хлебом, то за мороженым, то за московским батонком к чаю, Анна, достав из заветного тяжелого ящика все необходимое для побелки и уборки, и начала делать эти казенные стены своим домом. В углу общего с соседями коридора она разглядела гвоздь, на котором у прежних озяев висел умывальник, и повесила на то же место свой. Вытащила ведро, из которого белила во все времена кочевой офицерской жизни, из клеенчатого мешка вывалила туда часть известковой каши, развела водой и побелка была готова.

Уже к полудню стены были чисто выбелены, приятно пахли свежестью, а полы блистали влажной чистотой. Девчонки вместе с Анной раскладывали вещи по своим местам, уже считали это жилье своим домом. Они устали, но торопились навести порядок к приходу с работы хозяина. Анна без усталости толковала дочери с племянницей, как удивится Федор, когда придет домой. Ему покажется, что они жили здесь всегда. Это увлекло подростков, и они старались.

Федор пришел в девятом часу вечера, когда уже и ужин стоял на столе, и шторы на окошки были повешены. Умывшись и переодевшись в общем коридоре, он вошел в комнату и сразу же похвалил девонок:

– Наверное, мать без таких помощниц не справилась бы. Девчонки, вы все заслужили завтрашний праздник. Мы пойдем в горсад кататься на каруселях.

Эти слова были бальзамом для Анны, много лет мечтавшей о такой жизни. А для девочек карусели, которые они видели лишь в кино, были символами праздника, поэтому после ужина они дружно улеглись спать.

Утро не порадовало их солнышком. Хмурое небо готово было сыпнуть дождем, но праздник не отменялся. Федор бесповоротно решил провести весь сегодняшний день семьей в городе, несмотря на то, что вечером ему нужно заступить в ночную смену.

Анна тоже была за то, чтобы праздник начала их новой жизни состоялся. Поэтому все дружно позавтракали и пошли на автобусную остановку. Честно говоря, пешком до горсада было минут пятнадцать, ехать на автобусе надо столько же, да еще и ждать, когда он приедет. Но праздник есть праздник.

Весело вывалившись всей гурьбой из автобуса в центре города, семья отправилась в горсад. Пройдя через широкие ворота, они вошли на асфальтированную дорожку, огибающую огромную цветочную клумбу. Глаза разбежались – куда идти, прямо из кустов выглядывал высокий павильон, решетчатые двери которого были открыты. Направо стояла тележка с газированной водой, а за ней прятались в зарослях еще какие-то строения. Налево вдаль виднелись качели, а где-то в стороне играла музыка, и вырисовывались высокие борта открытой танцплощадки, огромные афиши приглашали в летний кинотеатр на новые фильмы.

Решили начать с крутящейся карусели. Девочкам купили билеты, и они понеслись на своих красивых лошадках по кругу. Но это было не так хорошо, как на следующей карусели, так называемой «ромашке», на которой прокатились и взрослые. Их сидения широко разлетались по воздуху, то взмывая вверх, то опускаясь до земли. Но самое большое удовольствие все получили от русских качелей. Лодки, раскачиваемые двумя людьми, находящимися в них, стремительно взлетали выше перекладыны, на которой они крепились и так же молниеносно падали вниз. Сердце захватывало от таких перепадов, но ноги, подчиняясь азарту, автоматически подгибались, давая импульс телу раскачивать качели.

Шел уже второй час пополудни, когда семья, проголодавшись, входила в блинную, что напротив горсада. За покрытым клеенкой столом, дождались, когда дородная официантка приняла у них заказ. Да еще, какой заказ. Блины с медом и маслом, компот из сухофруктов, дома который варили по праздникам, да еще всем по шницелю с картошкой и яйцом. Девчонки еле дождались заказанной еды. Когда официантка принесла поднос со шницелями, они забеспокоились, что про остальное забудут и в два голоса напомнили ей, что еще есть компот и блины. На это напоминание женщина ответила, что у нее не десять рук. Федор также укоризненно сказал, что нужно иметь терпение, и в таких заведениях сразу все не несут на стол, а по очереди, когда человек съест одно блюдо, ему принесут следующее. Девчонки дружно фыркнули в кулаки, представив, как едят тарелки. Анна сразу поняла, почему девочки смеются и добавила к объяснению мужа, что под словом блюдо здесь подразумевается еда. Для примера сказала, что шницель – одно из блюд, заказанных ими.

Девчонки снова засмеялись.

– Шницель блюдо, лежит на блюде, – сказала дочь, указывая на большую плоскую тарелку, на которой с одной стороны разместился шницель, а с другой стороны, размазанную по тарелке картошку, прикрывало жареное яйцо.

Все весело посмеялись над каламбуром, и принялись за вкусно пахнущую еду.

Поев, Федор заторопил семейство. Было почти два часа, а в два в модном кинотеатре «Темп» всегда шло кино. Этот двухзальный кинотеатр он хотел непременно показать им сегодня. На их счастье в кассах билеты были. Да и места попались приличные, пятый ряд, середина зала. В кинотеатре перед вечерними сеансами пела певица, ну а днем работал только буфет. Толком разглядеть фойе не удалось, прозвенел третий звонок, и пришлось срочно пройти в зал и занять свои места.

Анна, едва начались титры, прислонила голову к Федорову плечу и тихонько засопела. Вчерашняя усталость и напряжение дали о себе знать. Два часа прошли для нее незаметно. Но для Федора и девочек кино было смешное и интересное. Закончилось кино, вспыхнул свет, и нужно было выходить из кинотеатра. Шел пятый час. В семь начало смены у Федора. Волей-неволей пришлось торопиться, чтобы не опоздать.

Наскоро собрав мужу, узелок с едой – бутылку кефира, большую сдобную булку с куском сливочного масла – Анна вместе с девочками пошла провожать мужа до автобусной остановки. Возвратясь домой, девчонки отпросились у Анны погулять. С соседскими детьми они играли на школьном стадионе.

Оставшись одна, Анна присела у окна, глядя на пока непривычный вид, но она твердо знала, что очень скоро все здесь будет ей знакомым и родным. Ее мечта сбылась. А теперь нужно сделать так, чтобы для дочери Тюмень стала родным городом, где она окончит школу и поступит в один из вузов города. То, что она будет учиться в институте, Анна не сомневалась, девочка училась хорошо и без напряженья в школе.

Литература

Поэтическая галерея

Поэзия на страницах журнала – гостя не случайная. Она живёт рядом с нами, гуляет по улицам города, любит памятниками и новостройками, заглядывает в наши лица. Она изящными легкими мазками окрашивает в яркие цвета серые будни, выталкивая нас из повседневности в одухотворённый, живой мир.

Поэтическая рубрика открыта для тех, кто выражает свое отношение к действительности с помощью летящего, лирического слова вне зависимости от национальности, вероисповедания, профессии. Главное, чтобы стихи были со вкусом свежего ветра, трогали за душу неординарностью и новизной.

*Ведущая рубрики **А. Маркова***

**Анатолий
Марласов**

***

*Солнце в берёзовой роще
Светит мне прямо в глаза –
Слепну, но радости большей
Даже придумать нельзя!*

*Воздух просеян сквозь сито
Этих чудесных берёз,
И тишина тут разлита
До умиленья и слёз.*

*К солнцу летящей Тюмени –
Нету прекрасней сего
Чуда!
Паду на колени
И помолюсь за него.*

*Боже!
За что это счастье
Послано людям и мне –
Солнце в берёзовой чаще
И красота на земле?!*

***

*Не стоял коленопреклоненно
И гордился собственной судьбой –
Я не падал даже пред иконой,
Но как часто падал пред тобой!
А когда нам изменила совесть
И любовь узнала страшный грех,
Написал я маленькую повесть
Для тебя, а вышло, что для всех...
А стихи рождаются для счастья,
Для любви с прекрасной половиной.
Я иду к ней, будто бы повинно
Сердце, разделенное на части.*

*И, почти мгновенно умирая,
Понимаю боль нелепой грусти –
Всех поэтов убивали русских
Не в раю, а где-то возле рая.*

**Юрий
Бутаков**

Новая Тюмень

*Мой город славный, здравствуй! Это я, –
Твой горожанин. Я с тобой с детства.*

*Живу открыто, счастья не тая,
Что здесь моим стараниям есть место!*

*Давай с тобой поговорим о том,
Как строятся дороги и кварталы,*

*И храмы освящаются крестом,
И как в Туру закат струится алый.*

*Тюмень моя, с рожденья я с тобой,
По праву все зовут тебя столицей.
В тебе есть всё: и мудрость, и покой,
И памятников бронзовые лица.*

Люблю тебя в любые времена,
Прекрасны днём ажурные фонтаны,
Они, как будто, пишут имена,
Сердца соединяя неустанно.

Растает день от суеты сует,
Закатится светило за овраги,
Неоновый прольётся всюду свет,
Зажгут огни волшебники и маги.

...Гуляют по бульварам фонари
И замирают, глядя на прохожих,
Завидуя, луна в ночи парит,
На белую сову она похожа.

Красуется над речкой чудный мост,
Висит на паутинках в лунном свете.
Люблю тебя я, город мой, до слёз,
Которые дождём приносит ветер.

Родина малая

Там, где дом мой, –
Там же и родина!
Ждёт меня моя родина малая,
Там кусты душистой смородины,
И зари полосочка алая...

Не случайно скворцы возвращаются –
Одолела тоска по родине,
Прилетают, щебечут, каются.
В чём им каяться? Им особенно...

В небе синем голуби стайками
Измеряют пространство Родины,
Соревнуясь с белыми чайками,
И зачем это надо им вроде бы?

Пчёлы кружатся над смородиной,
И гречишное поле им нравится –
Часть они этой малой родины,
Для неё, как и я, стараются.

Родниками там реки полнятся
И несут к морю воды талые –
Мне великая Родина помнится,
Потому что есть Родина малая!

Сибирский тракт

Сибирский тракт мотаает километры,
Как ленту бесконечную дорог.
Их выгнутые спины глядят ветры. –
За поворотом новый поворот!

То забежит дорога на пригорок,
А то, как зверь, крадётся по лесам,
По корневищам вечно сонных ёлок,
Плутая в них, как хитрая лиса,

А то, как речка, рвётся на просторы
Сквозь золото пшеничных берегов,
А перевалы видятся, как горы,
На фоне белоснежных облаков.

Сибирский тракт – артерия России
С прожилками просёлочных дорог –
Звучит и величаво, и красиво,
А путь его немыслимо далёк!

Через Тюмень, Мальково и Покровку,
Старосибирский проклиная тракт,
Шли в кандалах в Тобольск на перековку
Еврей, татарин, русский и поляк.

И к Енисею, к Лене, к океану
Пробили тракт казаки и стрельцы,
И этим я гордиться не устану –
Поклон вам, предки, прадеды, отцы!

Сибирский тракт – обочины, кюветы,
Трактиры, полустанки, всё, как встарь,
Хранят и ныне прежние приметы,
Версту меняет новая верста.

Сибирский тракт – великих дел начало,
По городам и весям напрямик,
Как тройка с бубенцами, время мчало
Все 300 лет, а как единый миг.

И поднялась Россия, закипела
В Сибири нефть, железная руда
Там, на Урале, сталью зазвенела,
И рельсы вводили поезда.

Я исходил сибирские дороги,
Я вёрсты мерил парами сапог,
Но никогда не подводил итоги –
Сибирский тракт мне подведёт итог!

Мне надо обязательно вернуться
Я в пригородный поезд переседаю,
И в детство незаметно укачу,
С душой моею нынче нету сладу,
Я там её наверно излечу,
Где в тихих переулках станционных,
Звучит стихов Есенинская грусть,
Где тополь долговязый бьёт поклоны,
И я ему, как другу улыбнусь!

Мне надо обязательно вернуться,
Туда, домой, где бродит хлебный квас,
И к маминым ладоням прикоснуться...
И пусть потом мне Бог за всё воздаст!
За то, что я заядлый безбилетник,
Хочу свой век ещё на день продлить...
Да кто друзья поверит в эти сплетни?
Мне б в переулках снова побродить...

.....
Вот мой разъезд, где проживает
детство!
Я обещал однажды, что вернусь!
Нет, не найти другого в жизни места,
Где слову Мама, так созвучно Русь!

В.П. Крапивину

Фрегаты

Ты помнишь, как всё начиналось,
Романтик тюменских дворов!
Какую-то детскую шалость
Таят сочетания слов –

Мальчишки, девчонки Тюмени –
Свидетели юной поры,
Вы помните запах сирени
И ту кутерьму царь-горы?

Вы помните скрип тротуаров –
Вдоль улиц дощатый настил –
И мох между брёвен амбаров?
... Тот мир был по-своему мил!

В тюменских колодцах сочилась
Сквозь срубы святая вода,
А с неба печально катилась
И падала в речку звезда!

Турой мы по праву гордились!
На Храм был похож старый мост,
И солнце в закатах томилось,
Народ был по-доброму прост.

Ценилась полушечка хлеба
И рубль был тоже в цене,
И втайне свершался молебен,
И Мирю являлось, а мне...

Мережились в море фрегаты,
Сокровища южных морей,
Девятого вала раскаты
И грохот морских якорей!

Писатель, поэт, заводила,
Храни наши мальчишеский пыл.
Ты помнишь, как всё это было?
И я ничего не забыл...

Коммунальная жилплощадь
Тетя Аня...

Баба Аня...

Снится мне барачный двор,
Он меня, как прежде, манит
Чем-то важным... До сих пор.

У барака – два крылечка,
Под окошечками сад,
А на тополе скворечник –
Кто скворцам весной не рад?

Коммунальная жилплощадь
И холодный коридор,
Каждый жил другого проще,
«Что тут красть?» – сказал бы вор.

Всех соседей поимённо
Я не вспомню – вот беда,
Помню Вас и дядю Лёню
Вспоминаю иногда.

Кто не жил в бараках тесных,
В комнатушках три на пять,
Где в углу промёрзшем плесень
Выползала под кровать,

Не поймёт, и слава Богу,
Пусть бильём всё порастёт,
Только ночью понемногу
Отчего-то сердце жмёт.

Что за давняя тревога
Пробудилась, не унять –
Мне бы время то потрогать,
И, как друга, приобнять!

Отболело, оттерпелось,
И барака нет давно,
Отчего же захотелось
Прокрутить тех лет кино?

**Ольга
Данилова-Пушкарёв**

Весна в Тюмени

Палитра – мир, ведь сколько красок,
Они давно владеют мной:
И колорит восточных масок,
И африканский жёлтый зной...

Нет, грязь-распутицу в Тюмени
Я рисовать и не начну.
Сугробов тающих тюленю
Не красят раннюю весну.
Но это небо голубое,
В нём облака – наперечёт.
Берёза – дерево благое,
В котором сок уже течёт.

А воздух! Можно захлебнуться,
Весной особенно он прян...
Вот мир, чтоб чувствам встrepенуться,
Иду я встречаю – наугад.
И в нём ты не ищи изъян.

Время

Я целую твой висок,
Эти губы, эти руки,
Время сыплется – песок,
Как условие разлуки...

Время мчится в пустоту,
Где пока ещё нас нету...
Запредельности мечту
Мы возьмём с собою в Лету.

Тщетность – жизнь познать – ясна,
И понятна краткость мига.
Но на улице весна!
А любовь – живая книга!

Круты Времени дела,
Но не бойся поединка...
Вот морщинка пролегла,
Как в бессмертие тропинка...

Белая ночь (Из Петербургского цикла)

Ах, эта ночь, как молоко,
Зовётся всеми белою...
Я здесь и всё же далеко –
В стихах Андрея Белого,
В поэзии Есенина,
В романах Достоевского.
О, Петербург, весенний мой,
Гуляю я по Невскому...

Душа полна Ахматовой...
Её музей – Фонтанный Дом.
Какая я богатая!
Всё говорит мне о былом.
Душа полна Ахматовой...
Воспетый ею Летний сад,
Какая я богатая –
Иду я встречаю – наугад.

Берёзовая роща

Берёзовая роща у Куинджи...
Уже прошло не меньше сотни лет.
С тех пор пейзаж написан не один же! –
Однако, не стареет тот сюжет.
Художник написал в России лето.
И солнца пятна впитаны травой...
Встречает лес берёзовым приветом,
Шумит зеленокудрой головой.

И чудится живое птичье пенье,
И светотени, кажется, дрожат,
И, чувствую, восторг души и рвеньё –
Нарисовать всё это сотни крат.

Мне снова душу трогает до боли
Вся живописность наших панорам...
В берёзовом лесу гуляю вволю –
Я снова сердце Родине отдам!

***

В густой аллее тёмных вязов
Иду: задумчива, тиха,
Сентябрь, вовсе, не обязан
Всегда сверкать парчой стиха...

Он ткёт её из листопада,
На купола берёз – сусаль
Нальет, я красоте так рада,
Но увядания мне жаль.

Ведь скоро, скоро всё померкнет
Под серой краской ноября
И осень, словно снимет мерку
Для снежной шубы декабря.

Ну, а пока – сентябрь яркий
Мне сердце радует теплом,
Придёт октябрь мой – подарком –
Друзья, Вас жду я за столом!

**Евгения
Зенкова**

Яблоко

Ты – яблоко. Душа твоя тверда.
И холоден отлив атласной кожи.
Семян алмазы черные не может
Нескромный взгляд увидеть никогда.

Ты – как и всё в природе – красота.

И никакой червяк тебя не гложет,
Не в силах причинить тебе вреда.
Тебя не снимут с ветки без труда.

Ты – яблоко.

Ты – яблоко. Дождей-минут вода
Тебя умоет и тебе поможет
Чуть-чуть зардеть от лёгкого стыда,
Как щёчкам – бок твой создан с ними
схожим.

От этого не деться никуда:

Ты – яблоко.

***

Дней ушедших вереницу
Увенчает месяц май –
Синеглазку медуницу –
Хоть в охапки собирай.

Вдаль бегущая тропинка,
Как загадочный узор,
Заплетается в осинках,
Опоясавших бугор.

Там цветущие поляны
В золотистой желтизне,
Там черёмух запахи пряный
Кружит голову весне.

Там в лесной тиши фиалки,
Неприметные на вид...
Может быть, пойти к гадалке –
Пусть расскажет о любви.

***

Перед туч громадой – птица,
Перед бурной речкой – льющая
Останавливается.
Кто ведёт, как надо, танец –
Круг пройдёт, притопнет, встанет.
Останавливается.

Время – в пору испытаний,
Мир – в момент переживаний
Останавливается.

Жизнь – с потоком очень схожа,
Всё течёт, течёт... но тоже
Останавливается.

В миг известный или случайный
У порога вечной тайны
Останавливается.

Прятать взгляд судьба учила,
Прятать чувства до могилы,
Но с неодолимой силой
Взор на том, что сердцу мило
Останавливается.

Валерий Новиков

Старый тополь

Ствол сверху отпилили,
 Обрубили сучья –
 Покуда лестницы хватало,
 Но все равно мешал:
 Кому-то застил свет.
 Тогда под новый март
 Пришли с бензопилой,
 Окольцевали кору снизу, сверху,
 И по продольному надрезу,
 Как шубу сняли,
 Оголяя плоть.
 И вечерами от неё, от светоносной,
 Недостающее тепло и свет
 Пошли в окошко.
 Когда совсем оттаяла земля,
 Напрягся тополь,
 Сок погнал наверх
 По уцелевшим клеткам,
 И – чудо – крепкий лист пошёл,
 Зелёный и шумливый,
 С ладошку добрую,
 Да что там – в две моих!

Так отмечал свою последнюю весну
 Домашний тополь
 И всем ветрам
 Кивал до осени кудрявой головой.

***

Уйти к истокам,
 Где из-под бугра
 Ключи как слёзы
 Каплями стекая,
 И словно косу
 Девичью сплетая,
 Из ручейков
 Свивают речку.
 Вдоль тальников
 Журчит хрустальная вода,
 Спешит к деревне той,
 что Родина моя.

А выше по бугру
 Ласкает ветер травы.
 Жгуч купол неба,
 Тают облака.

Упасть в траву,
 Глазами – в бездну,
 И не заботясь ни о чём,
 Послушать шепот трав
 И ощутить,
 Как льнёт к щеке былинка.

Всё недосуг.
 Не до того.
 Я как-нибудь потом.

Простые радости
 Уходят от людей.

**Антонина
Маркова**

Стародавняя Тюмень

*Уголок Тюмени стародавней.
Покосились расписные ставни,
Тротуар дощатый и крапива
У ворот хозяйкой горделивой.*

*Тишина здесь сочная, густая.
В колыбели ветра – птичья стая,
Только на веревке белой птахой
Рвётся в небо мытая рубаха.*

*Избяного кружева узоры
Притерпелись к любопытным взорам,
А вдали над редкими дымами
Троицкий вознёсся куполами*

*И светло любится и важно
Затюменкою одноэтажной,
Где усердно долгими веками
Точит время придорожный камень.*

**Елизавета
Ганопольская**

Песни к пьесе «Волшебник Изумрудного города»(автор пьесы – Анна Богачева)

Дорожная

*Ещё не сделал шага, а ты уже в пути:
ты начал путешествие, когда решил идти.
Бывает всё как в сказке – поверишь в чудеса.
Но что бы ни случилось, ты выбрал это сам.*

***

*Счастье моё – ситцево,
Шито белой ниткою,
Вывязано спицами,
Узелками выткано.*

*Вечерами длинными, –
Прялочные, зыбкие, –
Думы журавлиные
Над ребячьей зыбкою.*

*Горюшко – крапивное
Где-то за околицей.
Песнями старинными
Сердце успокоится.*

*Радость – балалаешна,
Самоварно-сдобная.
Каравайным краешком
Я её испробую.*

*Не мытьём, так катаньем
Пересилю долюшку,
И мечты крылатые
Отпущу на волюшку.*

*Дорога – любая трудна.
И цель не всегда видна,
и кажется, что не ты
ты выбрал себе мечту...*

Но как поймёшь,
пока не придешь?

В дороге будут встречи, появятся друзья.
Узнать, что настоящие, заранее нельзя.
Бывает все как в сказке! По нелегко дружить:
немало испытаний придётся пережить.

Дорога – любая трудна...

Закончится дорога, исполнится мечта,
и, может быть, покажется, что жизнь
твоя пуста,
что всё было напрасно...

Вдруг новый поворот!

И к следующей сказке дорога приведет!

Дорога – любая трудна...

Жевуны

Веками надеялся бедный народ:
спасение с неба само упадёт.
Да здоровствует Элли, волшебница Элли,
ты сделала то, чего мы не умели!

От власти Гингеми избавила нас
прекрасная Элли из штата Канзас.
Да здоровствует Элли, волшебница Элли,
ты сделала то, чего мы не умели!

Теперь мы от страха дрожать не должны:
мы жители новой, свободной страны!
Да здоровствует Элли, волшебница Элли,
ты сделала то, чего мы не умели!

Изумрудный город

Добро пожаловать в наш иллюзион!
Здесь драгоценностей квадриллион!
Здесь изумительный мир волшебства!
От этой роскоши кружится голова!

Мы все отнюдь не дилетанты,
мы все артисты хоть куда!

Сверкают гранями таланты,
и каждый — новая звезда!
Добро пожаловать в наш иллюзион!..
О, мы блестящие артисты!
Вам нравится смотреть на нас?
Вам правится наш смех искристый?
Сиянье дивных наших глаз?

Добро пожаловать в наш иллюзион!
Здесь драгоценностей квадриллион!
Но только чтоб увидеть всё как есть,
носить специальные очки придётся здесь.

Тексты к пьесе «Споры древних, растений»

Старинная французская песенка

На дальнем берегу,
На золотом лугу
Уснул мой милый пастушок,
Умолк рожок.

Мягка его постель,
В подушке сонный хмель.
Пастушью трубку и рожок
Оплёл вьюнок.

Скоро и мне придет пора
Уснуть...
Осталось чуть-чуть:
Ресницы сомкнуть.

На дальнем берегу,
На золотом лугу
С тобой увидимся, дружок,
Мой пастушок.

***

Темнеет небосвод,
Окончен день забот.
Поют часы:

*Динь-дон-дили-дон,
Пришёл черёд.
Пуховую постель
Готовит мне метель.
Блестит морозным серебром
Моя купель.*

*Дон-дили-дон, пришла пора
Уснуть.
Осталось чуть-чуть,
Ресницы сомкнуть.*

*Пылает полынья
Зарёй иного дня.
На дальнем золотом лугу
Ты ждёшь меня.*

**Елена
Купчик**

Темные леса (перевод татарской песни)

*Уйду в леса дремучие,
чтоб слёзы лить горячие,
малыш соловей,
меня пожалей.*

*Уйду в чащобы тёмные,
там есть места укромные,
пускай тоска
плутает пока.*

*Зайду в густые заросли,
чтоб от тоски меня спасли,
боль сердечная,
темень вечная.*

Как коротают век анчоусы в оливках...

Возвращение

*Смелеют мокрые ветра,
Слетает с мира позолота,
А впереди за поворотом
Всё та же площадь, что вчера.*

*Всё тот же каменный простор
И небо, камня холоднее,
Полураздетая аллея
И солнца тлеющий костер.*

*Уйдёт секунда в пустоту,
И год уйдёт – а осень та же,
И тот же лист у Эрмитажа
Опять поймаю на лету.*

*И мокрых зонтиков букет
Цветет на той же остановке...
Немножко странно и неловко,
Что не прибавилось мне лет.*

***

*Как коротают век анчоусы в оливках?
Я думаю, что спят, как люди в гамаках.
Им снится океан: актинии и рыбки,
И мачты бригаنتين, увязшие в песках.*

*Их темный маринад теченью не подвержен,
Он ни одной звезды вовек не отразит.
Бесплодные мечты, напрасные надежды –
Их никакой Нептун от нас не защитит.*

*Далекое моря укрыты небом чистым,
А в мире жестяном не тикают часы.
...Уютно спят они, как в спальниках туристы,
Как семечки в плодах, как в гнездышках птенцы.*

*Устроим им рассвет – эффектно банку вскроем.
Гурманами прослыть – отнюдь не моветон.
А темный маринад печально пахнет морем,
Соленым, как рассол, глубоким, словно сон.*

Баннный Лог

*От меня закрыли Баннный лог,
Перед домом выстроив домину,
Небо обрубив напопоину
И обрезав ленты двух дорог.*

*Новый дом торжествен, как чертог,
Он белокирпичен и зеркален,
«БМВ» и «фордами» обставлен...
И совсем далёко Баннный лог.*

*Там зимою шли из труб дымки,
Мчался ветерок за следом санным.
Наклонясь вперёд, подобно пьяным,
Склоны стерегли снеговики.*

*Там шушала тёплая трава,
В ней таились гномы-шампиньоны,
А в грозу неслись ручьи по склонам,
Лепеча и путая слова.*

*Плыл из низких окон запах щей,
Бегали мальчишки и цыплята.
Баннный лог, он вёл меня куда-то,
Открывая мир простых вещей.*

*И несла сандалики в руке
Девочка в платочке деревенском.
Песню пел дремотный голос женский.
Тополиный пух несло к реке.*

*Та река течёт, как и текла.
Жизнь течёт – из детства убегая.
На закате дом-чертог сверкает
Вспышками зеркального стекла.*

*Как теперь живёшь ты, Баннный лог,
С запахом грибов, травы и хлеба,
Под друзою половинкой неба,
За концом оборванных дорог?..*

Концерт В. Спивакова в Тюмени

*С Моцартом мы уезжаем из Зальцбурга.
Бричка вместительна. Лошади в масть.
Б. Окуджава – В. Спивакову.*

*Мы приближаемся к царству безмолвия...
Б. Спиваков – Б. Окуджаве.*

*Моцарт один уезжает из Зальцбурга.
Бричка вместительна. Лошади в масть.
Шарик земной – переспевшее яблоко –
В тёмную вечность стремится упасть.*

*Небо и твердь – все изрядно состарилось.
Только вот бричка бежит и бежит,
И, прижимая к плечу «страдивариус»,
Моцарт играет... Смычок не дрожит.*

*Неутолима тоска по гармонии –
Летней порой иль в ноябрьскую темь.
Клонится к узким дверям филармонии
Спасского храма изыщная темь.*

*Моцарт, прекрасный, как юная молния,
Светлый и скорбный, как ангел седой,
Ты нас выводишь из мира безмолвия,
Чтобы возвысились над суетой.*

*Чтобы, в слезах, поднимаясь на цыпочки,
Звезды увидели сквозь облака...
Моцарт играет на старенькой скрипочке.
Мимо и версты плывут, и века.*

*Крики и смех, города, полустаночки –
Всё это вихрем уносится вдаль.
Взлёты смычка и бернштайновской
палочки* –
Так утоляется наша печаль.*

*Бричка всё катит, и Моцарт не старится.
Скрипка поёт, и понятно вполне:
В тёмную вечность не скоро провалится
Шарик земной, что висит на струне.*

* Подаренной В. Спивакову Л. Берштайном.

Новогоднее

*Мы входим в новый год, как входят в
снег глубокий,
Как в черный водоем, где дна, возможно, нет.
У нас горят глаза, у нас бледнеют щеки,
Над нами в небесах стоит парад планет.*

*И каждый Новый год – мечта начать с
Начала,
Со снежного листа, с округлого нуля,
И от самих себя, как лодка от причала,
Отплыть на пять шагов без весел и руля.*

*Нам нужен Новый год, чтоб выгнать
моль из шкафа,
Чтоб выгнать и себя – под звездами гулять.
С нас прошлые года берут исправно
штрафы,
Года берут свое — но им всего не взять.*

*Пусть в старых зеркалах уныло вянут
лица.
Сменить – и все дела! – стекло или лицо.
Ответить на письмо. Зажечь фонарь.
Влюбиться.
Или хотя б купить блестящее кольцо.*

*Шагните в новый год, в его ветра и стужу,
Которая всегда кончается весной –
Ведь самый прочный лед есть будущая
лужа,
Что радостно блестит апрельской
синевой.*

*И я желаю вам – в сто первый раз желаю –
Счастливого пути под солнцем и луной,
И ягодных полей, где бабочки летают,
И легких облаков над юной головой.*

*И, спинку распрямив и сбросив день
вчерашний,
Как надоевший груз, с помолодевших плеч,
Войдите в новый год – под звон часов на
башне
И под нескладный тост «За сбычу наших
мечт».*

История

*Шелка алого рубаха у ката,
И рукав её по локоть закатан*
Л. Городницкий

*Ты возьми, поэт, побольше краски
Цвета окровавленной зари.
В наших сказках – страшные развязки
И совсем не добрые цари.*

*Ты возьми, певец, струну потоньше,
С голосом младенца-сироты.
Вороньё ещё не скоро кончит
Прилетать на свежие кресты,*

*И не рая в неистовом набате
Захлебнется колокольный звон,
И не раз заплачет Богоматерь
С чудотворных ласковых икон.*

*Нищие убоги, злы монахи,
Государь упрям, строптив народ,
И верёвка виселицей пахнет,
И восход закатом отдает,*

*И кандальный звон в пыли дорожной
Отзвук буйных тех колоколов...
Рисовал историю художник:
Много неотрубленных голов,*

*Ясный нимб, благочестивость взгляда,
Благолепье храмов и небес.
И закат остался не кровавым,
И Христос растерзанный воскрес.*

*Колокол кричит подбитой птицей.
Много у царя кнутов и плах.
У Манежа очередь змеится,
Соловеет небо в Соловках,*

*Давняя молитва в горле бьётся,
В новых снах – всё та же злая быль.
И темна вода на дне колодца,
И гоняет ветер прах и пыль.*

*Что за дело мне до тех монахов,
Чей он был, последний взгляд в упор?
...И зевнет палач над мокрой плахой,
И опять возьмется за топор.*

Литература

Лики творчества

Этой публикацией мы открываем постоянную рубрику «Лики творчества», посвященную творчеству детских и молодежных объединений.

Сегодня мы представляем работы выпускников 2009 года МОУ СОШ № 91 г. Тюмени. Директор школы Андрей Эдуардович Степанов собрал коллектив единомышленников – людей молодых, творческих, неугомонных. Они сами не сидят на месте, и учеников ведут за собой. Главное – воспитать личность, не загубить творческое начало в ребенке, свободу самовыражения, развить стремление к познанию.

Увлекла ребят творчеством преподаватель русского языка и литературы Елена Георгиевна Медведева. Четыре года она день за днем скрупулезно выращивает жемчужины таланта в детских душах. Вместе в 2007 году они придумали название своего творческого объединения ордена (именно ордена!) - ПЕГАС.

Это анаграмма, которая расшифровывается как «Первое Единство Гениально-Активных Самородков». Принцип объединения – добровольный: ограничений по возрастам и по интересам нет. Цель: выявить одаренных детей; сформировать навык стремления к интеллектуальной и творческой деятельности.

Члены ордена – постоянные участники всевозможных городских, региональных и межрегиональных конкурсов и конференций. Их дебют состоялся 18 октября 2007 года, когда команда приняла участие в городской интеллектуальной игре: «Великое слово Н.В.Гоголя: 165-летие книги «Мёртвые души».

Творческие работы авторов из ордена «ПЕГАС» отмечены на нескольких конкурсах. Победительницей II городского конкурса «Улицы Владислава Крапивина» стала Елена Андропова. В июне 2009 года Елена Слинкина заняла 2 место в ежегодном городском конкурсе «Храм моей души». А мультимедийная экскурсия Никиты Кузнецова «Рыжее упрямство» героев В.Крапивина» отмечена сразу в двух конкурсах, заняв 1 и 2 места.

Представляем работы еще совсем молодых, не отмеченных наградами авторов.

Алена Сальманова
выпускница 2009 г.

Меня зовут Алёна, как во многих русских сказках. Живу в Тюмени. В этом году заканчиваю 11 класс. Занимаюсь в кадетской группе, 7 лет занималась современной хореографией, окончила школу подготовки вожатых. Очень люблю песни у костра, палатки, дожди, рассветы и закаты, туманы, люблю горький шоколад, тёплый плед, своего кота, высоту, свободу, ВДЦ «ОКЕАН», Петербург, черно-белые фото дождя, гитару, которой нет ...

Девочка с гитарой

Сижу... Молча, сижу дома на подоконнике. За окном дождь. Серое пасмурное небо. Не пятнами серое, а равномерно, везде одинаково серое. В руках у меня кружка с горячим шоколадом, а на коленях сидит кот. Мурлыкает... Люблю, когда такая погода на улице. Можно посидеть дома, подумать, разобраться в себе, проанализировать свои ошибки.

Вот и сейчас сижу и разбираю свои ошибки. Думаю над тем, что я сделала не так. Ведь если уходит мужчина, значит, его что-то не устраивает в женщине, чего-то не хватает.

От меня как раз-таки ушел любимый мужчина, что-то его не устраивало во мне. Я так и уснула на подоконнике с этой мыслью. Уснула – шел дождь: проснулась – снова он за окном.

Было раннее утро. Я тихо оделась и ушла из дома. Я направилась на крышу старого дома, так и недостроенного, люблю гулять по заброшенным домам.

Я пришла на место, до боли знакомое мне. Дождь продолжал капать, но мне было всё равно. Я сидела на чердаке этого дома. Ждала Его... хоть я и знала, что Его больше нет рядом со мной и уже никогда не будет, но я продолжала его ждать, как и прежде.

Этот заброшенный чердак был нашим местом. Мы любили сидеть здесь вместе и мечтать о будущем, провожать рассветы и встречать закаты, смотреть на звездное небо и искать на нём «Большую медведицу». С ним я забывала про всё на свете: про проблемы с родителями, про экзамены, я терялась во времени и пространстве, находясь рядом с ним.

И вот теперь я здесь одна, с гитарой. Сижу себе на чердаке и потихоньку играю на гитаре.

Уже вечер. Закат во всё небо. Я встаю и иду домой.

Заветное письмо

Ммм... Новый год. В моём представлении он должен пахнуть ёлкой, мандаринами, шампанским... и, конечно же, ЧУДОМ. А у меня в новой квартире только слегка отдаёт запахом мандаринов, которые я только что купила. В моём понимании Новый год должен быть сказкой, его надо встречать в теплой, уютной компании и, конечно же, в родном доме.

Я недавно переехала в новую квартиру, в совершенно новый и мало кому знакомый район. На работе я ещё не успела освоиться, т.к. работаю там всего неделю, а друзья остались далеко от меня, вряд ли я с ними увижусь в ближайшее время, да и адреса они моего не знают.

Придётся обживать нас с моим любимым котёнком вдвоем. Котёнка зовут Мартын, он пушистый и черно-белого цвета, как раз вписывается в интерьер моей квартиры.

Сегодня 31 декабря, а у меня ещё не стоит ёлка. Непорядок! Надо срочно поставить.

Ну вот время уже 18:00 ёлка поставлена, наряжена. Мартын, свернувшись клубочком, спит на диване в гостиной. А я выкладываю мандарины в корзину. Надо ещё успеть разобрать последнюю коробку с вещами.

Вижу в своей спальне, передо мной стоит коробка с воспоминаниями. Открываю коробку, а там лежат разные записки, свечи, вожатская копилка, песенник. И вдруг мой взгляд остановился на гитаре, которая стояла в углу моей комнаты. Я взяла её в руки, ударила по струнам и начала играть свою любимую лагерную песню:

«...Но падают листья, кружится осень,
Мы никогда друг без друга не сможем.
Но падают листья, кружится осень,
Падают листья...»

Что-то я заигралась, на часах уже 22:11. Надо доразбирать вещи. На дне коробки лежала рамочка с нашей фотографией. Почему я её до сих пор не выбросила? Я дорожу этими воспоминаниями. Ведь он был у меня первым мужчиной, я ему за это очень благодарна. Первый раз был самым романтичным и случился 14 февраля, в День всех Влюблённых.

Как давно я его не видела. Сегодня уже последний день декабря, а я его видела в конце августа, и то он просто прошёл мимо, даже не посмотрев в мою сторону. Как бы я сейчас хотела взглянуть в эти родные глаза, почувствовать его запах, ощутить прикосновение его рук...

– Надо переставать жить воспоминаниями, – сказала я себе. – Вот с Нового года и перестану...

Я ещё раз посмотрела на наше фото и убрала его далеко-далеко в ящик, чтобы оно мне не мозолило глаза.

В последний раз окинула комнату взглядом, вроде всё на местах, всё чисто и убрано, вот только гитару надо поставить на своё место. Поставив гитару на своё место, я выключила свет в комнате и пошла в гостиную. В гостиной на диване меня ждал котёнок... и ноутбук. Я села на диван, включила телевизор (просто мне надо, чтобы хоть что-то говорило, не переносу тишину). Я сидела на диване и шарилась в ноутбуке по сети всемирной паутины, залезла на свой электронный ящик, оказывается там столько непрочитанных писем... Пока я отвечала на письма и обновляла фотографии часы протикали 23:58.

По телевизору заканчивал своё выступление президент, куранты начали отсчёт времени. В дверь кто-то позвонил. Я этому очень удивилась, но всё-таки поспешила открыть. В дверях стоял молодой человек приятной наружности. Он принес мне письмо. Письму я удивилась ещё больше, чем визиту молодого человека. Куранты уже закончили отсчёт времени, а я даже желание не успела загадать. Вернувшись в гостиную, я села на диван и открыла письмо.

Письмо было от него. Как-то странно, мы несколько лет не виделись. И как он узнал мой адрес?

«Привет Любимая!

Узнала? Очень на это надеюсь... Все эти годы я пытался тебя забыть, но не смог этого сделать. Слишком многое нас связывает. Я до сих пор тебя люблю и никогда не забуду. Я как сейчас помню нашу мгновенную встречу на остановке, тогда я так и не решился сказать тебе «Привет». Ты была такой красивой и навсегда останешься самой нежной, любимой, милой, замечательной. И даже сейчас, сидя у твоей двери, я не решаюсь в неё позвонить, боюсь, что не примешь. Хотя ты единственная, которая всегда принимала меня таким, какой я есть...»

Я повернула голову в сторону окна и увидела, что за окном идёт дождь. Улыбнулась. Мы оба любим дождь. И помчалась быстрее открывать дверь, боясь не успеть. Я распахнула дверь... Фух... Еле успела, он уже

стоял у перил, собираясь уходить.

Он обернулся, на глазах у него наворачивались слёзы. У меня тоже. Он боялся ко мне подойти, но всё же робким шагом шёл мне навстречу, как в первый раз, опасаясь спугнуть. Я тоже потихоньку делала шаг за шагом.

Мы стояли совсем рядом, смотрели друг другу в глаза и плакали. Плакали от счастья, что вновь нашли друг друга. Он прижал меня к себе и прошептал нежно на ушко:

– Ты мне нужна, я не могу без тебя...

Слезы дождя

«Поезд Москва–Владивосток прибывает к первой платформе на первый путь», – сказала женщина по радио. Я вышла из зала ожидания. На улице было пасмурно, но серое небо не обещало дождя. Волосы трепал ветер, который дул мне в лицо.

Я уезжала на год во Владивосток работать. Я очень долго мечтала об этой работе, я прошла много кастингов и собеседований, и, наконец, меня пригласили работать. Я не раздумывая ни секунды, собрала вещи, купила ближайший билет до Владивостока. И вот теперь я здесь, иду к своему вагону, а провожает меня мой близкий и дорогой человек.

Через несколько минут мы оказались у заветного вагона под номером **11**. Да, у меня был **11** вагон, 3 купе и **11** место. Он не хотел меня отпустить, боялся потерять.

– Если ты никого там себе не найдешь, возвращайся ко мне, – просил он меня.

– Глупый, – ответила я нежно, – я еду туда работать. Мне никто не нужен кроме тебя.

Я помолчала немного и добавила.

– Я вернусь к тебе, ты только жди! – опять молчание – Клянусь... Я обязательно вернусь! Слышишь?...

Он не плакал, я тоже, но я чувствовала, как он роняет слёзы в своём сердце. Он прижал меня к себе. И тут проводница сказала, что через три минуты отправление. Мы вынуждены были расстаться.

Я пошла прочь от него, он оставался, всё так же стоять. Я ощущала на себе его пристальный взгляд, но пересилила себя и даже не обернулась.

Я поднялась в вагон, зашла в своё купе. Окна у поезда были не мытые. Я села у окна. За окном начинал капать дождь. Он, такой родной, милый, стоял как раз напротив моего окна. Поезд тронулся. И я увидела, как у него по щекам текут слёзы... У меня тоже начинали падать, как тот самый дождь за окном.

* * *

Через несколько лет я вновь вернулась в Тюмень.

Был конец августа. На улице было тепло, небо было ясным, и ярко светило солнце. Я стояла на остановке в ожидании нужного мне маршрутного такси. Немного позади я услышала знакомый голос, внутри что-то ёкнуло. Это был он. Ну, конечно, он! Всё такой же родной и милый... именно таким я видела его в своих снах, о таком я мечтала и вспоминала... К нему и только к нему я стремилась сквозь все невзгоды и расстояния. И я вернулась,... Он шел не один, его сопровождала какая-то приятная, милая особа. Она держала его под руку. Он размахивал руками и что-то ей рассказывал... Наверное, мечтали о совместном будущем. А она смотрела на него влюблёнными глазами, кивала в знак согласия и смеялась. Я шла потихоньку им навстречу в надежде долгожданного «Привет». Мы прошли мимо друг друга, и он не бросил в мою сторону даже своего взгляда, просто прошёл мимо. Он был такой близкий, милый, нежный, родной, дорогой, но уже не мой. Он принадлежал ей, а она – ему. От этой мысли на сердце становилось больно. Я ещё немного прошла и остановилась, чтобы посмотреть им вслед. Я обернулась, и мы встретились с ним взглядом... Вдруг пошёл дождь. Я быстро открыла свой черный зонтик и пошла прочь....

Коктейль

– Ты ответишь на мой вопрос?

– Ну да...

– И каков интересно твой ответ?

– Ну да я хочу спать.

– Шучу.

– А я не шучу.

– Я тоже. Знаешь мне просто с тобой хорошо. А ответить на столь глубокий вопрос я не могу. Я не знаю, что делать. И не могу узнать, надеюсь, ты мне в этом поможешь.

– Просто, если я тебе не нужна, то нет смысла продолжать отношения. Не надо мучить ни себя, ни меня. В первую очередь себя.

- Ты хочешь закончить? Да или нет?
- Я не хочу. Но зачем иметь отношения с человеком, к которому ты ничего не испытываешь?
- Знаешь, я просто хочу, чтобы ты была счастливой...
- Так ты меня счастливой точно не сделаешь!
- А на счёт любви и чувств... Ты у меня в спортзале песню скинула, помнишь? Там последняя фраза про меня.

* * *

У неё в голове: «...И Он поклялся больше никого не любить...»

* * *

- Я тоже так зарёкся на «Мосту влюблённых» на выпускном. А насчет меня не беспокойся, побудь эгоисткой, понаслаждайся жизнью. Жизнь штука хреновая. Хотя тебе повезёт...
  - Я не могу так.
  - Как? Я просто не могу... Не могу любить и это мой крест.
  - Я тебя не прошу любить, я сама не люблю. Насильно милой не будешь.
  - Ты сама сейчас всё о себе сказала.
  - Прости...
  - Хорошо.
  - Если я тебе нужна, действительно нужна, дай знать.
  - Я тебе нужен?.. Ответь!!!
  - Да.
  - Тогда я буду рядом.
  - Нет.
  - Ты мне нужна.
  - Не обманывай хотя бы сам себя...
  - Я не понимаю. Если ты хочешь, я буду рядом.
  - Ты этого не хочешь.
  - Я себе вру. Я не хочу тебе зла, я хочу, чтобы у тебя всё было хорошо.
  - У меня всё будет хорошо.
  - Я буду рядом до тех пор, пока буду нужен тебе.
  - Так нельзя.
- А кто решает, что можно, а что нельзя?

Алена Слинкина
выпускница 2009 г.

Одиночество? Оно угнетает каждого, а еще больше угнетает то, что каждый второй человек, живущий в большом городе (или не очень) чувствует себя одиноким. К чему все это... Может, к тому, что не нужно уходить в себя и закрываться от других людей, всегда нужно стремиться к жизни, к позитиву, и во всем, даже в одиночестве искать только лучшее.

Я нашла лучшее в одиночестве. Мое одиночество, которое накрыло однажды меня с головой, несмотря на столь юный возраст, открыло во мне новый талант и доказало мне, что я не такая, как все, главное, это почувствовать и оценить. С трудом вспоминается тот момент, когда я первый раз что-то написала, знаю одно, душе было очень больно и ей хотелось кричать.

Это было эхом моей души.

Прошу не судить строго, ведь я еще только учусь.

Рассказы

***

Её голубые глаза наполнились слезами, а ему было все равно. Он знал, что все этим кончится, но она верила в него, в его любовь. А он её даже презирал.

К чему все это, а к тому, что невзаимная любовь - самая опасная и обжигающая.

Сначала он тебе просто нравится, а потом ты влюбляешься и начинаешь ревновать... даже к подруге.

Может, я и не права, но какая бы любовь ни была – она все равно прекрасна. Главное, чтобы понять, что любишь..., если понимаешь, что любишь, значит, ты чувствуешь и, более того - живешь.

***

Обычный осенний день. Нудный. На улице серо, пасмурно. Местами покрапывает дождь, а ей тепло. Не оттого, что есть кто-то рядом, а просто оттого, что она счастливая. Потому что на душе у нее светит солнце.

Да! Одинокая! Но счастливая! И ей все равно, что она одна. Одна в душе, но рядом есть те, кто всегда помогут и поддержат.

Она изменила все... стиль, музыку, но она осталась прежней.

Забавно, она идет навстречу всему с улыбкой на лице. Пусть трудно. Она не боится. Она верит в себя, и я ей очень завидую. Трудно, наверно, быть одной и идти навстречу всему, даже трудностям...

***

Дождь... серое, полупрозрачное небо, местами уже проглядывали вечерние лучи солнца. Такая погода успокаивала её душу. Она сливалась воедино с природой и закрывалась от людей в своей комнатухе.... Включая свою любимую музыку, она садилась на окно и, приоткрыв его, наслаждалась свежим, хотя холодным воздухом. В такие дни ей хотелось быть одной...

Налив себе чай, она снова села на подоконник. Звонил телефон, а ей было все равно... Ей было нужно побыть одной, осмыслить и, может, спланировать что-нибудь. Что? Это неизвестно никому.

Знаю одно, она хотела научиться летать. Летать не как птица. И не просто чувствовать свободу. Ей хотелось летать от чувств, искренних и добрых. Но с каждым днем она разочаровывалась не только в людях, но и в самой себе...

***

Интересно?! Диагноз: одиночество. Есть ли от него таблетки? И как излечиться от этого? Как сделать, чтобы перестать ощущать себя одиноким? Каким образом? Что нужно изменить в себе? М-м? Ну, что не так? Хочется ощущать поддержку, хочется сидеть рядом и молчать, и все равно будет хорошо.... Когда? Когда придет это время? Когда?

Или, может, я безнадежна? Просто неудачница...
Просто рожденная под несчастливой звездой...

***

Самое трудное для меня – начинать все сначала. С чистого листа писать свою жизнь, веру, надежду, любовь. А, может, у разлуки есть плюсы? Все, что ни делается, все к лучшему. Ну, если все время начинать сначала, ведь можно совсем заплутать в своих недописанных страницах.

Но ведь одно дело начать сначала, а другое – закончить. Самое сложное в жизни – заканчивать все начатое. Многие люди ломаются и останавливаются на полпути. Возникает вопрос, зачем тогда вообще что-то начинать? Зачем стремиться и кричать всем, что я смогу, я добьюсь?

Выходит все эти «кричащие» людишки – несчастные слабаки и неудачники, которые нуждаются в помощи и поддержке. Как говорят уже не один век – на каждом из нас маска. Сильный – на самом деле слабый, а слабый, в свою очередь, сильный. Хочется закончить и поставить точку, но нельзя, нельзя на этой проблеме поставить точку...

Можно долго думать и размышлять, но каждому из нас трудно начинать сначала... Трудно и больно каждому, несмотря на то – сильный он или очень слаб...

***

Обычно, уходя или убегая от одного, мы возвращаемся к тому же. От проблем не убежишь! Неужели судьба играет со мной злую шутку? Навным (т.е. таким, как я) в этом мире достается больше всех! Особенно, если это касается любви, да и вообще каких-то отношений! Лучше рас-

твориться, как сахар в чае или как соль в кипящей воде, чем продолжать жить дальше, но нет, чем больше об этом думаешь, тем больше проблем... Хитрая эта штука – жизнь! Да и злая ...

***

«Сумасшедшая! Дурная! Я тебе эту дурь быстро выбью! Смотри мне!» – так «ласково» он желал ей спокойной ночи. Для нее - отец. Уже несколько месяцев она избегала его и никак не шла с ним на контакт. Ей было больно, обидно. «Как никак он мой папа. Почему он со мной так? За что?» – каждый день она задавала себе этот вопрос.

«Бедная!» – говорили ей подруги, а она лишь смеялась и говорила в ответ: «Сама виновата! Не переживайте! Все будет хорошо». Осознавая все это, она не хотела возвращаться домой. Её совсем туда не тянуло.

И вот однажды, вернувшись домой с учебы, довольно-таки поздно, она, по своему обыкновению, уселась за уроки.

Все смешалось в одну кучу...
Разгорелся скандал.

Вся в слезах, она собрала вещи, подошла к маме и сказала, шепнув на ухо: «Я уйду, ты не переживай, уйду! Не плачь! Этого делать не стоит. Со мной все будет хорошо, завтра я свяжусь с тобой». Поцеловав её и младшенького, она мило улыбнулась, взяла вещи и закрыла за собой дверь.

– Куда она? – закричал отец.

– Она?! Жить! И строить свою сказку! – тихо прошептала мать и в слезах ушла на кухню.

Мама долго не могла уснуть. Она сидела на кухне и как будто чего-то ждала. И тут... звонок. Номер был засекречен.

– Мам, я дома! Пью чай! Со мной все хорошо. До завтра! Целую, спокойной ночи!...

Тут пошли гудки. Мама поняла, что все хорошо и пошла спать. А засыпала она с чувством гордости за свою дочь: «Она сильная! Она сможет! Она моя дочь!»

***

Что-то есть вокруг такое необычное, романтическое. Уже цветут яблони, все зеленеет. Город порхает от влюбленных взглядов. Все уже на улицах, ищут свою вторую половинку. А я сижу на подоконнике и всего лишь мечтаю.

Над городом ночь, из колонок какая-то грустная музыка, а я жду. Ведь настоящая любовь приходит внезапно, и ее нужно ждать. И пусть будет одиноко и грустно. Потом все окупится. Нежностью и ласками... А все-таки, что-то изменилось вокруг? Может, дело во мне? Не знаю..., да и впрочем, это не важно. Ведь все хорошо! Все прекрасно!

Да, не спорю, до сих пор больно и обидно, но надо жить! Только посмотри вокруг. Ведь все так хорошо! Легко и просторно! Жизнь прекрасна!

Литература

Рифма

Авторы рубрики «Рифма» – люди разных профессий и увлечений, которых объединяет одно – потребность в стихосложении.

В апреле 2009 года они объединились в региональную общественную организацию «Поэты Тюменской области». «Единство позволяет искать друзей по интересам, стимулирует живое общение и реальное взаимодействие. Отражает, передаёт, сохраняет исконную культуру городов и народов Тюменской области, их идеологию и традиции. Оказывает активное влияние на культурное развитие регионов» – написали они на своей страничке на сайте «Стихи. ру».

– Мы поэты-любители, - говорит руководитель организации Светлана Печеникина. – Поэтому не стали стучаться в двери Союза писателей, решили объединиться самостоятельно.

... Для публикации в альманахе каждый автор написал о себе несколько слов. Мы не стали ограничивать их какими-либо рамками, каждый сказал то, что счел важным.

От редакции

**Альбина
Гавриш**

Родилась в Забайкалье. Живу в Тюмени. Сибирской души человек. Seriously начала заниматься стихотворчеством в 2005г. Сейчас уже не представляю себе жизни без него. Поэзия живет во мне не для того, чтобы ею болеть, а для того, чтобы лечить... и, может быть, не только себя. Автор двух поэтических сборников (издания 2007, 2010 г. Тюмень)

Волки - не люди, люди - не волки

Стонущий лес и январского неба румянец.

Хруст от шагов и такая нежданная встреча –

Волк с перебитою лапой, застрявший в капкане...

Сытые люди калечат... калечат... калечат.

Серого жаль, но жалеть ли ему человека?

Если ни прыгнуть, ни сгрызть, то хоть острые зубы

Жёлтым огнём подсветить из-под волчьего века,

Чтобы и сила его, и отвага на убыль.

В морде оскал, что вместо звериного крика:

Пойман – не мёртв! Не иди на досаду с враждою!

Если трухач, то хватило б и этого рыка, Только не трус с переярочной сплёлся тропюю.

Связана пасть ледяною мужскою рукою.

В лапах передних – петля и затянутый узел.

В ярких глазах полнолунных – готовность к покою,

Видно, слюна роковая в капканьем укусе.

Тихо... лишь птицы на ветках еловых судачат...

Жгут и на сломанной лапе – дощечка.

Время – тропа, но бывает, что время

– удача,

Это как с пулей незрячей глухая осечка.

Стала светлей благодарная волчья морда.

Жив... и на волю отпущены зубы да ноги...

Добр человек... он походкою медленной твёрдой

В снежный свой дом зашагал по ухабной дороге.

Друг – человек, а подругой навеки волчица,

Это его лебединая крепкая верность.

Вот она лижет сугроб, а вот она мчится...

Вот она в ноги с поклоном и счастьем безмерным.

Не было пуль, но под шкуры попал, как в десятки.

Ластятся звери и взглядом чужим не уронят.

Волк – не простак, но дружить, так

дружить без оглядки,

Если его без оглядки спасали ладони.

Ветер скулит... и опять необычная встреча...

Что ж ты одна прибежала и стонешь в колени?

Сытые нелюди ... (люди-то кормят и лечат)...

Мёртвый не пойман. Взлетевший на небо – не пленник.

**Вячеслав
Кориков**

Родился 12.04.1962. Живу в Тобольске.

Член тобольского литобъединения «Слово» с 2009 года. Мои стихи опубликованы в сборниках «Отражение», «Бег», «Три желания», «Парадоксы творчества», «Цветные строчки», «Нам поют ангелы», «В мире цветов», «Радуга» и других сборниках и журналах.

Не зови меня...

Не зови меня, не брани меня
Не ласкай меня уговорами.
Пожалей меня, отпусти меня
Пусть склюют меня злые вороны.

Пусть нальют вина, и споют друзья
Подзаборную песнь печальную.
Пусть снесут меня, растрясут меня,
Бросят битого в стель бескрайнюю.

Буду там лежать и искать звезду,
Разволнованный, до икоты я
Проклинать себя, проклинать судьбу
И решать вопрос, всё же, кто ты мне?

Я прилягу в поле золотых цветов... (Посвящаю дочери.)

Я прилягу в поле золотых цветов
Одеялом-мглою скроюсь в мире снов.
Шелестит дубрава - колыбельная,
Защебечет птаха трель вечернюю.

Протяну ладонь свою к ночнику,
И зажгу на небе грустную луну.
Серебром покроются реки и поля,
Ах ты ночка тёмная - щедрая душа!

На подушку-облако голову кладу,
И в мерцанье речки к снам я поплыву.
Мне приснятся дальние берега,
Где не побываю я никогда.

Праздника не будет

- Праздника не будет!!! - он кричал в
водосточные трубы небес,
Он тупил, он бесился, он в полном бес-
силии слез.
Странный город с церквями расширил
от крика зрачок,
Встрепенувшись устался в облако
скинутых строк.

На болотной трясине гниют эти строч-
ки в дерьме,
Их лягушки с надтреснутым кваком
читают во сне.
Наступила весна разъядренились чувства
в круги,
Но кому теперь надо читать те стихи
о любви?

Я и Он уживаются вместе в моей голове,
Если первый вздохнет, почему-то хре-
новенько мне,
Если я заартачусь и буду с ним дерзок и груб,
Я услышу мелодию ржavo-встревоженных
труб.

Ночь накрыла пеленой...

Ночь накрыла пеленой, тёмною вуалью
Домики, что над рекой, скрытою печалью.
Серебристая река движется не слышно
Огибая берега осторожной мышью.

Шелестит прибрежный плёс тихую волною
И склонилась луна молча над водою.
Опустила волосы, голову омыла
Их встряхнув, опять вокруг всё посеребрила.

**Ирина
Жгурова**

Родилась 23 октября в селе Омсукчан, Северо-Эвенского района, Хабаровского края. Город моего детства – солнечный райский уголок Аксуек - остался только в памяти и на нескольких старых сохранившихся фотографиях. Город моей юности - изумрудный Фрунзе теперь в другом государстве. Город моей жизни и родина моих детей – изумительный, уникальный и прекрасный город Тюмень. Стержень всей моей жизни – любовь и доброта. Пишу для тех, в основном, кто не забыл своего детства и восприятия мира в юности...

Повесть «Глазами детства» опубликована в литературном сборнике «Отражение» № 21.

Повесть «Юность спящего бутона» опубликована в литературном сборнике «Отражение» № 23.

Сборник рассказов «Чудеса в студию!» опубликован в литературном сборнике «Отражение» № 24.

Мелодия брызг

*В Тюмени летом неустанно
Богини года дарят всем
С хрустальным кружевом фонтана
Подарки в трепетной росе.*

*Зима подарит вдохновенье,
Весна - любовь и цвет мечты.
От Осени - жар наслаждения,
От Лета - всплески красоты.*

*Когда прекрасные богини,
Добавят шарм в коктейль жары,
То испарится вмиг уныние,
С прохладой мелодий брызг.*

Видение холста

*Теплом воздушного и пряного потока,
Из точки вырос плат нетканого холста. В воображаемом холсте на миг возник,
И тотчас вечноности недремлющее око, Смотря мне прямо в душу мудрыми очами,
Морнув, заметило - возникла красота. Нерукотворный многоцветный вечный лик.
Палитра мягколапым пледом*

*разноцветным
Асфальт накрыла, благодарно обняла.
И, внемля мыслям, тайным помыслам
заветным,
Великолепье красок извне принесла:
Цвет шоколадный - дар коры ветвей
древесных,
Ромашки нежной блеск слепящей белизны,
Синь бирюзы - от волн морей и рек небесных,
Цвет свежей травки с ароматом новизны.
Цвет золотой подарен щедро куполами,
Цвет чёрный каплей - нить от
скорбного платка,
Цвет красный - девичьей улыбки жар и
пламя,
Цвет зорь - румянец нежной розы лепестка.
И взмахом собранными мыслью в кисть
лучами,*

«Москва» на Туре

Сверкнуло солнце куполами -
 Лучи ласкают их с утра.
 Течёт в обнимку с берегами,
 Через Тюмень река ТурА.
 Весенним холодком пронзила,
 Засеребрившись, синева.
 И водным смехом окатила

Тюменский теплоход «Москва»
 Поток улыбок закружился
 с водоворотом за бортом.
 Гул с плеском песнею сложился,
 она припомнится потом,
 Чтоб на мгновение представить,
 Что проплывали океан.
 И с песней в памяти оставить,
 Всех мыслей солнечный фонтан...

Галина Грицаченко

Родилась 24 мая в Свердловской области Слободо-Туринского района в деревне Мельниково. В Тюмени живу с 1977 года.

Соловей и Сова

Сладкоголосый Соловей,
 Пел нежно посреди ветвей.
 Сова от песни этой разомлела,
 И к Соловью на веточку присела:
 «Ах, Соловей, как хороши куплеты,
 Давай с тобой споём дуэтом!»
 И рассвистался Соловей,
 О красоте родных полей,
 О звёздах, в небе одиноких,
 О синеве небес глубоких...
 «Сова, что ж ты не подпевала?!»
 «Угу, угу!» - в ответ сказала,
 И снова Соловей запел,
 О том, что ветер налетел,
 Расплёл берёзке юной косы,
 Что поутру сияют росы...
 «Что ж не поёшь ты в унисон?!»
 «Угу, угу» - услышал он.
 И снова Соловей поёт,
 О том, что солнышко взойдёт,
 Что розы цвет проникновенный,
 От грубых к ней прикосновений.

Сова усердно подпевала:
 «Угу, угу, угу!» - и всё сначала.
 И эхо вторит ей в ответ,
 - Не получается дуэт!
 Вернее, может, получился,
 Но с Мышью обморок случился,
 Трясётся Заяц под кустом,
 Бойтся возвращаться в дом.
 И улетел Соловушка с досады,
 В другом лесу поёт он серенады.
 Сова - же ночью каждой, с упоением,
 Кричит своё «Угу!» с остервенением.
 Пугая бедных жителей лесных,
 Но ей, как видно, совершенно не до них.
 От пения того - мороз по коже,
 Уж коли ты двух слов связать не можешь,
 И нечего сказать тебе в ночи
 Закрой свой клюв и лучше помолчи!

Святая Русь

Не в мегаполисе, средь копоти и дыма,
 Не во дворце, богатом, золочёном,

*Живёт Святая Русь в лугах необозримых,
В берёзке и в иконе закопчёной,
В избе из деревянных брёвен, с мохом,
В забористой частушке под гармонь,
Живёт Святая Русь, под божьим оком,
Пока горит в печи огонь.*

*И в каждом спелом колоске пшеницы,
Частичка русской неразгаданной души,
В глазах печальных, загрубевших лицах,
Тот огонёчек слабый мельтешит.
Когда я снова в отчий край вернусь,
Колоколов рождаются в сердце звоны,
Посмотрит на меня Святая Русь
Глазами Богородицы с иконы.*

Сибирь моя

*Сибирь моя, сокровища земли,
Ты отдаёшь нам щедрою рукою,
И нефть, и газ, и прочие дары,
Даешь нам с материнскою любовью.
Бескрайняя, зелёная тайга,
Кедровые орехи запасает
Иртыш седой, Оби прекрасной полнота
Нас рыбою заботливо снабжает.
Не оскудеют кладовых запасы,
Мы собираем белые грибы,
И пусть в лесу не зреют ананасы,
Но клюквы - хоть лопатою гребь.
Прекрасней нету утренней зари,
Сохатый ходит важный и красивый,*

*Весною так токуют глухарь,
Что не захочешь песни соловьиной.
И пусть комар и мошка донимает,
Зимой - пурга и злые холода,
Романтику тайги не поменяет
Сибирский люд на тёплые юга.*

Россия

*Я люблю это небо, без конца, голубое,
Белой птицею мне бы, полетать над
землёю.
На бескрайние дали посмотреть с высо-
ты,
Ведь увидишь едва ли, снизу той красоты.
Над гречишным бы полем запах мёда
вдыхать,
И лугам васильковым, своё сердце от-
дать,
Опуститься на землю в дом уютный
войти,
И покой неизменный в этой жизни найти.
У натопленной печки свежий хлеб над-
ломить,
У заплаканной свечки, все грехи замолить.
Пить берёзовый сок, рвать цветы по-
левые,
И молить, чтобы бог, не оставил Россию.*

**Олег
Астафуров**

*Живу в Тюмени. Это один из самых красивых городов России. Многие, из наших мест, вдоль и поперек исколесили и северную тайгу, и приполярную тундру. Работать в экстремальных условиях - это норма жизни тюменцев. В своих же стихах, прежде всего, мне хочется высказаться.
А, как получается, не мне судить.*

Уходящая душа

Луч звезды над городом пустынным.
 По нему проходит босиком,
 русская душа моя в холстине
 на груди с сияющим крестом.
 Кто мне скажет, что с душой творится?
 Может, надоели города,
 где хотела добротой делиться,
 а над ней смеялись как всегда.
 Может быть, теряя все надежды.
 ничего не смея рассказать,
 от тоски в холстиновых одеждах,
 просто вышла в небо погулять.
 Я ее возьму и нарисую,
 в черно белых красках без прикрас:
 на луче, с крестом, в холстах, босую,
 в небо уходящую от нас...

Белый город

Я не пошлю письмо, звонить не буду,
 Про жизнь в балках стихами расскажу,
 Чтоб знали все, как в тундре живут люди,
 Как с ними я одной семьей живу.
 Над тундрой факела ночами светят,
 Весь звездами усыпан небосвод,
 А думы у бродяг одни:
 Что где-то, их кто - то любит,
 И, быть может, ждет.
 Наш вахтовый поселок как на блюде.
 И в это блюдо северных снегов,
 Со всех краев поналетели люди,
 Чтоб отдохнуть немного от грехов.
 Святых, здесь, нет.
 Не много и не мало:
 На свете белом всякое грешим.
 Ну, а когда, нас жизнь совсем достала,
 То, мы сюда, на край земли спешим.
 Тут, «без базара» выдают: лопаты,
 Бульдозеры, машины, помазки.
 И пашут наши brave ребята,
 И я «пашу», спасаясь от тоски.

И нипочем мороз, и снежный ветер,
 Хотя, бывает так, что сталь скрипит,
 А кто-то, наслаждаясь, врет о лете,
 И о девчонках любит говорить.

Мираж

Белый город, там на горизонте!...
 И с месторождения Тобой,
 люди смотрят, позабыв работу,
 на мираж над тундрой ледяной.
 Там богиня на оленьей шкуре
 в чуме ждет
 пропадающего меня.
 К миражу иду по белой тундре,
 чтобы с ней погреться у огня.
 Белый город там на горизонте
 в колдовской и призрачной стране...
 Тишина в ушах,
 на высшей ноте...
 Наяву, то было, иль во сне?

***

Месторождение Тобой,
 Здесь, тундра вспахана как поле.
 Мы на семи ветрах с тобой,
 Работаем, как черти, Коля.
 И что нас занесло сюда
 - в пустыню Снежной королевы?
 От непосильного труда,
 Поизносились наши нервы.
 Наш факел – «огненный цветок»
 Рассеет ночь над тундрой голой.
 Ты, здесь, для всех «хохол Колек»,
 А дома все зовут: - Миколой.
 По тундре бегаем вдвоем,
 И снег копаем как олени,
 Но для тебя я «москалем»
 Останусь в призрачной Тюмени.
 Есть дело общее – «труба»,
 Мы как хотим ее раскрасим. ..
 Шагают с ведрами два лба,
 Катают валики по трассе.

**Денис
Ахмадиев**

Родился 19 марта 1986 года в Сургуте. Живу в Тюмени и намерен связать с этим городом свое будущее. Стихи пишу со школьных лет.

Нам на судьбу пенять не ново

*Нам на судьбу пенять не ново,
На трезвый ум иль от вина,
Что мол, судьбы – закон суровый
И уж не наша в том вина.
К тому, бывало, прибавляя:
«Я безутешно удручен
Своею жизнью прославляя
Такой бесславный стык времен!»*

*Подобных исповедей, реплик,
Хватало в разные года,
Их источать унылый скептик
Не перестанет никогда;
То в меру ведая и зная,
Вниманья мог не обращать,
Пока меня мыслишка злая
Сама не стала посещать.*

*А взяться было ей откуда:
Открылись тысячи ворот,
И обезумевшие люди,
Ушли в товарооборот.
И по бескрайним, по просторам
Гоняла чуждая мораль.
Кто приспособился – те в гору,
Кто нет – простите, очень жаль.*

*Но и для них нашлась отрада:
Резвится голубой экран,
И вторит: «Думать здесь не надо,
Присядь лишь только на диван.
Гляди диковинки из Землищ,
Где никогда ты не бывал.
Таких не видывал ты зрелищ,
Таких хлебов ты не жевал».*

*Предавшись дикому веселью,
Впустив его в угоду дней,
Нас закружило каруселью*

*И оторвало от корней.
Диктуют деньги злую повесть,
Забыт истории урок;
Так, нынче не в почете совесть,
А бедность, больше чем порок.*

*Но слышен колокольчик звонкий,
Сквозь волны и столбы басов;
Держись, родимая сторонка,
Заблудшая меж полюсов.
Мы переварим ту отраву,
Пусть не ликует лютый бес.
Держись, и возродись по праву
Земля, хранимая с небес!*

Цепочка жизни

*«Спасибо, что проведала отца,
А ты, внучок, на деда не сердчай.
Старик обнялся с дочкой у крыльца,
И ветер им нашептывал: «Прощай».
Не запирая двери на засов,
Старик вернулся к креслу, не спеша,
Под тиканье запыленных часов,
Что гнали время, волю предреша.*

*«Уж ладно, я слышал ее шаги,
Пусть рядом постойт еще чуток.
Чуток еще меня побереги,
Мне станет утешеньем этот срок.*

*Немало в своей жизни я встречал
И радостей, и горестей потерь.
И вот, совсем уж близок мой причал,
Неужто все закончится теперь?».*

***

*А где-то, на другом конце Земли,
Младенца крик прорезался в ответ.
Цепочку жизни двое сберегли,
Чтоб ветер мог нашептывать: «Привет».*

**Наталья
Неустроева**

Родилась 17 ноября, живу в посёлке Антипино в пригороде Тюмента, который, славен своими жителями, как и многие другие населенные пункты нашей Родины.

О тебе, Тюмень!

*Что рассказать мне о тебе Тюмень?
Какие подобрать слова,
Чтоб предыдущий и, чтоб будущий
твой день*

Я выразить в стихах могла?

*Быть может заново открыть учебник,
Почувствовать, как говорит строка:
- Я - сибиряк! Я твой прямой наследник
Дружина доблестного Ермака!*

*Где строились таежные остроги,
Сооружали в лесах крепости стрельцы,
Там проложили новые дороги,
Воздвигли храмы, с позолотою кресты.*

*Прошли года. Да, лет ушло немало.
Поплыли теплоходы по Туре.
Заводы, фабрики явились, как начало
Эпохи новой, предназначенной тебе.*

*Расти, Тюмень. Приумножай посевы,
И всходы новостроек собирай.
Для нас всегда ты будешь лучшим,
первым
Любимый и родной наш край!*

Коровки

- Кто пасется на лугу?

А в ответ лишь «Му», да «Му».

Экий ведь ребенок!

- Просто, я - теленок.

*Мы пасемся на лугу,
Вместе с мамой поутру.*

Мама у меня - Корова,

Папа Бык – остался дома.

Я вам вот, что расскажу:

Гляжу я как-то на траву,

А там неведомый жучок –

Красный, словно огонек.

Откуда ты мог взяться тут?

Скажи мне, как тебя зовут?

А он ползет себе, ползет,

Вперед назад, и взад вперед.

Я познакомиться хотел.

Смотрю, а он уж улетел.

– Как называется жучок? –

Спросил у мамы наш бычок.

- Ах ты, глупая головка!

Это Божия коровка!

И хоть названья схожи,

Мы с нею не похожи.

Они летают в небесах,

А мы пасемся на лугах...

Промычал бычок уныло:

- Разве это справедливо?

**Олег
Денисов**

Родился 18 сентября 1976г. Живу в Тюмени.

Ты из этой весны, а я просто из осени   Где свет твой, Ра?

*Ты из этой весны, а я просто из осени.
Мной заложен в ломбард смысл слова
«любить».*

*Не проси пересдать, коль уж карты
так бросили.
Я ведь тоже умел по щенячьи скульпить.*

*Ты из этой весны, а я прямо из осени.
Нас остудит дождём недосказанных
слов.
Я на утро сойду с твоей скомканной
простыни.
У тебя ещё много недосмотренных снов.*

Не будет слов...

*Не будет слов в почтовый ящик.
Бумаге хочется курить.
Я, может, стал немного чаще
Искать ошибки в слове «жить»...*

*И ранит в сердце то, что греет...
С немым вопросом «почему?»
Душа растерянно стареет,
Подсев удобнее к огню...*

Роза без шипов уже не роза...

*Роза без шипов уже не роза,
А шипы без розы всё ж шипы.
Чувствовать дано уколы кожей,
Наносить их – свойство красоты.*

*Пусть изодраны ладони очень.
Дотянулись всё же до цветка.
Хуже, когда сердце кровоточит,
О шипы, поранившись слегка.*

*Лижет,
Всё глубже и ближе
Дышит мой страх.
Держит,
Ножом тупым режет
Сердце в руках.
Манит,
Зовёт и тянет
Квадрат окна.
Слышит,
Читает и пишет
Папирус Ра.
Спорят,
Ломают и строят
Ангелы храм.
Верят,
Румянят и белят
Лица богам.
Чаще,
Злее и слаще
Дышит мой страх.
Бьётся,
Дрожит и смеётся
Сердце в руках.
Вынуть,
Обняться и скинуть
В квадрат окна.
Душно,
Как стало душно.
Где свет твой, Ра?*

**Алексей
Батраченко**
(Уходящий попутчик)

Родился 8 октября 1961. в Тюмени, где и живу в настоящее время. Публиковал стихи в газете «Тюменская Правда».

Однажды

Однажды, плутая с ружьишкой по чаще,
Узрел я избушку, на ножках куриных,
А в ней, за березовой дверью скрипящей,
Старушку и кучу предметов старинных.

- Откуда, соколик? - Спросила старушка,
На лавку из дуба отложив вязанье.

- От Господа Бога. - Шепнул ей на ушко,
- Велел привести тебя для наказания.

- Милок, не губи, умоляю, не надо! -
Взмолилась старушка, упав на колени.
- Мне б годиков триста пожить еще надо,
Скажи, что уплыла на север по Лене.

- Возьми все добро, коль не вышло из моды,
Тут и самобранка, и меч-кладенец,
Ковер-самолет, сапоги-скороходы,
А там вон в ларце то - Кошечка конец.

- Ну, ладно. - Сказал я старушке убогой.
- Замолвлю словечко, пльиви, пока лето,
Харчи забери, но вещички не трогай,
А я перед Богом отвечу за это.

Довольная бабка пропала в тумане,
А я, расстелив самобранку в избенке,
Стерляжьей икорки поев из лохани,
За здоровье Господа выпил водчонки...

А ты помнишь...

Пачка «Примы» на кромке стола...
Приглушённые крики конвоя...
Вот и снова судьба их свела,
Как, когда-то, в «эпоху застоя».

Один – опер, другой – бандюган,
Расстрелявший на площади мэра,
Тихо шепчет майору: – Братан,
А ты помнишь ущелье Панджшера?

А ты помнишь, как кровь утирал
Рукавами солёной тельняшки,
Как последний глоток оставлял,
Для меня в алюминиевой фляжке?

Не забыл ли, братишка, ребят,
Что остались в сожжённом КАМАЗе?
Они ночью со склонов глядят,
Как мы тут преклоняемся мрази.

Мы у разных барьеров теперь,
И за жизнь свою – сами в ответе,
Но поверь мне, Серега, поверь,
Этим гнидам нет места на свете...

Я давно уж, Серёж, не жилец,
Потому что вернувшись с Афгана,
Обнаружил под сердцем рубец,
От фекалий, что льются с экрана.

**Светлана
Печенкина**
(Светлана Хохлова)

Родилась 11 октября в Тюмени.

Периодически печатаюсь в сборниках «Парадоксы творчества», журнале «Цветные строчки». Принимала участие в литературном проекте «Слёзы России». Мои стихи вошли в сборник гражданских стихов и песен поэтов-современников «Листая жизни календарь». Редактор Е.П.Кисляков, издательство «Нива», 2008г. Стихи можно прочесть в литературном альманахе «Золотая строфа» 2009г., в серии книг «Жизнь начинается с любви...» издательство «Эль Эстр» 2010г. .

Мне нет милей родной земли

Ты звал меня в тенистый сад,
Туда, где зреет виноград,
В родной аул среди серых гор,
Из звёзд сверкающих шатёр.

К родной земле любви полна,
Я слов твоих не поняла.
Среди берёз меня найдёшь,
Тогда, конечно, всё поймёшь.

Здесь синь бесчисленных озёр.
Есть здесь сверкающий шатёр.
И здесь, в лугах, с тобой вдвоём
Мы день за ночью проведём.

Здесь, то же есть тенистый сад.
И так же каждый другу рад,
И так же - любят, так же - ждут,
Работают, не опуская рук.

Меня не мучай, не зови.
Мне нет милей родной земли.
Я не смогу без воли жить,
Средь твоих гор тебе служить.
Я здесь хочу летать, как птица,
Взмывать и падать, не разбиться.
Я здесь хочу творить и жить.
Я здесь хочу любимой быть.

Мотылёк

Мне казалось, буду вечно молодой,
Никогда не стану старой и седой.
Мотыльком стремилась я на ясный свет,
Оказалось, очень краток «бабий век».

Отлетала, отпорхала, мотыльком,
Обожгла я свои крылья огоньком...
Догорает средь небес моя звезда.
Как мне хочется ещё придти сюда!

Посмотреть на синь небес и цвет полей,
И увидеть клин летящих журавлей,
Мотыльком вновь в этом сложном мире
быть,
Радость людям на земле всем подарить,
Любоваться в поле летнею зарёй.
И не думать, что такое есть покой,
И не думать то, что стану я седой,
Думать то, что буду вечно молодой.

Моё счастье

Благодарю тебя судьба
За твой подарок в день рожденья.
Как много лет его ждала!
И вот он здесь, как привидение.
Всё те же руки и глаза,
Всё тот же мне желанный голос.
Всё те же нежные слова,
Лишь сединой подёрнут волос.
Объятья, будь то бы во сне.
Пятнадцать лет, совсем не мало.
И на полу упавший плед.
Комками сбиты покрывала.

... Опять сплошная пустота.
Окно во двор, а там ненастье.
Он вновь ушёл, как и пришёл.
Быть может в этом моё счастье?

**Догалак
Оспанов**
(Догалак Юргинский)

Родился в Рузаевке Кокчетавской области 11 ноября 1950 года.
Средняя школа...Факультет журналистики КазГУ им. С.М.Кирова в 1976...10 лет работы завотделом писем в Рузаевской районной газете «Ленинец»...5 лет - заместителем редактора Кокчетавской районной газеты «За коммунизм», благополучно позже переименованной в «Степные зори»...два года работы корреспондентом областной ведомственной газеты «Экологический вестник»...
С весны 1994-го года в Юргинском. Работал до 2000 года в районной газете «Призыв». Печатаюсь в газетах «Тюменская область сегодня» и «Труд в Тюмени», материалы, стихи... В ноябре 2005 года во «Вратах Сибири» №17 вышла подборка моих стихотворений.

Старикам Юргинского

Что ж сказать мне о местных дедах-стариках?
Реже вижу их – так непривычно! –
По дороге «за хлебом», ведь именно там
Поутру мы встречались обычно.

Мы здоровались чинно...ворчали, шутя:
- Что там с пензией? - Как и с получкой!
...Вижу, очередь - реже! То годы летят,
Выбивая, как правило, лучших.

Эти дедушки – лучшие парни страны:
Под Москвой, в Сталинграде, под Кур-
ском
Были крепче, чем, может быть, тот же
гранит,
Били крепко... короче, по-русски!

...Вновь – сухой некролог... Эх, да что
говорить?!
Закипает в душе моей ярость,
Ведь когда-нибудь не с кем здесь будет
курить,
Проклинаю погоду и старость...

Ненаписанное сочинение

Озадачен новым сочиненьем
Утомленный классиками класс;
Что мне класса страхи и волненья,
Если вижу я тебя сейчас?

Ты сидишь, склонившись над тетрадкой
За четвертой партией у двери,
И слежу я за тобой украдкой, -
Сердце, на мгновенье хоть замри!

О Татьяне пушкинской ты пишешь,
И сама не знаешь, может быть,
Что милей тебя нигде не сыщешь
И нельзя тебя мне не любить.

За окном – шестнадцатое лето –
Лучшее из всех минувших лет,
Разве раньше было столько света
И тепла на ласковой Земле?

Не сказать!.. Я лишь смотрю украдкой,
Как ты нервно поправляешь прядь;
Класс кладет на стол свои тетрадки,
Предо мною – чистая тетрадь...

**Станислав
Пенявский**

Родился 23 августа 1952 года в Барнауле, детство и юность прошли в Ишиме, откуда призвали в ряды С.А.

Стихи начал писать в 1971 году (срочная служба в Москве). Служил в Вооруженных Силах 17 лет из них в РВСН 10 лет (под Тюменью и в городе Алейск Алтайского края). Вновь начал писать с 1976 года. Издал один сборник стихов (самиздат), печатался в газетах и журнале «Знаменосец». С 1981 года живу в Сургуте.

ГРЭСы (Посвящено Сургутским ГРЭС-1 2)   Давай споём

*Над великою тайгой,
Словно корабли по морю,
Проплывают чередой
ГРЭСы предо мною.*

*Дым клубами из трубы-
Белый, словно вата.
И стоят вдали столбы,
И бегут куда-то.*

*Киловатты в проводах,
Словно кровь в тех жилах.
И тепло стоит в домах,
И светло в квартирах.*

Гроза

*С неба капли дождя, словно слёзы,
Омывают печально цветы.
И в безумии мечутся грозы,
Ветер гнет, словно травы кусты.*

*Воздух свеж и на вкус так приятен,
В небосводе раскинулся мост.
Лес омылся - красив и опрятен
И грибы поднялись в полный рост.*

*Как давно не держал я гитару
И не трогал струны дорогой.
И не пел я с Серёгой на пару,
Жизнь покрыла меня сединой.*

*Может вместе споём напоследок,
Я в Сургуте, а ты в Колыме?
Угостим за столом мы соседок
И взлетим на уставшем крыле.*

*И как будто бы не было вовсе
Этих лет, что прошли чередой.
Мы споём лебединую песню
И умчимся с весенней водой.*

*Ну, играй, ну играй дорогая,
Семиструнная, душу согрей.
Пролетела как пуля шальная
Жизнь моя, сколько горести в ней.*

**Евгений
Соснин**

Родился 6.03.1970г. в Челябинской области, г. Троицк, до 10 лет жил в г. Тольятти, с 1981 проживаю в Нефтеюганске. Стихи пишу с 1990 года.

Моя Сибирь

*Нас родители сюда везли вагонами.
И вахтовиков тот поезд вёз -
Нефть здесь добывали мегатоннами,
Поезд назывался «бичевоз».*

*Вахтовик пах очень перегарами,
И дешёвым дымом папирос.
Ехали мы с пьяными гитарами,
В край, где отморозить можно нос.*

*Деньги добывали здесь по-чёрному
(Не было дороги здесь из роз)
Люди, на лишенья обречённые -
Мерзлота, болота, гнус, мороз.*

*Стимул был – в места обетованные
Длинный рубль манил к себе взасос:
Заработать на квартиру с ванной,
И решить финансовый вопрос.*

*Мама-одиночки и романтики,
Юноши, что жили не всерьёз,
Шофера, электрики, нефтяники –
Всяк навечно к Северу прирос.*

*Север охмурял всех не бульварами -
Там балок по двери в глину врос,
Не культурой, с ценными товарами,
У людей на дружбу вечный спрос!*

*Не найти на свете, кроме Севера,
Мест, где так у дружбы смысл прост:*

*Поделись теплом, цени доверие,
И ступай на крепкий дружбы мост.*

*Вырос здесь и я, и это – здорово,
Ведь ценить тепло души и гроз.
Научили не красоты и не золото,
А милейший дедушка Мороз.*

*В Западной Сибири лето с грозами,
Пролетает, словно Фантомас –
На восьмое марта - снег с мимозами,
В день последний августа – снег в глазах.*

*На «Большую Землю» новосёлами
Кто-то уезжал не в первый раз:
Не смогли остаться там весёлыми,
Возвращались – «лето не для нас!»*

*Когалым, Сургут, Урай, Берёзово,
ПокАчи, Надым и Лангепас.
Куцыми сибирскими берёзами,
Этот край влюбил в себя всех нас.*

Литература

В помощь учителю- словеснику

**Наталья
Рогачева**

Мир русской истории в сказке П.П. Ершова «Конек-Горбунок»

Сказка Петра Павловича Ершова «Конек-Горбунок» входит в золотой фонд русской детской литературы и по праву занимает одно из ведущих мест в учебных программах по литературному чтению для начальной школы, а также в программах по литературе для среднего звена общеобразовательной школы. Трудно представить круг семейного чтения без этого яркого произведения русской классики. Оно неоднократно интерпретировалось на языке других искусств: живописи, балета, кино. Мотивы «Конька-Горбунка» можно встретить в творчестве многих русских писателей второй половины XIX–XX вв.

В 2009 году знаменитой сказке исполнилось 175 лет. И, как часто случается с классическими текстами, оказалось, что «Конек-Горбунок» еще не прочитан до конца, его смысловой потенциал превосходит все существующие исследования и трактовки. Сложность и глубина произведения, написанного девятнадцатилетним Ершовым, настолько впечатляют, что породили версию об участии А.С. Пушкина в создании «Конька», переросшую в убеждение целого ряда исследователей в пушкинском авторстве текста¹. Данный вопрос не волновал современников Ершова и Пушкина, теория «иноного авторства» возникла только в конце XX века, когда за внешне простым сказочным сюжетом исследователи рассмотрели многослойный подтекст.

С другой стороны, временная дистанция между автором произведения и читателем становится все более ощутимой, и, видимо, не только ребенку, но и взрослому читателю не так-то просто войти в художественный мир «Конька-Горбунка», увидеть его во всей жизненной полноте. Усилия

---

¹ Глубокий анализ проблемы «иноного авторства» сказки и обоснованное опровержение авторства А.С. Пушкина дается в статье Т.П. Савченковой «“Конек-Горбунок” в зеркале “сенсационного литературоведения”» (Культурный центр П.П. Ершова в г. Ишиме. www.erшов.ishimkultura.ru).

современных литературоведов и методистов направлены именно на сокращение этой дистанции, на заполнение временного промежутка реальным содержанием, которое вырастает из пересечения многих точек зрения, мнений, толкований отдельных образов сказки и ее художественного целого. Значит, современный учитель имеет дело не с «голым текстом» произведения, а с текстом «оголошенным», говоря словами М.М. Бахтина. Задача словесника – расслышать диалогическое сплетение множества голосов и в то же время не утратить чувства их единства и целостности.

Петр Павлович Ершов не предназначал сказку «Конек-Горбунок» детям. И современники поэта не воспринимали ее как детское произведение. Такую репутацию за «Коньком-Горбунком» закрепила лишь практика советских изданий. Однако исследователи «Конька» неоднократно писали об особом, «взрослом» содержании книги, находя его в ироническом тоне повествования (И.П. Лупанова²), «реалистической достоверности» бытовых образов (В.П. Аникин³, В.Г. Утков⁴), философском подтексте (С.А. Комаров⁵), традициях смеховой культуры (В. Евсеев⁶), эротизме и языковой игре (Я.И. Гин⁷). К области недетского содержания сказки относится и квазиисторический мир, созданный П.П. Ершовым. Как ни странно, несмотря на многочисленность исторических аллюзий, эта сторона «Конька-Горбунка» остается до сих пор наименее изученной.

Адресуя сказку детскому читателю, современные исследователи не предлагают отказаться от проблемных аспектов в ее интерпретации, наоборот, подчеркивают, насколько они могут быть интересны маленькому читателю при первом знакомстве с произведением. Так, автор статьи о П.П. Ершове в учебном пособии «Детская литература» (М., 1998) И.Н. Арзамасцева отмечает: «Условное эпическое пространство Руси в

² Лупанова И.П. П.П. Ершов: вступительная статья // Ершов П.П. Конек-Горбунок. Стихотворения. Л., 1976. С. 5–52.

³ Аникин В.П. О сказке «Конек-Горбунок» // Ершов П.П. Конек-Горбунок. М., 1986. С. 130 — 142.

⁴ Утков В.Г. Дороги «Конька-Горбунка». М., 1970.

⁵ Комаров С.А. Концепция становления человеческого духа в сказке П.П. Ершова «Конек-Горбунок» // Вестн. Тюменского гос. унта. 2006. № 1. С. 21–26.

⁶ Евсеев В.Н. Романтические и театральноплощадные традиции в «Коньке-Горбунке» П.П. Ершова // Русская сказка: межвузовский сб. науч. и информативных трудов. Ишим, 1995. С. 95–115.

⁷ Гин Я.И. Словесная травестия: Месяц Месяцovich в «Коньке-Горбунке» П.П. Ершова // Фольклорная традиция в русской литературе. Волгоград, 1986. С. 17–24.

«Коньке-Горбунке» существует в условном же времени: здесь смешаны черты разных веков – от пятнадцатого до девятнадцатого. Сильно обобщен поэтом русский национальный характер, его сильные и слабые стороны. Все герои, за исключением заморской Царь-девицы, представляют единый национальный тип, все говорят на бойком, цветистом русском языке, думают и переживают совершенно по-русски. Контрасты национального характера в изображении Ершова отвечают представлениям народа о себе самом: лукавый ум и наивность, лень и труд, здравый смысл и глупость, восхищение перед красотой и чудом и – насмешка над чудесами». Но смешение временных примет в «Коньке-Горбунке» отнюдь не бессистемно.

На историзм сказки обратил внимание один из ее лучших иллюстраторов В. Милашевский еще в 1930-е годы: «...ершовская сказка слишком пригвождена к определенной эпохе, и именно к 30-м годам XIX века в историческом плане (с некоторым захватом эпохи конца XVIII века), и географически столица – это Петербург! Только Петербург, а не вообще абстрактная некая внешнегеографическая столица! <...> Столица, к которой подъезжают иностранные купцы, – только Петербург. Торговлю холстами, экспорт наладили только после Петра I. Значит, это петербургский период русской истории»⁸.

Тема истории вновь возникла в связи с проблемой авторства «Конька-Горбунка», когда А. Лацис усмотрел в нем пародийного двойника «Медного всадника», созданного самим автором великой поэмы: «Тут не пародия на «Медный всадник», а своего рода противовес, как выражались древние эллины – «антифон», другая половина хора. На одном коне – Петр Великий, или его воплощение, горделивый истукан, на другом коне, на Горбунке – Иван-дурак⁹». Итак, вновь аллюзии адресуются к русской истории XVIII века, к Петровской эпохе. Не оспаривая этого мнения, рассмотрим те компоненты повествования сказки П.П. Ершова, которые могут быть отнесены к его историческому пласту: а) названия административных учреждений и чинов; б) судебно-правовые институты; в) эпизоды, очевидно апеллирующие к известным фактам истории.

Проекция на историческое прошлое наиболее отчетливо проявляется в финале первой и во второй частях «Конька-Горбунка», в сценах, связанных со службой Ивана при царском дворе. Здесь и фигурируют

---

⁸ Милашевский В.А. Вчера, позавчера...: воспоминания художника. М., 1989. С. 308.

⁹ Лацис А. Верните лошадь! // Ершов П.П. Конек-Горбунок: русская сказка в трех частях / худож. Е. Соколов. М., 1997. С. 218.

наименования чинов: «городничий», «конюший», «спальник», «стремной», «ловчий», «боярин». Сам их подбор ориентирует читателя на мир Московского государства (XV – XVII вв.). Иерархия чинов в сказке П.П. Ершова представляет собой прихотливое сплетение достоверных исторических реалий и художественного домысла. Сами названия придворных чинов были взяты из административной системы Московского государства. Русский историк В.О. Ключевский так характеризует служилое сословие этого периода: «Различные слои его к концу XVI в. составили служебную иерархию, по ступеням которой служилые люди размещались «по отечеству и по службе» – по родословной знатности и по боевой годности, образуя несколько разрядов, или чинов. Эти ступени составляли три группы чинов, горизонтально лежавшие одна на другой. Вот их перечень, начиная сверху: 1) чины думные, бояре, окольные и думные дворяне; 2) чины служилые московские, т.е. столичные, – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы; 3) чины городские или уездные, провинциальные – дворяне выборные, дети боярские дворовые и дети боярские городские»¹⁰.

И в то же время исторические реалии, чины, которые получают герои, реплики персонажей проецируются на жизненный строй русской провинции начала XIX века. На игре изменявшимся во времени значениями одного исторического термина в значительной мере построена свойственная сказке ирония. В ее мире ведется игра между патриархальным, семейным укладом жизни в царском дворце и наименованием государственных учреждений, присущих сложной административной системе, названием должности, которую занимает герой, и его реальным положением при царском дворе. Надо думать, что основой для создания условно-исторического и в то же время ахронного мира послужили знания, полученные студентом П.П. Ершовым на философско-юридическом факультете, куда он был зачислен в 1831 г. и где обучался до 1834 г.

К типу условно-исторических эпизодов сказки П.П. Ершова относится появление «городничего» на столичном торге:

Коль не скажет городничий –
Ничего не покупать,
Ничего не продавать¹¹.

¹⁰ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / послесл. и коммент. сост. В.А. Александров, В.Г. Зимина. М., 1987. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. С. 194.

¹¹ Ершов П.П. Конек-Горбунок. Стихотворения / вступ. статья И.П. Лупановой; сост., подгот. текста и прим. Д.М. Климовой. Л., 1976. С. 67.

Судя по описанию («В туфлях, в шапке меховой, // С сотней стражи городской»), прототипом образа послужил городничий – представитель местной администрации в Московском государстве. Должность городничего (городового приказчика) ведет начало с XVI в. По словам автора статьи в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, «городничий в XVII в., по приезде нового воеводы, осматривал с ним укрепления и наряд, перемеривал и перевешивал артиллерийские запасы, наблюдал за всем, что принадлежало к городским укреплениям, имел полицейскую власть (наблюдение за безопасностью от огня, охранение общественной тишины и спокойствия, преследование корчемства)».

Знаменитый путешественник и дипломат XVI в. Сигизмунд Герберштейн писал об одной особенности торговли в России, которая напоминает приведенные слова сказки: «Всякий, кто привезет в Москву какие бы то ни было товары, должен немедленно объявить их и обозначить у сборщиков пошлин или таможенных начальников. Те в назначенный час осматривают товары и оценивают; после оценки никто не смеет ни продать их, ни купить, если они не будут прежде показаны государю. Если государь пожелает что-нибудь купить, то купцу тем временем не дозволяется ни показывать товары, ни предлагать их кому-нибудь. Отсюда купцы задерживаются иногда слишком долго...»¹².

Однако поведение ершовского персонажа (он наблюдает за порядком на базаре) более естественно для городничего, каким он стал известен после введения «Учреждений для управления губерний» при Екатерине II (с 1775 г.). С этого времени городничий представляет административно-полицейскую власть в уездном городе – не в столице. В соответствии с «Учреждениями...», «городничей не судья, но долженствует, во-первых, иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок; второе, чтоб предписанное законами полезное в городе исполняемо и сохраняемо было, в случае же нарушения онаго, городничей по состоянию дела, не смотря ни на какое лицо, всякому напоминать может о исполнении предписанного законом...». Кроме того, одно из

¹² Герберштейн С. Записки о московитских делах // Все народы едины суть / сост., предисл., коммент. П.В. Сеницыной. М., 1987. С. 556.

положений этого документа указывало: «За мерами и весами в городе имеет городничей общее с городовым магистратом смотрение», то есть прямо участвует в регулировании порядка торговли»¹³.

Итак, кто же перед нами: великий князь Московский, кому одному дано право решать, начинать ли торговлю иноземным купцам, городской приказчик, которого можно было встретить и в столице, и в вотчине, либо городничий из маленького уездного российского города, возможно сибирского? Персонаж П.П. Ершова не столько совмещает в себе черты каждого из исторических прототипов, сколько высвечивает несовместимость этих черт. Слово-термин живет в истории, меняется его содержание, но само слово остается неизменным и порождает игру историческими планами.

Травестирование русской истории обнаруживается еще более отчетливо, если проследить историю жизни Ивана при царском дворе, смену чинов, которые получает герой сказки. О перемене судьбы «дурак» говорит:

То есть я из огорода
Стану царский воевода.¹⁴

Здесь перефразирована пословица, ставшая эпиграфом к 3 части сказки: «Доселева Макар огороды копал, // А нонече Макар в воеводы попал». И так же, как в пословице, в речи героя слово «воевода» утратило исторический смысл, оно означает вообще знатного, важного человека. Однако Иван получает вполне определенный чин, далее в сказке он именуется «конюший государский»:

Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю <...>
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдает.¹⁵

Конюший (придворный чин Русского государства XV – начала XVII в.) – начальник Конюшенного приказа, введении которого находились табуны лошадей, придворные конюхи, а также имения, отведенные для царских табунов. С XVI в. должность конюшего связана с организацией конного войска. Конюший также фактически возглавляет Боярскую думу

¹³ Российские законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. тома Индова Е.И. М., 1987. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 226–227.

¹⁴ Ершов П.П. Конек-Горбунок. С. 72.

¹⁵ Ершов П.П. Конек-Горбунок. С. 71.

и активно участвует в дипломатической и военной деятельности. «... Древний знатный сан конюшего, в течение семнадцати лет никому не жалованный»¹⁶, получил при Федоре Иоанновиче Борис Годунов, будущий русский царь. Возможно, П.П. Ершов вполне сознательно проецировал сюжетный ход сказки (из бывшего конюшего Иван становится царем) на известный эпизод русской истории. В опубликованном в 1840 г. сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» говорится: «А кто бывает конюшим, и тот первой боярин чином и честию. <...> А при царе Василии Ивановиче и при царе Михаиле Федоровиче конюших не было, и при нынешнем нет, потому, как о том написано выше сего, что преже сего конюший Борис Годунов, что был царем, умыслил себе достать царство чрез убиение царевича Димитрия; и ныне в такой чин допускати опасаются»¹⁷.

Но положение Ивана при царском дворе неопределенно: с одной стороны, он занимает высокую должность, имеет боярский чин, с другой – сам ухаживает за лошадьми, спит на конюшне, то есть ведет себя как обычный конюх. Его предшественник («бывший конюших начальник») считает себя обиженным, лишившись должности и получив новый придворный чин – спальника. В то время как спальники (XV – XVII вв.) дежурили в комнате государя, раздевали и одевали его, сопровождали во время поездок. Обычно спальниками были молодые люди знатного происхождения. По словам С.М. Соловьева, «из спальников члены первостепенных родов жаловались прямо в бояре, второстепенных в окольничие и назывались комнатными или ближними боярами или окольничими»¹⁸.

Дальнейшее продвижение Ивана по службе служит источником такой же игры смыслами. Он получает в награду чин стряпчего: «Будь же царский стряпчий». Создавая условно-исторический мир сказки, П.П. Ершов называет исторически достоверные чины и должности, которые Иван занимает при царском дворе. Однако иерархия этих чинов не со-

¹⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III. С. 13.

¹⁷ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича // Бунташный век: век XVII. М., 1983. С. 471.

¹⁸ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1990. С. 267.

ответствует реалиям Московского государства: конюший во все периоды истории Руси занимал более высокое положение, чем стремянный (стременной). В ведомстве Конюшенного приказа находились разные «чиновные люди», среди которых были и «стремянные конюхи»: «...чин их таков: как царь ходит в поход или ездит по монастырем и по церквам, и они ездят и ходят за ним с плетью, и принимают ис-под царя и держат лошади, и подводят, и ходят подле стремяни и около саней и корет; да они ж надсматривают лошадей и посылаются по приказом же, по конским площадкам. А будет их с 50 человек, и живут на Москве по полугоду, надвое разверстаны; а днюют и начуют па конюшне, по 4 и по 5 человек в сутки»¹⁹.

Стременной (царский или княжеский) – придворный сановник. Он подводит царю коня, сопровождает царя, идет при стремени, а также у саней или кареты при царском выезде. Но в служебной иерархии существует и просто стременной – конюх, который находится при вершнике (верховом воине), принимает от него лошадь и подает стремя. Положение Ивана вновь двусмысленно: он более всего холоп, находящийся в кабальной зависимости от господина. И причиной этого стало перо жар-птицы – царский клад, неосторожно присвоенный Иваном и утаенный от царя. Слова Конька-Горбунка: «Много, много непокою // Принесет оно с собою», – имеют двойную мотивировку: как нарушение запрета, взятое перо служит мотивом для всех последующих приключений героя; как незаконно присвоенная вещь, в соответствии с судебной-правовой системой Московской Руси, является причиной закабаления Ивана.

Употребление исторического термина в нетерминологическом значении встречается в сказке неоднократно, например: «Молвил ловчий...». Ловчий – один из придворных чинов Московской Руси, но здесь слову возвращено его прямое значение – человек, который ловит (поймал) жар-птицу. Судя по всему, игра между наименованием чина и обозначением человека по его реальным действиям не случайна: конюший Иван служит на конюшне, не имея чина ловчего, является ловчим по исполняемой функции, получая должность стремянного, становится личным посыльным царя, его заместителем, комическим двойником и в то же время – личным рабом. То, что по логике реальной службы должно являться повышением в чине, лишь усиливает зависимость героя от царя.

Словесная игра формирует устойчивый иронический тон сказочного повествования: «Говорит послам Иван...». Ироническое «послы» одновре-

¹⁹ Котошихин Г. Указ. соч. С. 472.

менно и означает «посланные» царем слуги, и напоминает о должности Ивана: конюший при дворе обычно активно участвовал в дипломатической и военной деятельности и порой возглавлял правительство, как, например, Борис Годунов. Иван, конечно, никаких посольств не принимает, но выполнить «дипломатическую миссию» ему предстоит, отправившись по поручению Царь-девицы в Солнечное царство.

Основанная на исторических аллюзиях ирония направлена не только на главного героя «Конька-Горбунка», но и на других персонажей сказки. Так о спальнике (вредителе в системе сказочных персонажей) сказано, что он «из боярских слыл детей». Здесь сама принадлежность к «детям боярским» указывает на темное, возможно, незнатное происхождение. В.О. Ключевский приводит такой пример: «...в 1585 г. в Епифановском уезде 289 донских казаков зараз были поверстаны в звание детей боярских, составлявшее низший чин провинциального дворянства, и получили там поместные надель»²⁰. Дети боярские – не родовитое дворянство, которое появилось на Руси с XV века. Говоря о состоянии России XIV–XV вв., Н.М. Карамзин пишет: «Второй многочисленнейший род записных людей воинских назывался детьми боярскими: в них узнает прежних боярских отроков; а княжеские обратились в дворян. Всякий древний, областной город, имея своих бояр, имел и детей боярских, которые составляли воинскую дружину первых»²¹. Дети боярские несли обязательную службу, получая за это от князей, бояр и церкви поместья, при этом не имели права отъезда из своих угодий и права перемены службы. Обычно дети боярские составлялись из потомков младших членов княжеских дружин – отроков (по преимуществу дворовые слуги князя). В XV и в первой половине XVI в. наименование «дети боярские» считалось выше звания дворян, так как последние часто происходили от несвободных княжеских слуг удельного времени. Но к концу века положение изменилось: «дети боярские» перешли в разряд нижнего дворянского чина. В XVI в. дети боярские делились на дворовых (часть верхов господствующего класса) и городских (провинциальные дворяне).

«Дети боярские» раньше, чем их «отцы» (бояре, удельные князья) перешли на службу к Московскому князю, а позднее – царю. Во времена Ивана Грозного новая дружина царя в значительной мере состояла из боярских детей, по словам Н.М. Карамзина, «отличных не достоинствами, но так называемым удалством, распутством, готовностью на все, Иоанн предлагал им вопросы о роде их, о друзьях и покровителях; требовалось

²⁰ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 191.

²¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. II. С. 229

именно, чтобы они не имели никакой связи с знатными боярами; неизвестность, самая низость происхождения вменялась им в достоинство²².

Царь угрожает волшебному «дураку» отнюдь не фантастическим наказанием – он грозит, что отдаст его «в палки», «на правеж», посадит «в решетки» или «в острог». «*Прикажи сейчас хоть в палки...*», – говорит Иван. Его слова напоминают, что для получения показаний в правовой системе Московского государства использовались длинные палки (отсюда происходит слово «подлинный» в значении «истинный»).

С той же эпохой в истории России соотносится и другая угроза: «*На правеж – в решетку – на кол!*». Царь обвиняет Ивана в воровстве, в сокрытии «клада», который принадлежит именно царю. Поэтому Иван может попасть на правеж – так в правовой системе Московской Руси называлось взыскание с ответчика в пользу истца. «Сие взыскание долгов, – пишет Н.М. Карамзин, – называемое *Правежом*, делалось таким образом; пристав выводил должника разутого на улицу, к дверям *Судной избы*, и сек его в часы заседания по голой ноге прутом, иногда для вида, иногда больно, до самого того времени, как судьи уезжали домой»²³.

Требование возместить несуществующий долг с помощью правежа было распространено в эпоху Ивана Грозного: «...слуга опричника, исполняя волю господина, с некоторыми вещами прятался в доме купца или дворянина: господин заявлял его мнимое бегство, мнимую кражу; требовал в суде пристава, находил своего беглеца с поличным и требовал с невинного хозяина пятьсот, тысячу или более рублей. Не было снисхождения: надлежало или немедленно заплатить, или идти *на правеж*: то есть неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сечь его всенародно до заплаты денег»²⁴.

В русской исторической песне сюжет о «правеже» также связан с именем Ивана Грозного:

*Среди-то торгу, братцы, среди площади,
Тут бьют доброго молодца на правеже,
Нагого, босого и разутого.
Поставили иго на бел горяч камень,
Стоит молодец – сам не тряхнется,
Русы его кудри не ворохнутя,
Лишь из глаз горячи слезы»²⁵.*

²² Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. III. С. 49.

²³ Там же. С. 267–268.

²⁴ Там же. С. 50.

²⁵ Русская историческая песня: сб. / вступ. ст., сост., примеч. Л.И. Емельянова. Л., 1990. С. 91.

Правда, и здесь П.П. Ершов выстраивает не конкретно исторический, а квазиисторический мир, основанный на совмещении исторически несовместимых реалий. *Острог* в значении «тюрьма» встречается в России XVIII – XIX вв. Ранее же острогами называются деревянные укрепления в пограничной полосе Российского государства, с XVI – XVII вв. преимущественно в Сибири. В мире «Конька-Горбунка», который проецируется одновременно на прошлое России и ее современность, острог (тюрьма) соседствует с «решетками» (тюрьмой).

«Двойное дно» сказочного повествования обнаруживается в авторской трактовке традиционного волшебного сюжета о воцарении главного героя – дурака. По-видимому, П.П. Ершов намеренно проецирует этот сюжет на события Смутного времени. Так, сказочный спяльник видит в Иване самозванца и готов воспользоваться характеристиками, которые и в фольклоре, и в литературе закреплены за образом Григория Отрепьева:

*Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкий держит крест
И постами мясо ест*²⁶.

Известно, чтобы получить поддержку Польши, Отрепьев пообещал ввести в Московском государстве римско-католическую веру. Свадьба Лжедмитрия с Мариной Мнишек происходила 8–9 мая 1606 г., в пятницу, то есть в постный день, когда венчания были запрещены церковью, и в ночь на Николу Вешнего – один из особенно чтимых христианских праздников. Н.М. Карамзин так пишет об этом событии: «7 мая, ночью, невеста вышла из монастыря и при свете двух сотен факелов, в колеснице, окруженной телохранителями и детьми боярскими, переехала во дворец, где в следующее утро совершилось обручение по уставу нашей церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, в тот же день, накануне пятницы и святого праздника, совершился и брак...»²⁷.

Основной тон всего эпизода выводит его за границу художественного мира волшебной сказки: ни сатира, ни ирония ей не свойственны. Зато повествование П.П. Ершова проецируется на книжную и устную культуру, приобретая пародийное звучание. Последние четыре стиха не входили в первоначальные варианты «Конька-Горбунка» (I – III редакции), и, видно, ироническая направленность произведения усиливалась со временем.

²⁶ Ершов П.П. Конек-Горбунок. С. 76.

²⁷ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. III. С. 157.

При этом логика собственно сказочного повествования все же не нарушена. И сюжет, и структура главного героя остаются в рамках жанровой поэтики волшебной сказки.

Тема самозванства вновь возникает в финале «Конька-Горбунка»:

*«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть». <...>
Царь царицу тут берет,
В церковь божию ведет...»²⁸*

Образ Ивана и вся история его воцарения иронически соотнесены с эпизодом коронации Лжедмитрия и Марины Мнишек, вопреки всем правилам сначала венчанной на царство, а затем уже повенчанной с Лжедмитрием, к тому времени объявленным «самодержцем, цесарем и великим князем всея России». В изложении Н.М. Карамзина этот эпизод, без сомнения, был известен автору «Конька-Горбунка»: «В церкви Марина приложилась к образам – и началось священнодействие, дотоле беспримерное в России: царское венчание невесты, коим Лжедмитрий хотел удовлетворить ее честолюбию, возвысить ее в глазах россиян, и, может быть, дать ей, в случае своей смерти и неимения детей, право на державство. Среди храма, на возвышенном, так называемом *чертежном* месте сидели жених, невеста и патриарх: первый на золотом троне персидском, вторая на серебряном. Лжедмитрий говорил речь: патриарх ему ответствовал и с молитвою возложил животворящий крест на Марину, бармы, диадиму и корону (для чего свахи сняли головной или венец невесты). <...>. Таким образом дочь Мнишкова, еще не будучи супругою царя, уже была венчанною царицею (не имела только державы и скиптра). Духовенство и бояре целовали ее руку с обетом верности. Наконец выслали всех людей, кроме знатнейших, из церкви, и Протопоп Благовещенский обвенчал Расстригу с Мариною. Держа друг друга за руку, оба в коронах, царь и царица (последняя опираясь на князя Василия Шуйского) вышли из храма уже в час вечера и были громко приветствуемы звуком труб и литавр, выстрелами пушечными и колокольным звоном, но тихо и невнятно народными восклицаниями»²⁹.

Заметим, что, подобно другим историческим аллюзиям в сказке П.П. Ершова, финал проецируется сразу на несколько эпизодов русской истории. В частности, он вызывает ассоциации с женскими правлениями XVIII века и в особенности с началом «золотого века» Екатерины Второй.

²⁸ Ершов П.П. Конек-Горбунук. С. 119.

²⁹ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. III. С. 158–159.

Травестирование русской истории, игра историческими понятиями, утратившими смысл для читателя – современника автора «Конька-Горбунка» или приобретшими значения, далекие от первоначальных, составляет особый, внутренне целесообразный содержательный слой сказки П.П. Ершова. С одной стороны, он может служить показателем самобытности произведения, которое не сводится к стихотворной обработке фольклорного источника. С другой – включается в общий каламбурно-игровой поэтический строй сказки, веселого произведения о метаморфозах удачливого и счастливого «дурака», который ничего не знает об истории, внутри которой он находится*.

---

* В качестве иллюстраций использованы рисунки художника А.С. Кухтерина, выполненные им для «Былей и небылицей Тавдинского края» П.А. Городцова (Тюмень, 2000).

Учредитель и издатель
МАУК «Централизованная городская
библиотечная система»
Литературно-краеведческий центр

Главный редактор Оксана Чечета
Корректор Вера Горбатовская
Дизайн и верстка Евгения Парфенова

Адрес редакции :
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51.
Тел. (345-2) 22-13-69

Подписано в печать 16.12.2010.
Формат 60×84/16.
Гарнитура «Myriad Pro»

Офсетная печать.
Бумага офсетная № 1.
168 стр. цв. вкл. 20 стр.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ИПЦ «Экспресс».
625007, г. Тюмень,
ул. Мельникайте, д. 123 А, стр. 3.
Тел. 41-99-3